

Через
Солнечную
сторону

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

Через Солнечную сторону

Сборник
научно-фантастических
рассказов о планетах
Солнечной
системы

Предисловие Г. Гуревича

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА 1971

- Ч 46 Через Солнечную сторону. Сборник науч.-фантаст. рассказов. Предисл. Г. Гуревича, М., «Мир», 1971, 384 стр. (Зарубежная фантастика).

Место действия рассказов, представленных в сборнике, — планеты Солнечной системы. О том, с какими сложностями может быть связано освоение околосолнечного пространства, рассказывают в своих произведениях писатели-фантасты разных стран.

7-3-4
186-71

Сб 3

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

Через Солнечную сторону

Редактор *Е. Г. Ванслова*

Художник *И. М. Валеулин* Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*
Технический редактор *З. И. Резник* Корректор *А. Я. Шехтер*

Сдано в набор 1/IV 1971 г. Подписано к печати 21/VII 1971 г.
Бумага тип. № 2 70 × 108¹/₂—6,00 бум. л. Усл.-печ. л. 16,80.
Уч.-изд. л. 16,05. Изд. № 12/6207. Цена 81 коп. Зак. 1043.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР». Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2
им. Евг. Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров СССР. Ленинград, Измайловский пр., 29.

Владельцы Солнечной системы

Советскому читателю едва ли нужно напоминать слова Циолковского о том, что Земля — колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели. Слова эти известны во всем мире. Вот и Артур Кларк, английский ученый и фантаст, цитирует их в своем рассказе «Колыбель на орбите», который завершает наш сборник «планетной» фантастики.

Пожалуй, мы живем в эпоху, когда «младенец» уже выбрался из колыбели. Он даже переступил порог земного дома, жадно и нетерпеливо всматривается он в будущее свои космические владения, в просторы за атмосферной околицей. Когда же космос станет его домом? Тот же Кларк в своей таблице будущих открытий называет следующие даты:

1980 г. — высадка на планеты (подразумеваются Марс и Венера),

2000 г. — заселение планет.

И футурологи, посчитав даты по дельфийскому методу, добавляют:

2020 г. — высадка на Юпитер,

2023 г. — облет Плутона, т. е. окончание исследования планет.

Так или иначе, в течение ближайших ста лет человечество осмотрится и начнет освоение всей Солнечной системы. Сыны Земли станут сынами Солнца,

владельцы одной планеты — владельцами планетной системы. Вполне естественно, что будущие хозяева с интересом осматривают поле своей деятельности. А фантастика, забегая вперед, судит и рядит об этом новом доме человечества, высказывает надежды и опасения, строит планы и догадки.

Надеждам, опасениям, планам и догадкам зарубежных фантастов и посвящен наш сборник.

В нем собрано четырнадцать рассказов, действие которых происходит на планетах Солнечной системы. Рассказы расположены в «астрономическом порядке» — начиная от знойного Меркурия, к дальним мерзлым мирам, таким, как Уран, Плутон и даже гипотетический, еще не найденный телескопами Трансплутон.

Итак, последовательность астрономическая. Но научная фантастика — это литература, а не раздел астрономии. В предисловии хотелось бы напомнить и о литературной логике. Пока будущие космические богатыри держатся за косяк калитки, фантастика, словно старая нянюшка, нашептывает им о грядущих подвигах — о надеждах, опасениях, планах и догадках, как было сказано выше. А у надежд и планов тоже есть своя логика.

Вдруг...

Прежде всего о надеждах.

Хотелось бы найти на планетах что-то радостное, необыкновенное, счастье невиданное и неожиданное. Летите вы, ничего не подозревая, ничего не ожидая особенного, и вдруг...

Этому благодетельному «вдруг» посвящен рассказ Клиффорда Саймака «На Юпитере». В бурные, мутные,

ядовитые вихри юпитерианской атмосферы, поглотившие уже нескольких человек, решает погрузиться начальник исследовательской станции. Но внезапно...

Саймаку больше, чем другим авторам, свойственно это упование на неожиданное нелогичное счастье. Во многих рассказах умные умники у него остаются в дураках, пришельцы вступают в контакт с детьми или дурачками и не оправдываются опасения опасливых. Сорок поколений космических путников прозябает в ожидании Грохота, вещающего конец. Но этот «конец» оказывается началом новой светлой жизни («Поколение, достигшее цели» — рассказ вошел в сборник «Прелесть», изд-во «Мир», 1967 г.). В рассказе «На Юпитере», представленном в нашем сборнике, исследователи, готовые совершить подвиг, казалось бы рискуют головой. И вдруг...

Заманчивое «вдруг» в фантастике чаще принимает форму встречи со старшими братьями по разуму: с марсианами, с пришельцами, прилетевшими на летающих тарелках с планет, звезд, из чужих галактик, антимиров. Но медовый месяц надежд на встречу с марсианами, растянувшийся на полвека, теперь позади, в наше время надежды увядают. Они бурно расцвели после 1877 г., когда Скиапарелли открыл на Марсе каналы. Это открытие породило целую серию марсианских романов. Им отдали дань Уэллс, Берроуз, Лассвиц, А. Богданов, А. Толстой. Однако вслед за тем астрономия установила, что Марс почти безвоздушный, почти безводный, сухой, холодный, скудный мир. Таким он изображен в рассказе Уиндема «Адаптация»: меланхоличная дремлющая планета с меднокопкокольцами, полузасыпанными руинами исчезнувшей цивилизации (как бы символом исчезнувших надежд на марсианскую цивилизацию). А в самые последние годы, уже после того, как был написан рассказ Уиндема, были получены из космоса фотоснимки

поверхности Марса. Кратеров там, как и на Луне, полным-полно, а каналов не различишь (или почти не различишь). Неужели сто лет нас морочила оптическая иллюзия? Или же все зависит от дистанции? Известно, что у нас в Средней Азии археологи с самолета отлично различают валы и фундаменты бывших городов, а пеший путник видит только бархапы и глинистые такыры.

Если доверять расчету Кларка, тайны Марса будут окончательно разгаданы в ближайшем десятилетии. Может быть, правы скептики: нет никаких каналов, Марс подобен мертвой Луне.

Эту точку зрения отражает Станислав Лем в своем рассказе «Ананке» (Пиркс на Марсе).

Есть ли жизнь на Марсе, наука еще не установила окончательно, но на сегодняшний день она склоняется к тому, что, вернее всего, ее нет. В лучшем случае — споры или почвенные бактерии во влажных низинах. А споры или почвенные бактерии — это не братья по разуму, даже не космические чудища, с которыми отважному покорителю космоса хотелось бы сразиться. И фантастика с надеждой смотрит ныне на большие планеты, удаленные и таинственные. Правда, они далеки от Солнца, покрыты льдом... но сейчас ученые считают, что недра их так же раскалены, как и земные. Стало быть, есть вероятность, что между раскаленным ядром и ледяными облаками, где-то на полпути — слой, приемлемый для жизни. Так ли это, наука пока не знает, но фантастика предпочитает населенные миры. И в нашем сборнике вы встретите жизнь и в недрах Юпитера, и в недрах Урана, и на промерзшем Плутоне, и даже на загадочном Трансплутоне...

Проблема жизни на далеких планетах связана с давним спором, и литературным и научным: обязательно ли жизнь должна быть белковой? Обязательно ли она похожа на земную? И обязательно ли все разум-

ные существа должны быть подобны человеку: двуногие, двуглазые, прямоходящие, со звуковой речью?..

Мнения на этот счет имеются разные. Сходство всех разумных отстаивает И. Ефремов, доказывая единство законов красоты, допуская восхищение человеческой красотой инопланетян.

Но если все братья по разуму человекоподобны, тогда их не может быть в водородо-гелиевой или метано-аммиачной вонючей атмосфере больших планет. Их не может быть в непроглядных недрах, где глаза ни к чему. Не может быть на планете, где атмосфера в миллионы раз плотней земной. И описывая неземную жизнь, фантасты волей-неволей придают ей нечеловеческие фантастические черты. Вот у Стенли Вейнбаума движутся по Урану сцепившиеся гигантские гусеницы («Планета сомнений»). У Кемпбелла по Трансплутону ползут грубо отесанные глыбы — удивительные существа, у которых все движения совершаются автоматически и не контролируются разумом. У земной жизни тенденция развития противоположная: безусловные рефлексy подчиняются сознанию все больше и больше. Азимов же населяет Юпитер существами невообразимыми: и передвигаются они непонятно как, и органов чувств в нашем понимании у них нет совсем. Слепые, они все же ощущают массу.

Кстати, тут мы являемся свидетелями еще одного давно ведущегося в фантастике спора: а какие они, братья по разуму — злые или добрые, агрессивные или благожелательные?

Марсиане у Герберта Уэллса — кровопийцы-завоеватели. Марсиане Берроуза — экзотические дикари, голливудские индейцы, перенесенные в космос. Марсиане Бредбери — таинственно-мудрые и бессильные, подавленные землянами, как подавлены были древние майя европейскими монахами и золотоискателями. У Лас-вица марсиане — просвещенные наставники Земли;

Богданов помещает на Марс совершенное общество будущего.

В нашем сборнике немного рассказов о братьях по разуму. Это не случайно. Сейчас мало кто надеется найти их в пределах Солнечной системы. Рассказ Азимова «Непредвиденная победа» скорее сатирический. С большим юмором высмеивает он агрессоров, населяющих Юпитер, заносчиво-трусливых, тупо-самодовольных и слепых в своей ограниченности, слепых в прямом и переносном смысле.

Отважные в сверхпустыне

Есть ли жизнь на планетах, наука пока не знает. Возможно есть где-нибудь. Но возможно, и нет совсем. И дразнящие воображение просторы за окошком земного дома окажутся голой пустыней, только пустыней. Космопроходцам предстоят лишь приключения в пустынях, более знойных, чем Сахара, более холодных, чем Антарктида. Предстоят только плаванья в пустом межпланетном океане, более пустынном, чем самые отдаленные полярные моря.

Представления такого рода становятся все более распространенными, что отражается, естественно, и в литературе. В нашем сборнике оказалось очень много рассказов о приключениях в космической сверхпустыне, о безжизненном космосе.

Раскаленную, выжженную безжалостным Солнцем знойную пустыню Меркурия пересекают герои Алана Нурса («Через Солнечную сторону»). Их охватывают противоречивые чувства, осторожность борется в них с азартом. Смерть ходит рядом. Но и трагическая неу-

дача не может погасить стремления человека покорять все новые и новые космические просторы.

У Айзека Азимова астронавты, потерпевшие крушение в поясе астероидов, проявляя незаурядную находчивость, ищут путь к спасению («В плену у Весты»).

В ядовитые сумрачные глубины Сатурна спускаются исследователи в рассказе Гарри Гаррисона («Давление»). Советский читатель знает этого автора по сборнику «Тренировочный полет», недавно выпущенному издательством «Мир». И ему приятно будет узнать, что герой Гаррисона — космический пилот — в критическую минуту, когда надо рисковать жизнью, вдохновляется примером Гагарина. Гагарин для него — образец космического характера.

О трагическом приключении на мерзлом Плутоне повествует Ларри Найвен в лаконичном и выразительном рассказе «Дождусь». Любопытна здесь спорная и незатасканная идея о сверхпроводимости в нервах замерзшего человека.

Пустынный и голый Марс без марсиан рисует Станислав Лем в рассказе «Ананке» — новом из серии приключений Пиркса. Некогда наивный и романтичный юнец, Пиркс от рассказа к рассказу становится все более зрелым и степенным. Здесь, в «Ананке», он уже в критическом для космонавта возрасте. Многие его ровесники давно сменили кресло космонавта на кабинетную службу. В «Ананке» Лем снова ставит Пиркса перед проблемой: кто больше заслуживает доверия — человек или машина? Пиркс решает ее с присущим ему здравым смыслом и человеческим чутьем.

В этом рассказе Лем снова демонстрирует размах своего литературного таланта. Наряду со сверхфантазиями Ийона Тихого, с безудержным взлетом сказок для роботов Лем пишет рассказы о Пирксе — это описание будничного космоса со всеми деталями, техническими и даже бюрократическими. С улыбкой, иногда

списходительной, вы можете читать фантазии Азимова, Саймака или Найвена. Но «Пиркс» читается с доверием. В Пиркса нельзя не верить.

Открытое обживаетеся

Но вот пустыни пройдены вдоль и поперек. Нанесены на карты горы и пропасти, составлены лоции, взяты на учет астероиды. За стадией открытия следует стадия обживания. Торопливая фантастика описывает и то и другое.

Рассказ Лема рисует начальную стадию обживания с ее строительными лесами, грудями ящиков и бочек, завезенных с Земли. Но в нашем сборнике немало и рассказов о том, как живут на планетах люди — не героические первопроходцы, а обыкновенные поселенцы со своими делами — хозяйственными, финансовыми, семейными и личными.

Освоенную Луну изображает Карлос Раш — писатель из Германской Демократической Республики («Влюбленные на станции «Лунные горы»). Время действия — XXI век. На Луне города, катакомбы и штольни, ракетостроительные верфи, космический флот, учебные центры и учебные залы, и в залах учащиеся — молодые люди, стажеры... а у молодых людей любовь — земная любовь на Луне.

Общечеловеческую тему эту подхватывает Артур Кларк. Естественное продолжение любви — дети. У Кларка точная дата — год 2000, тоже обжитая Луна, Луна как стартовая площадка для кораблей, летящих на Марс. На Луне чтят память Циолковского и заслуги Советского Союза, открывшего в 1957 году космическую эру. На Луне дружно работают ученые разных наций, и у одного из них рождается ребенок — его колыбелька уже за пределами планеты-колыбели. «Колыбель на орбите» — так назвал Кларк свой рассказ.

У нас в сборнике как бы создается коллективная повесть, где каждый автор берет на себя по главе. Карлос Раш написал главу первую «Космическая любовь», Артур Кларк — главу вторую «Космическая колыбель», главу третью взял на себя Джон Уиндем (советский читатель знает этого автора по роману «День триффидов», вошедшему в серию «Современная фантастика», изд-во «Молодая гвардия»). Рассказ Уиндема, посвященный космическому детству, называется «Адаптация», и речь в нем идет об одной из подлинных трудностей покорения космоса — о приспособлении живого земного организма к космическим условиям, прежде всего к непривычной гравитации — к повышенной или пониженной силе тяжести или даже к невесомости. Из практики космонавтов, советских и американских уже известно, что организм человека быстро приучается к удивительной невесомости, к ней приспособляются мускулы и глаза. Но невесомость расслабляет, словно лежание в постели, и обратный переход к земной силе тяжести чувствителен. Конечно, особенно чувствителен он будет для детей, выросших на небесных телах с малым притяжением — на Луне, или на Марсе, или на лунах других планет. Об этом и рассказывает Уиндем.

Вероятно, освоение космоса преподнесет еще немало сюрпризов. Заселение планет не будет похоже на заселение Америки или Австралии европейцами, которые, высадившись на берег, могли ставить дом и тут же пахать. Заселение планет прежде всего потребует переделки природы, ее планового преобразования. Но мотив переделки космической природы, очень распространенный у советских писателей, в западной фантастике встречается не так часто. Там больше пишут о вывозе сырья, торговле, спекуляции. Естественно: для стран капиталистических космос — объект эксплуатации, для социалистических — объект преобразования.

И в рассказе, рекордном по отдаленности даты, отнесенном к началу XXII века («История с песчанкой»), автор рисует американизированную капиталистическую Венеру. Там упоминаются лавочки, контрабандисты, космические пираты, богатые туристы. А речь идет о косности ученых-бюрократов, которые пуще всего на свете боятся непривычного, готовы отказать от спасения людей, лишь бы спасти «честь мундира».

Как бы подчеркивая формализм мышления ученых мужей Венеры, автор придает своему рассказу форму административной переписки.

Космическая драматургия

Несколько в стороне стоит в нашем сборнике рассказ польского писателя Витольда Зегальского «Приключения в кольцах Сатурна». С этим автором мы встречались в сборнике польских фантастов «Вавилонская башня», и уже там Зегальский познакомил нас с роботом Катодием, толковым и старательным слугой капризного барина, который кичится тем, что в отличие от робота у него — человека — есть дурные привычки. Теперь рядом с Катодием появился еще и Анодий, робот-поэт, сочинитель роботофантастики, сказки о необыкновенных свойствах колец Сатурна. Конечно, кольца Сатурна играют тут только условную роль, это место действия роботосказки.

И здесь уместно напомнить о выборе места действия в фантастике, ибо для нашего сборника, где место действия ограничено планетами Солнечной системы, вопрос этот немаловажен.

Свои трагедии, комедии и фарсы фантастика предпо-

читает разыгрывать на заднем плане сцены, там, где декорации еле видны в полутьме. Ярко освещенная, четкая рампа не всегда приемлема для фантастов. Если хорошо видна каждая деталь обстановки, фантазировать труднее.

Но по мере расширения знаний все шире становится освещенная площадка. Человечество действует как бы на растущей сцене. Сфера действия фантастики не сужается, а, напротив, растет, поскольку удлиняется периметр круга знаний. Но фантастика все время отодвигает место действия дальше и дальше в неизвестность. В XVI—XVIII веках она предпочитала неведомые острова в неведомых морях («Утопия», «Путешествия Гулливера»), потом центральные области материков и полярные страны, а с конца XIX века — планеты, прежде всего Марс с его каналами и кажущимся сходством с Землей.

Но теперь планетная фантастика доживает последние годы. Планеты Солнечной системы стали слишком близкими. Стоит ли опираться на догадки, которые через несколько лет могут быть проверены или опровергнуты?

Выше я сравнивал фантастическую литературу со старушкой-нянюшкой, которая рассказывает будущему владельцу планет о его поле деятельности, о надеждах и опасениях, связанных с этим обширным космическим именем.

Но ведь нянюшка и сама не бывала в том имении. Рассказы ее опираются на наблюдения ученых людей, которые там тоже не бывали, а только рассматривали его в подзорные трубы. И поэтому в повествование вкрадываются и ошибки наблюдателей, и ошибки пересказчицы.

Да, встречаются ошибки и в пересказе. Даже у Азимова, посвятившего большую часть жизни популяризации солидной науки без всяких выдумок, вкра-

лась ошибка в рассказ о Весте — правда, это первый научно-фантастический рассказ Азимова. Его герои, выпуская воду из бака, надеются совершить мягкую посадку на Весту, считая, что притяжение астероида ничтожно. Оно и в самом деле невелико, но и не ничтожно. Притяжение Весты раз в сорок меньше земного, тела падают на нее раз в сорок медленнее, чем на Землю, но это составляет около 300 м/сек — скорость звука, скорость реактивного самолета. Если космический корабль врежется на таком ходу в скалы, едва ли это можно назвать спасением. Впрочем, своевременно заметив просчет автора, герои могли бы снастись, пробив вторую дыру в баке и тормозя более мощной струей воды.

Азимов сам ошибся, а Нурса подвели учебники. Вплоть до последних лет в учебниках астрономии писалось, что Меркурий обращен к Солнцу одной стороной, как Луна к Земле, как луны Юпитера к Юпитеру, как вежливый придворный, который никогда не покажет королю спину. Но взялись за дело радиотелескопы, и оказалось, что такое представление ошибочно. Меркурий вращается так, что на всей его поверхности день сменяется ночью. Нет теневой, нет и солнечной стороны, и нельзя совершить по ней героическое путешествие. Правда, это не меняет сути дела. День на Меркурии продолжается около полутора земных месяцев, и температура в полдень доходит до 300—400 градусов, и течет сера, и плавится свинец, если есть там самородная сера и свинец. Но открытия последних дней, увы, опровергают многое.

Так со всеми планетами. Каждое новое наблюдение, каждый космический аппарат что-то меняет в прежних представлениях. И не за горами то время (1980—2020 годы по таблицам футурологов), когда космические корабли, автоматические или с людьми на борту, посетят все планеты. И будут проверены все

гипотезы и вся планетная фантастика, в том числе и пятнадцать рассказов, помещенных в нашем сборнике.

Проверка временем

Пойдут ли все они насмарку?

Вряд ли.

Ибо в каждом рассказе, помимо космической декорации, которая будет проверена наукой, есть еще и литературная сторона: герои, люди со своими человеческими переживаниями.

Пусть окажется неточным описание планет, где совершают подвиги герои Нурса, Вейнбаума, Гаррисона. Но не устареет жажда подвига, и чувство долга, и мужество, и вдохновляющая на героические поступки память о Гагарине.

Вероятнее всего, на дне газового океана Юпитера пет многолюдных городов. Но рассказ Азимова не потеряет значения, пока не исчезнет на Земле тупое самодовольное чванство и трусливая боязнь внешнего мира.

Возможно, вся Солнечная система разочарует мечтателей, не окажется жизни ни на Марсе, ни на Уране, и в глубинах Юпитера не обнаружится радостных неожиданностей, на которые упоает Саймак. Но разве перестанут люди мечтать о встрече с братьями по разуму, об удивительных вариантах жизни и о радужном непредвиденном — не обязательно на планетах, пусть за пределами Солнечной системы?! Мало ли в космосе звезд и других планет?!

Просто у фантастики переменится место действия. Отодвинется за передний край человеческих возможностей. Фантастику планетную заменит иная — звездная, или галактическая, или многомерная по Лобачев-

скому, или фантастика антимиров, или какая-нибудь совсем новая. Переменится место действия, но останется романтическая жажда подвига, жажда открытий, и ветка сирени в космосе, и мечта о покинутом доме, и многое другое, человеческое.

Я хочу напомнить, что фантастику надо уметь читать, отличая в ней местное от вселенского, декорацию от сути, преходящее от долговременного, долговечного (не скажу — вечного).

Фантастика, говорящая об изменчивости пространства и времени, сама меняется во времени.

Г. Гуревич

Алан Нурс

Через Солнечную сторону

Войдя вечером в ресторан «Красный лев», Джеймс Бэрон не испытал особого удовольствия, когда узнал, что его кто-то спрашивал. Он ничего не ожидал, ломать голову над загадками, неважно — серьезными или пустяковыми, вообще не любил, да к тому же в тот вечер у него хватало своих неотложных забот. Едва он переступил порог, швейцар ему выложил:

— Прошу прощения, мистер Бэрон. Вас тут спрашивал один джентльмен, фамилии назвать не пожелал. Сказал, будто вы сами не против повидаться с ним. Часам к восьми вернется сюда.

И вот Бэрон сидел, барабанил пальцами по столу, и от нечего делать поглядывал на сидевших за другими столами. В ресторане было тихо. Уличных дам отсюда выпроваживали — вежливо, но весьма убедительно; клипсуры для них здесь было немного.

Направо, у противоположной стены, сидела группа людей, мало знакомых Бэрону. Кажется, альпинисты, восходители на вершины Андов — может, не все, но двое из них точно. Ближе к двери он заметил старого Балмера — того самого, который проложил и нанес на карту первый маршрут в недра кратера Вулкан на Венере. Бэрон ответил на его приветливую улыбку кивком головы и, откинувшись на спинку кресла, стал нетерпеливо ждать непрошеного гостя, который потребовал

его времени и внимания, не доказав своего права на них.

Вскоре в дверях показался щуплый седой человек и через весь зал направился к столу Бэрона. Он был невысок ростом, худощав, с изможденным и чудовищно уродливым лицом. Возраст его угадать было трудно: ему могло быть и тридцать лет, и двести... На буро-коричневых, покрытых буграми щеках и лбу были заметны свежие, еще не совсем зажившие рубцы.

— Рад, что вы подождали меня, — сказал незнакомец. — Я слышал, вы собираетесь пересечь Солнечную сторону?

Бэрон пытливо глянул на него.

— Я вижу, вы смотрите телепередачи, — холодно бросил он. — Да, сообщение это соответствует истине. Мы собираемся пересечь Солнечную.

— В перигелий*?

— Конечно. Когда же еще?

Седой человек скользнул по лицу Бэрона ничего не выражающим взглядом и неторопливо произнес:

— Боюсь, вам не удастся пересечь Солнечную...

— Да кто вы такой, позвольте вас спросить?!

— Фамилия моя Клэни, — ответил незнакомец.

После долгой паузы Бэрон переспросил:

— Клэни? Питер Клэни?!

— Он самый.

Гнев Бэрона как рукой сняло, глаза его взволнованно заблестели, и он закричал:

— Тысяча дьяволов, да где вы прятались, старина? Мы разыскиваем вас уже несколько месяцев!

— Знаю. Надеюсь, что перестанете искать и вообще откажетесь от этой затеи.

* Перигелий — максимальное приближение планеты к Солнцу. — *Здесь и далее примечания переводчиков.*

— Перестанем искать вас? — Бэрон перегнулся через стол. — Дружище, мы уже потеряли надежду, но искать все равно не перестали. Ладно, давайте-ка выпьем. Вы ведь можете так много рассказать нам...

Клэни взял бокал, и было заметно, как дрожат его пальцы.

— Ничего не могу рассказать такого, что вам хотелось бы услышать.

— Послушайте, вы просто должны сделать это. Вы же единственный человек на Земле, кто попытался пройти по Солнечной стороне и вернулся живым. То, что вы дали прессе, — чепуха. Нам нужны подробности, понимаете? Где отказало ваше снаряжение? В чем вы просчитались? Что вас подвело? — Бэрон ткнул пальцем в лицо Клэни. — Вот, например, это у вас что — эпителиома*? Почему? Что случилось с защитным стеклом? Со светофильтрами? Нам надо знать все. Если вы нам расскажете, мы сумеем пройти там, где вам не удалось...

— Вы хотите знать, почему нам не удалось? — спросил Клэни.

— Да, конечно! Мы обязаны это знать.

— Ответ простой. Нам не удалось потому, что этого нельзя сделать. Мы не смогли, и вы не сможете. Ни один человек никогда, ни сейчас, ни через сотни лет, не сможет пересечь Солнечную сторону и остаться в живых.

— Ерунда, — сказал Бэрон. — Мы пройдем.

Клэни пожал плечами.

— Я был там. Я знаю, что говорю. Можете винить снаряжение, винить людей — просчеты были и в том, и в другом, — но самое-то главное — мы просто не

* Эпителиома — рак кожи.

знали, на что мы замахиваемся. Планета, сама планета, и еще Солнце — вот кто не дал нам пройти, вот кто одолел нас. И вас одолеют, если вы попытаетесь.

— Не будет этого, — решительно сказал Бэрн.

И тогда Клэни буркнул:

— Ладно, я вам все расскажу.

Сколько я себя помню, меня всегда интересовал Меркурий, особенно его полушарие, постоянно обращенное к Солнцу. Мне было примерно лет десять, когда Уайат и Карпентер предприняли последнюю попытку — это было, кажется, в 2082 году. Каждое известие о них я ловил, словно очередную серию телевизионного детектива. Страшно переживал, когда они исчезли.

Теперь-то я понимаю, что это были просто два идиота: пуститься на такое дело без нужного снаряжения, практически не зная характера поверхности, не имея даже простейшей карты! Конечно, они и ста миль не могли пройти... Но тогда-то я всего этого не знал, и гибель их для меня была страшной трагедией. Позднее я очень заинтересовался работой Сандерсона и его лабораторией в Сумеречной зоне. К этому времени Солнечная сторона Меркурия уже так крепко засела у меня в голове, что и пушкой не вышибить.

Но мысль о переходе через Солнечную первый высказал не я, а Микута. Вы не знали Тома Микуту? Нет, наверно. Он не японец, а поляк по происхождению, но жил в Штатах. Имел чин майора Межпланетной службы, много лет там проработал, потом вышел в отставку, но чином своим все равно гордился.

В годы службы он немало работал с Армстронгом на Марсе — вел топографические съемки, картографические работы для тамошней колонии. Я с ним познакомился на Вепере; мы там пробыли вместе пять лет, исследовали самые подлые места — хуже никому

не доставались, если не считать Матто Грассо. Потом он попробовал добраться до кратера Вулкан; эта попытка в некотором смысле помогла Балмеру несколько лет спустя.

Майор всегда нравился мне. Это был рослый, спокойный, хладнокровный человек. Он умел заглянуть вперед подальше других и никогда не терялся в трудную минуту. В нашем деле слишком уж много людей дерзких и удачливых, но начисто не способных на трезвый расчет. Майор обладал всеми этими качествами. Он был из тех, кто способен объединить ватагу необузданных дикарей и заставить их работать, как хорошо смазанная машина, скажем, на прокладке тысячемильной дороги в венерианских джунглях. Я любил его и верил ему.

Он разыскал меня в Нью-Йорке и поначалу ни о чем серьезном не говорил. Мы провели вечерок здесь, в «Красном льве», вспоминая о былом. Он рассказал мне, как пытался добраться до Вулкана, как летал на Меркурий, в Сумеречную лабораторию, повидаться с Сандерсоном, признался, что всегда предпочитает жару холоду, а потом вдруг спросил, чем я занимался после работы на Венере и какие у меня планы на будущее.

— Никаких особых планов, — ответил я. — А почему это вас интересует?

Он окинул меня взглядом.

— Сколько вы весите, Питер?

— Сто пятьдесят фунтов, — ответил я.

— Вот как! Ну, все равно, сала на вас немного. Как переносите жару?

— Вы должны бы знать, — ответил я, — Венера ведь не холодильник.

— Да я не о том, я о *настоящей* жаре.

Тут я начал соображать, что к чему.

— Вы замышляете экспедицию!

— Совершенно верно. Горячую экспедицию, — он широко улыбнулся. — И, может быть, опасную.

— Куда?

— На Солнечную сторону Меркурия.

Я тихонько присвистнул.

— В афелий*?

Он решительно откинул голову.

— Что толку затевать переход Солнечной в афелий? Чего ради? Четыре тысячи миль смертоносной жары — и только для того, чтобы какой-нибудь молодчик подкатил следом за вами, использовал все ваши данные и прикарманил вашу славу, проделав спустя сорок четыре дня тот же маршрут в перигелий? Нет уж, спасибо. Я хочу форсировать Солнечную без дураков, — он резко придвинулся ко мне. — Я намерен преодолеть Солнечную в перигелий и притом — по поверхности. Тот, кто это сделает, победит Меркурий. Пока еще никто не победил его. А я хочу, но мне для этого нужны помощники.

Тысячу раз я ловил себя на такой мысли, но ни разу не осмеливался подумать об этом всерьез. Никто не осмеливался, после того как исчезли Уайат и Карпентер. Как известно, Меркурий совершает оборот вокруг своей оси за то же время, что и оборот вокруг Солнца, и одно его полушарие поэтому всегда обращено к Солнцу. В перигелий это самое раскаленное место во всей нашей солнечной системе, если не считать поверхности самого Солнца.

Маршрут этот — чистое адово пекло. На себе испытали его всего несколько людей, но никто из них не вернулся, чтобы рассказать нам об этом. Да, конечно, это переход через огненный ад, и все же мне ве-

* Афелий — максимальное удаление планеты от Солнца.

рилось, что когда-нибудь найдутся люди, которые его совершат.

И мне захотелось быть одним из них.

Исходным пунктом явно могла быть только лаборатория в Сумеречной зоне, близ северного полюса Меркурия. Размаха тут особого не было: ракетная площадка, лабораторные помещения и жилье для людей Сандерсона глубоко в толще коры, да еще башня с солнечным телескопом, которую Сандерсон построил за десять лет до того.

Сумеречная лаборатория, естественно, не была особо заинтересована в завоевании Солнечной стороны: ведь Сандерсон занимался только Солнцем, и Меркурий ему был нужен просто как ближайшая к его любимому детищу глыба, на которой можно поставить обсерваторию. Место он выбрал, надо сказать, удачное. Температура на Солнечной стороне Меркурия достигает в перигелий плюс 410 градусов по Цельсию; а на Ночной стороне почти всегда постоянна — минус 244 градуса. Никакое сооружение, обслуживаемое людьми, при столь крайних температурах уцелеть не может. Но благодаря некоторому колебанию оси Меркурия между Солнечной и Ночной сторонами существует Сумеречная зона, где температурные условия несколько ближе к терпимым для человека.

Сандерсон построил лабораторию близ полюса, где Сумеречная зона достигает ширины шести миль и температурные колебания не превышают 25—30 градусов. Солнечный телескоп вполне стойко переносит такие скачки температуры, и из восьмидесяти восьми земных дней, составляющих меркурианский год, Сандерсон мог без затруднений наблюдать Солнце примерно в течение семидесяти дней.

Когда мы осели в лаборатории для окончательных приготовлений, майор рассчитывал на помощь Сан-

дерсона, который кое-что знал о Меркурии и о Солнце.

Сандерсон действительно кое-что знал. Он считал, что мы просто сошли с ума, откровенно сказал нам об этом, но и помог нам во всем. Целую неделю он инструктировал Джека Стоуна, третьего члена нашей экспедиции, который прилетел на несколько дней раньше нас со снаряжением и припасами.

Бедный Джек встретил нас на ракетной посадочной площадке чуть не плача — такую страшную картину Солнечной стороны нарисовал ему Сандерсон.

Стоун был совсем юнец, — ему, наверно, не было и двадцати пяти, — но он ходил с майором на Вулкан и умолил взять его на этот маршрут. У меня было такое ощущение, что Джек не особенно увлекался разведкой планет; просто он взирал на Микуту, как на божество, и готов был идти за ним повсюду, словно преданный щенок.

Мне-то было все это безразлично, лишь бы он понимал, на что идет. В нашем деле не стоит особенно расспрашивать людей, зачем их сюда потянуло. Как правило, они начинают что-то смущенно болтать и вразумительного ответа от них не добьешься.

Так или иначе, Джек взял на подмогу трех человек из лаборатории, к нашему прилету расставил все машины и разложил все снаряжение с припасами в полном порядке и готовности для проверки и опробования.

Мы с ходу занялись этим. Средств у нас хватало — от телевизионных компаний, да и у правительства Микута сумел кое-что заполучить, — поэтому все оснащение наше было новенькое и отличного качества. У нас было четыре вездехода: три легких — «жуки», как мы их называли, на особых уширенных баллонах-подушках, со специальными моторами, в которых при сильном повышении наружной температуры включалось

охлаждение свинцом, — и один тяжелый трактор для буксировки волокуш.

Майор проверил все до мелочей. Затем он спросил:

— Есть какие-нибудь известия от Макиверса?

— Кто это? — полюбопытствовал Стоун.

— Он с нами пойдет. Нужный человек. На Земле прославился как альпинист, — майор повернулся ко мне. — Вы, наверно, слышали о нем.

Я и впрямь слышал много всяких историй, героем которых был Тед Макиверс, и меня не особенно обрадовало известие, что он пойдет с нами.

— Отчаянный парень, кажется?

— Возможно. Он и удачлив, и искусен. Где провести границу? Нам ведь очень нужно побольше и того, и другого.

— Вы когда-нибудь с ним работали? — спросил я.

— Нет. Вам он не нравится?

— Не могу этого сказать. Просто Солнечная сторона не такое место, где можно рассчитывать на удачу.

Майор рассмеялся.

— Не думаю, что у нас есть какие-нибудь основания тревожиться насчет Макиверса. Когда я говорил с ним о нашей экспедиции, мы отлично поняли друг друга. А во время перехода мы все будем так нужны друг другу, что тут уж не до глупостей, — он снова взял в руки список припасов. — Давайте пока уточним, что мы берем с собой, и начнем упаковываться. Нам придется сильно убавить груз, а время поджимает. Сандерсон говорит, что нам надо выступать через три дня.

Прошло два дня, а Макиверс все не появлялся. Майор о нем помалкивал. Стоун нервничал, и я тоже. Второй день мы потратили на изучение фотосхем Солнечной стороны. Даже лучшие из них были плохи — съемки делались со слишком большой высоты, и при увеличении все детали расплылись в мутные пятна.

Разобрать на них можно было только наиболее высокие горные хребты, кратеры, провалы — и больше ничего. Все же они помогли нам наметить хотя бы общее направление нашего маршрута.

— Этот хребет, — сказал майор, стоя вместе с нами у доски со схемами, — по словам Сандерсона, почти не проявляет вулканической активности. А вот эти — южнее и восточнее — могут возбуждаться. Сейсмографические наблюдения дают основание ожидать в этой зоне высокой активности, и чем ближе к экватору, тем больше. Причем, не только вулканической, но и тектонической.

Стоун подтвердил:

— Сандерсон говорил мне, что здесь, вероятно, происходит непрерывное перемещение поверхности.

Майор пожал плечами.

— Что говорить, тут места гиблые, это ясно. Но обойти их можно, только если мы пойдем через полюс, а это отнимет у нас еще несколько дней, причем нет ни малейшей гарантии, что на западе активность будет меньше. Вот если бы нам удалось найти проход в этом хребте и затем круто свернуть на восток, тогда другое дело...

В общем получалось, что чем больше мы ломали голову над нашей задачей, тем дальше оказывались от ее решения.

Мы знали — на Солнечной много вулканов; они есть и на Ночной стороне, хотя здесь поверхностная активность была заметно ниже и наблюдалась только в отдельных местах. Но на Солнечной, кроме того, приходилось думать и насчет атмосферы. Понимаете, там есть атмосфера, и с Солнечной на Ночную идет непрерывное движение атмосферных потоков. Толща атмосферы невелика — легкие газы достигли скорости отрыва и улетучились в космическое пространство еще миллионы лет назад, — но зато там есть углекислый

газ, азот и следы других тяжелых газов. И еще в изобилии — пары серы, сероуглерод и сернистый газ.

Атмосферные потоки, попадая на Ночную сторону, конденсируются, притом они несут с собой столько вулканического пепла, что Сандерсон, исследуя пробы из его отложений, имел возможность определять глубину и характер поверхностных возмущений, происходящих на Солнечной. Вся трудность задачи и заключалась в том, чтобы найти проход, возможно дальше уводящий от зон таких возмущений. Но нам в конечном счете удалось получить только самые смутные представления о Солнечной стороне. Единственным способом узнать, что там творится, для нас оставалось отправиться туда самим.

На третий день, наконец, прилетел Макиверс — грузовой ракетой с Венеры. Он на несколько часов опоздал на корабль, который доставил к Сандерсону майора и меня, и решил махнуть на Венеру в надежде, что оттуда легче перелететь на Меркурий. Судя по всему, опоздание его ничуть не смущало, как будто это было в порядке вещей, и он просто не понимал, с какой стати все остальные так волнуются.

Макиверс был высок и строен, в длинных вьющихся волосах его пробивалась преждевременная седина, а глаза сразу выдавали в нем профессионального альпиниста — полуприкрытые, сонливые, почти безжизненные, но способные, когда надо, мгновенно пасторожиться. Состояние покоя для него было нестерпимо: он всегда был в движении — или говорил, или выпагивал из угла в угол; руки у него ни на минуту не оставались в покое.

Майор явно решил не заострять вопрос о его опоздании. Работы оставалось еще много, и спустя час мы уже принялись за окончательную проверку наших скафандров. К вечеру Стоун и Макиверс стали закадычными друзьями. Все было готово к старту, назначенному на утро. Нам оставалось только немного отдохнуть.

— Вот тут и была ваша первая большая ошибка, — сказал Бэрн, осушая свой бокал, и сделал знак официанту, чтобы тот принес еще пару.

— Макиверс? — спросил Клэни, взметнув брови.

— Конечно.

Клэни пожал плечами и окинул взглядом спокойных и молчаливых людей, сидевших за столиками вокруг.

— В подобных местах встречася много необычных людей, и иногда лучшие из них не покажутся с первого взгляда самыми надежными. Так или иначе, в тот момент проблема человеческих характеров не стояла у нас на первом плане. Нас тревожили, во-первых, снаряжение, во-вторых, маршрут.

Бэрн понимающе кивнул головой.

— Что представляли собой ваши скафандры?

— Лучшие теплоизолирующие костюмы, какие когда-либо видел свет, — сказал Клэни. — Внутренний слой — из особого стекловолокна (асбест слишком жесток), индивидуальная холодильная установка и баллон с кислородом на восемь часов, подзаряжаемый с волокуши. Наружный слой — отражательная обшивка из мономолекулярного хрома, так что мы сверкали, словно рождественские елки. А между этими двумя слоями — прослойка с полдюйма, заполненная воздухом под повышенным давлением. Ну и, конечно, сигнальные термонары — при температуре плюс 410 градусов немного времени надо, чтобы превратиться в головешку, если скафандр откажет.

— А «жуки»?

— Они тоже имели теплоизоляцию, но мы на них особенно не рассчитывали.

— То есть как это не рассчитывали?! — воскликнул Бэрн. — Почему?

— Потому что знали, как часто нам придется из них вылезать. Они придавали нам подвижность, везли наш

груз, но мы же понимали, что нам нужно будет много ходить и разведывать путь для машин, — тут Клэни горестно усмехнулся, — а это означало, что всего только дюйм стекловолокна и полдюйма воздушной прослойки будут отделять нас от наружной среды, где свинец — жидкий, как вода, цинк — почти на точке плавления, а лужи серы в тени кипят, словно котелок с овсяной кашей над костром.

Бэрн облизал губы и машинально погладил пальцами холодную, влажную стенку бокала.

— Продолжайте, — сказал он сдержанно. — Выступили вы точно по графику?

— О да, — ответил Клэни, — точно по графику. Мы только не совсем по графику закончили. Сейчас и пойдет речь об этом.

Он уселся поудобнее в своем кресле и продолжал рассказ.

Мы стартовали из Сумеречной зоны курсом на юго-восток с расчетом добраться за тридцать дней до центра Солнечной стороны. Если бы мы смогли делать по семьдесят миль в день, мы достигли бы центра точно в перигелий, в момент наибольшего приближения Меркурия к Солнцу, то есть оказались бы в самом раскаленном месте планеты тогда, когда оно более всего раскалено.

Солнце уже поднялось над горизонтом, когда мы тронулись в путь, — огромное, желтое, вдвое больше того, которое видится с Земли. И с каждым днем нам предстояло видеть, как оно становится все огромное, и двигаться по все более раскаленной поверхности. Но даже добравшись до центра Солнечной, мы сделали бы только полдела — нам ведь оставалось бы еще две тысячи миль до южной Сумеречной зоны. С Сандерсоном мы договорились, что он встретит нас там приблизительно через шестьдесят дней после старта.

Таков был в общих чертах наш план. Нам только нужно было проделывать ежедневно семьдесят миль, как бы жарко ни было, какой бы рельеф поверхности нам ни встретился. А обходы — мы знали отлично, что обходы опасны и потребуют лишних затрат времени, и это само по себе могло стоить нам жизни.

Майор дал нам детальные инструкции за час до старта.

— Питер, ты возьмешь головной вездеход, один из легких, который мы специально разгрузили. Стоун и я, мы пойдем на своих машинах ярдов на сто позади слева и справа от тебя. На тебя, Макиверс, падает задача буксировать волокуши, так что тебе придется особенно осторожно управлять машиной. Дело Питера — выбирать трассу нашего движения. Если возникнет сомнение насчет безопасности дальнейшего маршрута, мы будем разведывать путь пешком, а потом уж пускать машины. Ясно?

Макиверс и Стоун обменялись взглядами.

— Джек и я договорились поменяться. Мы прикинули, что волокуши может взять на себя он, а я зато получу побольше маневренности.

Майор вскинул острый взгляд на Стоуна.

— Ты согласен, Джек?

Стоун пожал плечами.

— Не возражаю. Маку очень хочется...

— Да какая разница? — Макиверс сделал нетерпеливый жест. — Я просто лучше себя чувствую, когда в движении. Не все ли равно, кому буксировать волокуши?

— Пожалуй, и то верно, — сказал майор.

— Тогда, значит, мы с тобой пойдем на флангах у Питера. Так?

— Конечно, конечно, — Макиверс подергал себя за нижнюю губу. — А кто будет вести разведку впереди?

— Похоже, что это поручено мне, — ввернул тут я. — Поэтому головной вездеход мы хотим оставить максимально облегченным.

— Совершенно верно, — подтвердил Микута. — Мы ободрали его так, что только рама да колеса остались.

Макиверс замотал головой.

— Да нет, я говорю про головную разведку. Надо же иметь кого-то впереди, по меньшей мере за четыре-пять миль, чтобы обнаружить дефекты и активные точки поверхности, — тут он уставился на майора. — То есть я имею в виду, что мы не увидим, в какую чертову яму мы лезем, если у нас не будет разведчика впереди...

— Для этого у нас есть фотосхемы, — отрезал майор.

— Ха-ха, схемы! Я говорю о детальной разведке. Основные элементы топографии нам ясны. Погубить нас могут мелкие дефекты, которые на схемах не видно, — он нервно отшвырнул схемы. — Послушайте, разрешите-ка мне на одном из вездеходов оторваться от колонны на пять, ну, может быть, на десять миль и вести разведку. Я, конечно, никуда с твердого грунта не сойду, но обзор у меня будет отличный, и я буду радировать Питеру, где удобно обойти всякие провалы. Тогда...

— Без фокусов, — перебил майор.

— Да почему же? Мы сможем сэкономить столько дней!

— Плевать мне на такую экономию! Будем держаться все вместе. Мне надо, чтобы до середины полушария мы добрались живыми. А для этого нужно ни на одну минуту не терять друг друга из виду. Уж альпинисту-то следовало бы знать, что в группе человеку всегда безопаснее, чем в одиночку, куда бы он ни попал.

Макиверс впился в майора взглядом, щеки его залились краской гнева. Наконец, он сердито мотнул головой.

— Ладно. Раз ты так сказал.

— Да, я так сказал и не шучу. И никаких выдумок не позволю. Мы все вместе придем к центру Солнечной и вместе закончим переход. Ясно?

Макиверс мотнул головой. Микута перевел взгляд на Стоуна, затем на меня, и мы тоже ответили ему кивком.

— Ну, и ладно, — медленно протянул он. — Раз мы все уладили, можно и трогаться в путь.

Нам было жарко. Даже если мне суждено забыть все события этого похода, одного я не забуду никогда — Солнца, огромного желтого Солнца, льющего на нас свой свет, не затухающий ни на мгновение, свет, с каждой милей все более и более жгучий. И, начав свой путь на юго-восток от лаборатории в Сумеречной зоне по длинной узкой расщелине, мы, свежие и отдохнувшие, знали, что эти первые несколько дней будут самыми легкими.

Я тронулся первым. Оглядываясь, я видел вездеходы майора и Макиверса. Они ползли, плавно переваливаясь на своих баллонах-подушках, по изрезанной и неровной поверхности расщелины. За ними тащился трактор Стоуна с волокушами.

Хотя сила тяжести здесь составляла всего одну треть земной, мощному трактору приходилось трудно. Лыжеподобные полозья волокуш врезались в рыхлый вулканический пепел, устилавший дно расщелины. При этом первые двадцать миль мы шли все-таки по проложенной колее...

Я не отрывал глаз от здорового поляроидного бинокля, ловя следы, проложенные предыдущими исследовательскими партиями до ближайшего края Сол-

нечной стороны. Но через два часа мы миновали маленькую выпuku передового обсервационного поста Сандерсоновской лаборатории, и следы исчезли. Тут еще никогда не ступала нога человека, а Солнце начало жалить все сильнее и сильнее.

В эти первые дни мы не столько ощущали зной, сколько видели его. Наши теплоизолирующие костюмы поддерживали внутри довольно приятную температуру порядка 20 градусов по Цельсию, но глаза наши видели палящее Солнце и желтые оплавившиеся скалы по сторонам, и по каким-то нервным каналам шли искаженные сигналы: нас заливал пот, словно мы сидели в жаркой печи.

Восемь часов мы шли, пять спали. Когда наступал период отдыха, мы ставили наши машины вплотную квадратом, раскидывали над ними легкий алюминиевый солнцезащитный навес и располагались под ним на покрытых пылью и пеплом камнях. Навес снижал температуру градусов на тридцать пять — сорок, только и всего. Затем мы ели (продовольствие лежало на передней волокуше), тянули из тюбиков белки, углеводы, жиры и витамины.

Майор железной рукой отмерял нам порции воды — иначе мы могли бы излишним потреблением воды за неделю довести себя до нефрита. Жажда мучила нас непрерывно, непрестанно. Спросите у физиологов или у психиатров, почему так бывает, — они приведут вам с десяток очень любопытных причин, но мы тогда знали одно и самое важное для нас — с нами было именно так.

В результате на первых нескольких привалах мы не могли спать. Никакие светофильтры не помогали, глаза жгло, головы раскалывались от страшной боли, но целебный сон не приходил. Мы сидели в кругу и пилились друг на друга. Потом Макиверс изрекал, что вот хорошо бы сейчас бутылочку доброго пива, и тут

начиналось... Право же, мы бы тогда родную бабушку зарезали за бутылку пива со льда!

За несколько переходов я уже хорошо освоил машину. Мы углублялись в пустыню, по сравнению с которой Долина смерти на Земле выглядит японским розарием. Дно расщелины пересекали огромные трещины, по сторонам высились черные иззубренные утесы, атмосфера имела желтоватый оттенок от паров серы и сернистого газа.

Да, это была раскаленная, бесплодная пустыня, где человеку не место, но стремление победить ее было таким могучим, что мы ощущали его почти физически. Ни один человек до нас не пересек эту сторону и не вернулся отсюда живым. Те, кто дерзнул, были жестоко наказаны. Но огненная пустыня оставалась непобежденной, и ее надо было пройти. И не легчайшим путем, а самым трудным — по ее поверхности, преодолев все западни, которые могут оказаться на нашем пути, притом в самое трудное и опасное время.

Но мы знали и другое — эту пустыню можно было бы преодолеть и раньше, если бы не Солнце. Мы сразились с абсолютным холодом и победили. Но людям еще никогда не доводилось сражаться с такой адской жарой и победить. Страшнее была только поверхность самого Солнца.

Да, с Солнечной стороной стоило сразиться. Либо мы одолеем ее, либо она нас — таково было условие игры...

Я многое узнал о Меркурии за несколько первых переходов. Через сотню миль расщелина выклинилась, и мы вышли на склон, где цепь иззубренных кратеров тянулась на юго-восток. Эта цепь не проявляла активности уже сорок лет со времени первой высадки на Меркурий, однако за ней высились конусообразные вершины действующих вулканов. Их кратеры непре-

рывно курились желтыми парами, а склоны были покрыты толстым слоем пепла.

Ветра обнаружить мы не могли, хотя знали, что над поверхностью планеты непрерывно текут раскаленные потоки сернистого газа. Скорость их, однако, была недостаточна, чтобы вызвать эрозию. Над иззубренным расщелинами высились грозные скалистые пики вулканов, усеянные обломками камней. А вокруг лежали бескрайние желтые равнины, над которыми непрестанно дымились газы, с шипением вырывавшиеся из-под коры. И на всем лежала серая пыль — спликаты и соли, пемза и вулканический пепел. Они заполняли трещины и впадины и были предательской западней для мягких подушек-баллонов наших вездеходов.

Я научился «читать» местность, распознавать перекрытый наносами провал по провисанию слоя пепла, научился определять проходимые трещины и отличать их от непроходимых разрезов. Раз за разом нам приходилось останавливать машины и идти на разведку дальнейшего маршрута пешком, связавшись друг с другом легким медным тросом, зондируя толщу отложений, передвигаясь вперед и вновь зондируя, пока мы не убеждались, что поверхность выдержит машины. Работа эта была изнурительной, мы в изнеможении сваливались и засыпали. И тем не менее поначалу все шло гладко.

Мне даже казалось — слишком гладко, и другим, видимо, казалось то же.

Непоседливость Макиверса начала действовать на первы. Он слишком много болтал и в походе, и на отдыхе; его шутки, остроты, веселые анекдоты очень скоро приелись нам. То и дело он отклонялся от заданного курса — не очень далеко, но с каждым разом все дальше.

А Джек Стоун впал в другую крайность: с каждым переходом он все больше уходил в себя, замыкался, им явно все больше овладевали страхи и сомнения. Мне это совсем не нравилось, я только надеялся, что это скоро пройдет. Мне и самому было не очень-то весело, я просто лучше умел скрывать свои опасения.

А Солнце тем временем становилось все белее, все огромное, все выше стояло оно в небе и жгло, жгло... Не будь у нас светофильтров и экранов для защиты от ультрафиолетового излучения, мы давно бы уже ослепли. И с ними-то боль в глазах у нас не прекращалась, а кожа на лице к концу каждого перехода горела и зудела.

Едва ли не окончательный удар по нашим и без того сдавшим нервам нанесла одна из «прогулок» Маккиверса в сторону от маршрута. Он вдруг свернул в одно из ответвлений длинного ущелья, отходившего к западу от нашего маршрута, и почти скрылся из виду в облаке поднятого им пепла, когда в наушниках наших шлемов послышался душераздирающий крик.

Задыхаясь от волнения, я круто развернул свою машину и сразу увидел его в бинокль — он стоял на крыше своей машины и неистово махал руками. Мы с майором рванулись к нему с максимальной скоростью, на какую были только способны наши «жуки», рисуя себе самые ужасные картины...

Он стоял неподвижно, словно оцепенев, и показывал рукой вперед, в глубь горловины. На этот раз ему не понадобилось ни одного слова. Там были обломки вездехода старинной полугусеничной модели, выпшедшей из употребления много лет назад. Он накрепко заклинился в расселине скалы, наполовину засев в ней; одна из осей была сломана, кузов расколот надвое. Неподалеку лежали два теплоизолирующих скафандра; в стеклопластиковых шлемах виднелись белые черепа;

Здесь закончился поход Уайата и Карпентера через Солнечную сторону...

На пятом переходе характер местности начал меняться. Все вроде бы выглядело таким же, но то здесь, то там появлялось нечто шное, новое. Однажды у меня вдруг забуксовали колеса и оглушительно завыл двигатель. Немного подальше мой «жук» внезапно резко накренился; я поддал оборотов двигателю, и все обошлось благополучно.

Однажды я въехал по ступицы колес в какую-то лужу. Тусклая серая масса пенилась вокруг колес, разлетаясь в стороны тяжелыми дымящимися брызгами. Я понял, куда я попал, только когда колеса увязли и меня выволокли из лужи трактором. То, что выглядело густой сероватой грязью, на деле было скоплением расплавленного свинца, которое коварно прикрывал слой вулканического пепла.

Я стал еще осторожнее выбирать путь. Мы вступили в зону недавней поверхностной активности; здесь поверхность была поистине предательской на каждом шагу. Я поймал себя на мысли, что было бы совсем неплохо, если бы майор одобрил предложение Макиверса о высылке вперед разведчика. Опаснее для него, но лучше для остальных — ведь мне приходилось вести машину вслепую, и, признаюсь, я вовсе не был в восторге от этого.

Этот восьмичасовой переход сильно измотал нас, и спали мы очень плохо. После отдыха, снова забравшись в машины, мы пошли еще медленнее. Мы выползли на широкое плоскогорье и, обходя сетку зияющих поверхностных трещин, виляли то вправо, то влево, пятились назад, пытаясь не потерять плотный грунт под колесами машин. Желтые пары, вздымавшиеся из трещин, так затрудняли обзор, что я заметил впереди крутой обрыв, когда уже почти подошел к его краю. За

ним была трещина, противоположный край которой лежал футов на пять ниже.

Я крикнул остальным, чтобы они остановились, и подполз чуть поближе. Трещина была глубокая и широкая. Я прошел вдоль нее ярдов пятьдесят влево, потом вправо.

Я нашел только одно место, где переход через трещину как будто был возможен — там ее перекрывала, как мостик, полоса какого-то серого вещества. Пока я его разглядывал, поверхностная корка под моей машиной проседала и сотрясалась, и серая полоска над трещиной сместилась на несколько футов в сторону.

— Ну, как там, Питер? — слышался в наушниках голос майора.

— Не пойму. Кора подо мной ползет то вправо, то влево, как на роликах, — откликнулся я.

— А «мостик»?

— Что-то побаиваюсь я его, майор, — ответил я, помедлив. — Давайте лучше отойдем назад и поищем обход.

И тут в моих наушниках слышался пренебрежительный возглас Макиверса. Его «жук» внезапно рванул вперед, покатился вниз, мимо меня, набирая скорость, — я только успел заметить фигуру Макиверса, согнувшегося над штурвалом в типичной позе автогонщика, — и нацелился прямо на серый наплыв, мостиком перекрывавший трещину.

Я не успел даже крикнуть, как услышал грохочущий окрик майора:

— Мак! Остановись! Остановись, идиот!

Но вздох Макиверса был уже на «мостике» и катил по нему, не снижая скорости. Наплыв дрогнул под колесами, на одно страшное мгновение мне показалось, что он падает, проваливается под машиной, но секундой позже машина уже перевалила на ту сторо-

ну, взметнув облако пыли, и в паушниках прозвучал полный издевательского торжества голос Макиверса:

— Вперед, эй вы, разини! Вас тоже выдержит!

В ответ послышалось нечто непечатное, и вездеход майора поравнялся с моим, а затем осторожно и медленно скатился на «мостики» и переполз на другую сторону.

— Давай теперь ты, Питер. Не торопись. Потом подсоби Джеку перетащить волокуши.

Голос его звучал напряженно, словно натянутая струна.

Не прошло и десяти минут, как все машины стояли по ту сторону трещины. Майор проверил их состояние, затем повернулся к Макиверсу и, гневно глядя на него, сказал:

— Еще один такой трюк, и я привяжу тебя к скале и брошу здесь! Понял? Попробуй еще хоть раз...

Макиверс запротестовал:

— Господи, да если мы оставим впереди Клэни, нам отсюда вовек не выбраться! Любой подслеповатый болван мог бы увидеть, что этот наплыв нас выдержит.

— Я заметил, что он все время движется.

— Ну, ладно, ладно. У тебя уж больно острое зрение. Но зачем столько шума? Мы ведь перебрались, чего еще вы хотите? Я только одно скажу — нам нужно все-таки побольше дерзости; кое-где без нее не обойтись, не то мы из этой треклятой печи никогда не выберемся.

— Нам необходимо и побольше трезвости, — резко сказал майор. — Ладно, поехали дальше. Но если ты думаешь, что я шушу, попробуй еще раз отмочить такую штуку!

Он помолчал с минуту, чтобы Макиверс все почувствовал, потом развернул своего «жука» и тронулся следом за мной уступом сзади.

На стоянке об этом инциденте никто не сказал ни слова. Но перед тем, как лечь спать, майор отвел меня в сторону и шепнул:

— Питер, я очень беспокоюсь.

— Насчет Макверса? Не тревожьтесь. Он не так уж безрассуден, как кажется. Просто нетерпеливый человек. Мы ведь на сотню миль отстали от графика, страшно медленно идем. Сегодня, например, прошли всего сорок миль...

Майор покачал головой.

— Нет, я не про Макверса. Меня тревожит наш юнец.

— Джек? А что с ним?

— Погляди сам.

Стоун лежал на спине поодаль от нас, близ своего трактора, но он не спал. Его трясло, все его тело билось в конвульсиях. Я заметил, как он судорожно цеплялся руками за выступы скалы, чтобы сдержать дрожь.

Я подошел к нему и присел рядом.

— Ты выпил свою пайку воды? — спросил я.

Он не отвечал, его продолжало трясти.

— Эй, парень, — сказал я, — что с тобой такое?

— Жарко, — с трудом выдавил он из себя.

— Конечно, жарковато, но ты не поддавайся, друг. Мы все в отличной форме.

— Нет, нет, — тихо, но резко сказал он. — Мы в никуда не годной форме, если хочешь знать. Мы не пройдем, понимаешь? Этот помешанный, этот дурак всех нас погубит... — И вдруг он захныкал, как ребенок: — Мне страшно... Зачем меня сюда занесло?.. Страшно мне... Что я хотел доказать, когда сунулся сюда, господи? Что я герой? А я просто боюсь, мне страшно, говорю тебе, страшно!

— Послушай-ка, — уговаривал я, — и Миките страшно, и мне тоже. Что тут особенного? Мы пройдем

обязательно, ты только не скисай. А героя из себя никто не корчит.

— Никто, кроме Джека Стоуна, — сказал он с горечью.

Снова содрогнувшись всем телом, он издал короткий сдавленный смехок.

— Хорош герой, а?

— Да ты не волнуйся, мы пройдем.

— Конечно, пройдем, — сказал он наконец. — Прости меня. Я подтянусь.

Я откатился в сторону, но продолжал присматривать за ним, пока он не притих и не уснул. Я тоже попытался уснуть, но спалось мне плохо — все вспоминал про тот наплыв над трещиной. Я ведь еще тогда по внешнему виду понял, что это такое. Это была цинковая пленка, о которой нас предупреждал Сандерсон. Тонкий широкий пласт почти чистого цинка, извергнутого из недр в раскаленном добела состоянии совсем недавно. Для его распада требовалось недолгое воздействие кислорода или паров серы...

Я был достаточно хорошо знаком со свойствами цинка — при таких температурах, как здесь, он становится хрупким, как стекло. Этот пласт мог переломиться под машиной Макиверса, как сухая сосновая дощечка. И не его заслуга, что этого не случилось.

Через пять часов мы снова были на колесах. Нам почти не удавалось продвигаться вперед. Сильно пересеченная поверхность в сущности была непроходима, Плато было усеяно острыми обломками серой скалистой породы; наплывы проседали, едва колеса моей машины касались их; длинные пологие долины утыкались в свинцовые болота или озера расплавленной серы.

Десятки раз я вылезал из вездехода, пробовал ненадежный с виду участок, ступал на него ногами или проверял длинным стальным зондом. И неизменно Макиверс тоже вылезал, наседавал на меня, забегал вперед,

как мальчишка на ярмарке, потом вскарабкивался в свою машину, покраснев и тяжело дыша, и мы ползли вперед еще милю-другую.

Сроки нас сильно поджимали, и Макиверс не позволял мне ни на минуту забывать об этом. За шесть переходов мы прошли всего около трехсот миль и отставали от графика миль на сто.

— Мы не выполним своей задачи, — сердито ворчал Макиверс. — Когда мы доберемся до центра, Солнце уже будет подходить к афелию.

— Очень сожалею, но быстрее вести вас просто не могу, — отвечал я ему.

Меня это начинало бесить. Я отлично понимал, чего он добивается, но не отваживался предоставить ему такую возможность. Мне и без того было страшновато переползать на своем «жуке» через все эти наплывы, даже зная, что тут хоть я сам принимаю решение. А если головным поставить его, то мы и восьми часов не протянем, это было ясно. Даже если уцелеют наши машины, у нас сдадут нервы...

Джек Стоун оторвал взгляд от алюминиевых пластин, на которых были нанесены фотосхемы.

— Еще сотня миль, и мы выйдем на хорошую местность, — сказал он. — Может быть, там мы дня за два наверстаем упущенное.

Майор согласился с ним, но Макиверс не мог скрыть своего нетерпения. Он все косился на Солнце, будто у него с ним были личные счеты, и тяжело шагал из угла в угол под алюминиевым навесом.

— Да, это было бы здорово, — пробурчал он, — если только, конечно, мы доберемся туда.

Разговор на этом оборвался, но когда мы садились в машины после привала, майор задержал меня на минуту.

— Этот парень просто лопнет от злости, если мы не пойдем побыстрее. Послушай, Питер, я не хочу пус-

катель его головным, что бы там ни случилось. Но он по-своему прав, нам надо наверстывать время. Не терять головы и все же будь посмелей, ладно?

— Ладно, попробую, — сказал я.

Микута просил о невозможном и сам понимал это. Мы шли по длинному пологому спуску. Поверхность вокруг нас непрерывно колыхалась, то опадая, то вздыбливаясь, как будто под тонкой корой бушевала расплавленная масса. Склон пересекали огромные трещины, кое-где перекрытые паносами пыли и цинковыми пластинами. Местность походила на колоссальный ледник из камня и металла. Наружная температура достигла плюс 285 градусов по Цельсию и продолжала расти. Неподходящее место, чтобы пускаться во всю прыть...

Но все же я пытался. Я переваливал через трясущиеся «мостики», медленно сползал на плоские цинковые пласты и перебирался на другую сторону. Поначалу это было как будто даже легко, и мы успешно продвигались вперед. Затем мы вышли на ровную гладкую поверхность и прибавили ходу. Но скоро мне пришлось изо всей силы нажать на тормоза и па-мертво застопорить свой вездеход, подняв густое облако пыли.

Я зарвался. Мы катили по широкой, ровной, серой площадке, с виду надежной, как вдруг уголком глаза я увидел глубокую трещину, которую она перекрывала. Площадка эта оказалась очередным «мостиком», и, когда я остановил машину, он заходил подо мной ходун-ном.

Макиверс тут же спросил:

— Что там еще случилось, Клэни?

— Задний ход, — заорал я. — Это «мост», он обрушится под нами!

— Отсюда он выглядит довольно прочным.

— Не время спорить! Он сейчас рухнет, понял? Давай назад!

Я включил задний ход и начал сходить с площадки. Макиверс выругался, и тут я увидел, что его машина пошла не назад, а вперед, на «мост». Правда, на сей раз не быстро, не беспечно, а, наоборот, осторожно и медленно, вздымая невысокое легкое облачко пыли.

Я смотрел на него и чувствовал, как кровь приливает к голове. Мне стало так жарко, что я едва дышал, глядя, как он прокатил мимо меня и пошел все дальше и дальше...

Теперь мне кажется, я ощутил, как начал рушиться «мост», раньше, чем я это увидел. Внезапно моя машина резко накренилась, на серой плоскости возникла и мгновенно начала расширяться длинная черная трещина. Края плоскости поднялись, и вслед за душераздирающим криком в наушниках послышался грохот падающих обломков скалы и скрежет ломающегося металла — это машина Макиверса, задрав нос, рухнула в образовавшийся провал.

Наверно, с минуту я не мог даже пошевелинуться, а только смотрел и смотрел. Из оцепенения меня вывели раздавшийся в наушниках стои Джека и взволнованный крик майора:

— Клэни, что там случилось? Мне ничего не видно!

— Макиверс провалился — вот что случилось! — рявкнул я в ответ.

Только тут я включил передачу и подъехал поближе к свежему краю провала. Передо мной зияла трещина. Машины в ней не было видно, все застилала пыль, еще вздымавшаяся внизу.

Мы все трое стояли на краю обрыва и пытались разглядеть, что там внизу. Сквозь щиток шлема я увидел лицо Джека Стоуна. Зрелище было не из приятных.

— Вот какие дела... — глухо сказал майор.

— Да, такие дела, — пробормотал я.

Я понимал, какими глазами смотрит на нас Стоун.

— Пойдите, — вдруг сказал он. — Мне что-то слышалось.

Он был прав. И мы слышали крик — очень тихий, но его ни с чем нельзя было спутать.

— Мак! — крикнул майор. — Мак, ты меня слышишь?

— Да, да, слышу, — голос его был очень слабый.

— Ты цел?

— Не знаю. Кажется, сломал ногу. Очень... жарко... — Долгая пауза, потом: — Охладитель отказал, наверно...

Майор искоса взглянул на меня, затем, обернувшись к Стоуну, приказал:

— Достань трос со второй волокуши. Мак изжарится живо, если мы не вытащим его. Питер, ты спусти меня вниз. Включи лебедку трактора.

Я спустил майора на тросе. Он пробыл там меньше минуты. Когда я вытянул его наверх, лицо его было искажено гримасой.

— Жив еще, — сказал он, тяжело дыша, — но долго не протянет...

Он заколебался, но только на одно мгновение, и продолжал:

— Мы обязаны попытаться.

— Мне не нравится этот свес над провалом, — сказал я, — он уже дважды покачнулся с тех пор, как я отошел. Может, лучше податься назад и оттуда спустить ему трос?

— Не годится. Машина разбита, а он внутри. Нужны фонари. Мне потребуется помощь одного из вас. Питер, давай лучше ты.

— Погодите, — вмешался Стоун. Лицо у него было белое-белое. — Разрешите мне.

— Питер легче.

— Я тоже не очень тяжел. Позвольте мне с вами...

— Ладно, раз уж ты сам просишь, — и майор кинул ему фонарь. — Питер, проверь, крепки ли петли, и спускай нас помедленнее. Если заметишь что-нибудь неладное с этим свесом, — ты понял? — считай себя свободным и давай мигом задний ход отсюда. Он может рухнуть в один момент.

Я мотнул головой.

— Желаю удачи.

Они опустились через край свеса. Я медленно, полегоньку травил трос, пока на глубине двухсот футов он не дал слабину.

— Ну, как там? — крикнул я.

— Плохо, — ответил майор. — Весь этот край трещины вот-вот обрушится. Потрави трос еще немного.

Минута тянулась за минутой, но снизу не доносилось ни звука. Я пытался немного успокоиться, но не мог. И вдруг грунт подо мной заходил, трактор резко накренился набок.

— Питер, все рушится, тащи нас и давай назад! — закричал снизу майор.

Я воткнул передачу заднего хода, трактор попятился и скатился со свеса, таща за собой трос.

И тут трос оборвался. Обрывок его взвился вверх и свернулся спиралью, как лопнувшая часовая пружина. Поверхность подо мной тряслась, содрогалась, плотными серыми облаками вздымался пепел. Потом весь свес покосился, скользнул вбок и, задержавшись в таком положении на какие-то доли секунды, с грохотом обрушился в трещину, увлекая за собой и часть ближайшей ко мне боковой стены. Я остановил трактор. Из глубины трещины взметнулись тучи пыли и языки пламени.

Погибли все трое — Макиверс, и майор, и Джек Стоуп, — погибли, погребенные под тысячетонным слоем

скальных обломков, цинка и расплавленного свинца. Их костей уж никому никогда не отыскать...

Питер Клэни откинулся на спинку кресла, допил свой бокал и, потирая ладонью изуродованное шрамами лицо, взглянул на Бэрона.

Рука Бэрона, конвульсивно сжимавшая подлокотник кресла, медленно разжалась.

— А вы вернулись, — сказал он.

— А я вернулся. У меня остался трактор с волокушами. Семь дней шел я назад под этим желтым Солнцем. Хватило времени подумать обо всем.

— Вы взяли с собой неподходящего человека, — сказал Бэрон. — В этом была ваша ошибка. Без него бы вы прошли...

— Никогда, — Клэни решительно замотал головой. — В первый день я тоже так думал — все случилось из-за Макиверса, он во всем виноват. Но это неправда. Он был смел, отважен, дерзок...

— А рассудительности не хватало!

— Хватало, да еще как! Мы действительно обязаны были соблюдать график, даже если это грозило нам гибелью, потому что срыв графика, безусловно, погубил бы нас.

— Да, но с таким человеком...

— Такой человек был просто необходим, неужели вы не понимаете? Нас погубило Солнце и еще эта поверхность. Пожалуй, мы обрекли себя на гибель уже в тот день, когда начали этот поход, — Клэни перегнулся через стол, глядя на Бэрона чуть ли не умоляюще. — Мы этого не понимали, но так было, было. Есть места, куда человек не может проникнуть, бывают условия, которых ему не выдержать. Тем суждено было погибнуть, чтобы узнать это. Мне повезло, я вернулся. И я пытаюсь внушить вам то, что я понял там, — ни один человек никогда не пройдет через Солнечную сторону.

— Мы пройдем, — сказал Бэрн. — Это не будет увеселительной прогулкой, но мы пройдем.

— Ну ладно, предположим, пройдете, — неожиданно согласился Клэни. — Предположим, я ошибаюсь, и вы пройдете. А что дальше?

— А дальше — Солнце, — ответил Бэрн.

Клэни медленно закивал головой.

— Ну да, конечно, Солнце, что же еще... — Он рассмеялся. — Всего доброго, Бэрн. Приятно поболтали, и все такое. Спасибо за внимание.

Он поднялся, собираясь уйти, но Бэрн схватил его за руку.

— Еще один вопрос, Клэни. Зачем вы пришли ко мне?

— Хотел отговорить вас от самоубийства, — ответил Клэни.

— Лжете, Клэни, — сказал Бэрн.

Клэни долго смотрел на него в упор. Потом снова плюхнулся в кресло. В его бледно-голубых глазах можно было прочесть и поражение и что-то еще, совсем иное.

— Ну?

Питер Клэни беспомощно развел руками.

— Когда вы выступасте, Бэрн? Возьмите меня с собой...

Кристофер Энвил

История с песчанкой

I

*Рыжая Пыль, северо-восточный бункер, Венера,
17 июля 2208 года*

Сэм Мэтьюз, пропавший без вести механик Черноадского округа преобразования солнечной энергии, был сегодня доставлен в подземный медицинский центр Рыжей Пыли. Пескосани Мэтьюза потерпели аварию во внутреннем районе безводной пустыни Черный Ад.

19 июля 2208 года

*От Роберта Хауленда, директора Черноадского округа
ПСЕ*

*Филиппу Баумгартнеру, директору медцентра Рыжей
Пыли*

Относительно: Сэма Мэтьюза

Кодовый № 083 КСрм-1

Фил! Надеюсь, вы быстренько подштопаете Мэтьюза и без задержки отправите его к нам. Мы жаждем узнать, каким образом Мэтьюз продержался в Черном Аду два месяца, имея в своем распоряжении две литровые фляги воды,

20 июля 2208 года

От Филиппа Баумгартнера, директора медцентра
Рыжей Пыли

Роберту Хауленду, директору Черноадского округа
ПСЕ

Относительно: пациента в тяжелом состоянии

Кодовый № 083 ксРМ-2

Боб! К сожалению, отправить Мэтьюза к вам в ближайшее время невозможно. Его ребра просматриваются через простыню и одеяло. К тому же он беспрерывно бредит.

22 июля 2208 года

Хауленд — Баумгартнеру

083 КСрм-3

Фил! Надеюсь, вы там тщательно регистрируете каждое бредовое слово Мэтьюза! Учтите, что мы нашли его перевернутые пескосани с разбитой водяной цистерной в трехстах милях от Рыжей Пыли. На всем этом пространстве не известно ни одного источника воды, а растительность с апреля по октябрь суха, как обезвоженные опилки. Как он умудрился выжить?

24 августа 2208 года

Баумгартнер — Хауленду

083 ксРМ-4

Боб, извините за задержку с ответом. Наша грузовая ракета с экипажем из четырех человек и девятью инопланетными туристами на борту взорвалась при посадке. У нас на руках внезапно оказалось одиннадцать пациентов с очень тяжелыми ожогами, и нам было не до Мэтьюза. Однако мы попробуем узнать у него что-нибудь для вас.

30 августа 1 2208 года
Баумгартнер — Хауленду
083 ксРМ-5

Относительно: сумасшествия чистойшей воды

Боб, извините, но мы посылаем Мэтьюза в медцентр Зеленых Холмов. На мой взгляд, они располагают значительно большими возможностями для лечения подобных болезней, чем мы. Если же и они ничего не смогут сделать, то отошлют его в главный медцентр в Озерах. Очень жаль, но Вам известно, что он перенес.

2 чистилища 2208 года
Хауленд — Баумгартнеру
083 КСрм-6

Относительно: ловких симулянтов

Фил! Да, мне известно, что перенес Мэтьюз. Он прошел триста миль по пустыне, имея два литра воды. Это меня как раз и интересует. Судя по грифу Вашей телеграммы, Мэтьюз стал психически ненормальным, едва поправился настолько, что смог вернуться на работу. Фил, учтите, пожалуйста, что Мэтьюз — настоящая «песчаная крыса» с большим опытом и не похож на больных, с которыми вы привыкли иметь дело. Только дайте такому Мэтьюзу за что уцепиться, и он любое дело повернет по-своему. Не отправляйте его в Зеленые Холмы. Задержите его, пока не кончится циклон, а потом пришлите сюда. И еще, Фил, — что он рассказывал? Для нас это очень важно.

16 чистилища 2208 года
Баумгартнер — Хауленду
083 ксРМ-7

Роберт, во всем, что касается моих больных, находящихся в этом лечебном заведении, я опираюсь на

поставленный мною диагноз, подкрепленный профессиональными заключениями моих сотрудников, а не на любительские измышления о психологии песчаных крыс. Мэтьюз уже отправлен для дальнейшего наблюдения в медцентр Зеленых Холмов. И я не имею права сообщать посторонним конфиденциальные сведения из уже закрытой истории болезни. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — третье из серии, периодически повторяемой по центральному наземному кабелю и передаваемой с помощью семафоров через места сбросов, зоны разломов и оползневые районы, и что в периоды повышенной метеорологической или сейсмической активности передача сообщений между крайними станциями может задерживаться.)

14 ада 2208 года

Хауленд — Баумгартнеру

083 КСрм-8

Дорогой доктор, мне было бы интересно узнать, не пробовали ли вы — великие специалисты во всеоружии поставленного вами диагноза, подкрепленного всеми профессионалами, состоящими у вас в штате, — не пробовали ли вы поставить себя на место столь презираемой вами песчаной крысы и попытаться понять, как ей представляется сложившаяся ситуация. Что говорит вам ваш диагноз о человеке, который долгие годы работал среди песков этой проклятой планеты? Как он поступит, если ему представится возможность на казенный счет отправиться прямо-таки в райские кущи при условии, что ему удастся выдать себя за психа? Я не стану тратить время на описание номеров, которые выкидывали эти субчики только для того, чтобы на неделю выбраться хотя бы в Пекло. И кто я такой, чтобы посягать на конфиденциальные и засекреченные беседы между вами и одним из лучших моих механиков

по вопросу, жизненно важному для Черноадского округа преобразования солнечной энергии? О нет! Пусть лучше мои подчиненные умирают от жажды, когда их машины ломаются в пустыне, лишь бы вам не пришлось вытаскивать из архива уже закрытую историю болезни. Мне очень жаль, Фил, если моя телеграмма носила недостаточно профессиональный характер. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — шестое из серии...)

30 ада 2208 года

От Филиппа Баумгартнера, директора медцентра Рыжей Пыли

Куинси Кэткарту, начальнику Медицинской службы

Относительно: межведомственных трений

Кодовый № 082 РМмс-1

Сэр! Прилагаю копию моей переписки с мистером Робертом Хаулендом, директором Черноадского округа преобразования солнечной энергии. Как свидетельствует эта переписка, между нами возникли трения из-за разногласий по поводу лечения одного из моих пациентов. Я ставлю Вас в известность об этом в связи с периодическими перебоями в подаче электроэнергии, которые в последнее время имели место в нашем медцентре. Эти перебои, длящиеся тридцать секунд или ровно минуту, на мой взгляд, слишком регулярны, чтобы их можно было считать случайными. Я не обвиняю в этих весьма серьезных нарушениях работы нашего учреждения директора Хауленда, но, мне кажется, их причины должны быть немедленно расследованы. Я был бы Вам весьма благодарен за помощь в этом деле. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — второе из серии, периодически повторяемой...)

6 искупления 2208 года

От Куинси Кэткарта, начальника Медицинской службы
Филиппу Баумгартнеру, директору медцентра Рыжей
Пыли

Относительно: снижения самомнения

Милый мальчик! Будь я нормальным начальником медицинской службы, Ваша ослиная шкура уже сушилась бы на ветру, но, на Ваше счастье, я с детства терпелив с дураками, а к тому же в настоящий момент у меня нет для Вас подходящей замены. Вы совершили три поистине выдающиеся глупости. Во-первых, Вы начальственно осадили человека, равного Вам по положению. Можете считать себя несравненно выше директора Хауланда в интеллектуальном, духовном и профессиональном отношении, но постарайтесь вспомнить, что директор Хауланд занимает пост *директора*. Будьте любезны избавить меня от лишних хлопот, которыми чреваты Ваши бесплодные попытки «поставить на место» тех, кто Вам не подчинен. Во-вторых, если уж Вы не можете без этого обойтись, то по крайней мере не совершайте еще одной глупости и не облачайте по доброй воле свои попытки в официальную форму, ибо эти документы являют всем и каждому Ваше самомнение во всей славе его — при скальпеле, стетоскопе и нимбе — в довольно-таки неприглядном виде. В-третьих, проделав все это, не ждите, что я буду вытаскивать Вас из лужи, в которую Вы сели. Что, по-Вашему, я, собственно, должен сделать? Переслать Вашу кляузу начальнику энергетического управления? Поскольку он занят не меньше, чем я — или, во всяком случае, немногим меньше, — то, ознакомившись с этой Вашей перепиской, он испытает точно такое же раздражение. Безусловно, он предпишет директору

Хауленду выяснить причины перебоев в подаче энергии Вашему медцентру. Однако Вы можете быть заранее уверены, что поле энергопередающих цинидов, или теория взаимодействия третичной тривольтовой зоны трансмиссии, или какой-то еще причастный к этому фактор окажется абсолютно темным и непостижимым, а потому ни Вы, ни я никогда не разберемся, были ли порожденные им помехи справедливым воздаянием, мелочным сведением счетов или проявлением чьего-то чувства юмора. Извольте запомнить, что я не желаю, чтобы меня втягивали в какую-нибудь авантюру, тем более что эти перебои явно не причиняют Вашим больным ни малейших неудобств — иначе Вы написали бы об этом прямо и недвусмысленно. Следовательно, они только слегка ущемляют Ваше самомнение, а мешать этому было бы с моей стороны по меньшей мере неуместно. Однако разрешите мне дать Вам совет. Совершенно очевидно, что у Вас есть только два выхода: а) Вы можете приказать директору Хауленду встать на задние лапки. В этом случае директор, без сомнения, внезапно обнаружит, что эти перебои свидетельствуют об угрожающей перегрузке фларнитических кабелей межконтинентальной энергетической сети или о чем-нибудь еще, не менее приятном, и к Вам прибудет аварийная бригада, после чего Вы поймете, насколько спокойнее было бы для Вас остаться при теперешних переboях; б) или же Вы можете послать короткую телеграмму, благородно извинившись за недопустимый тон Вашего послания от 16 чистилища и объяснив его переутомлением, как оно, вероятно, и было на самом деле. Выразите готовность оказать всяческое содействие в разрешении этой загадки. Я официально уполномочиваю Вас обратиться для этой цели к уже закрытым историям болезни. Буду с интересом ожидать результатов Ваших совместных изысканий,

так как, откровенно говоря, мне очень хотелось бы узнать, каким образом человек сумел пройти пешком, в одиночестве триста миль по Черному Аду, когда в его распоряжении имелось только два литра воды, а на всем его пути не было ничего, кроме высушенной растительности и песка. Я посылаю дополнительные запросы относительно этого случая и рекомендую Вам побыстрее начать изыскания, если Вы хотите, чтобы честь разгадки тайны досталась Вам. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — четвертое из серии...)

II

14 искупления 2208 года

От Р. Стюарта Белчера, директора медцентра Зел. Холмов

Куинси Кэткарту, начальнику Медицинской службы

Относительно: Сэма Мэтьюза

Кодовый № 081 мсВН-2

Сэр! На Ваш запрос отвечаем: да, у нас был больной Сэм Мэтьюз. Он прибыл из медцентра Рыжей Пыли в смиренной рубашке повышенной прочности, и мы отправили его дальше в капсуле с мягкой обивкой. Что касается его состояния, то — если Вы разрешите мне обойтись без специальной терминологии — он явно не в себе. Поставить более точный диагноз, право, не берусь. Мы отправили его прямо в Озера. Прибыл он сюда 16 чистилища, а избавились мы от него 18-го. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — четвертое из серии...)

15 чистилища 2208 года

*От Мартина Мерризма, директора главного медцентра
(Озера)*

Куинси Кэткуарту, начальнику Медицинской службы

Относительно: Сэма Мэтьюза

Кодовый № 082 мсЛМ-2

Сэр! Да, у нас на излечении находится больной Сэм Мэтьюз. Мистер Мэтьюз помещен в нашу клинику для иногородних. Его заболевание чрезвычайно интересно и, на мой взгляд, позволяет глубже проникнуть в природу религиозного фанатизма. Видите ли, мистер Мэтьюз, будучи механиком, много лет обслуживал установки, преобразующие солнечную энергию в пустыне Черный Ад. Однажды, когда он находился в ее центральной части, внезапно налетевший смерч перевернул его пескосани. При этом пострадала цистерна с водой, и он оказался в одиночестве в безводной пустыне. Психическое потрясение не могло не быть тяжелым. Его лечащий врач доктор Шнуди постепенно выявляет систему символов, позволяющую судить о состоянии его подсознания, но, само собой разумеется, процесс этот ускорен быть не может. По-видимому, у Мэтьюза были галлюцинации — он убежден, что находится под покровительством пророка Умыти. Кстати, Шнуди считает имя этого пророка весьма любопытным символом. К тому времени, когда Мэтьюз выбрался из пустыни, он твердо уверовал в реальность своего бреда. Однако его скрытый фанатизм стал явным, только когда ему сообщили, что его отправляют обратно в Черный Ад. Он заявил, что не поедет туда, поскольку должен идти дальше в «землю обетованную», как повелел ему пророк. Мне кажется, этот случай представляет собой благодарнейшую почву для теоретических изысканий. Шнуди лечит его психоз с помощью, так сказать, «психогидротерапии» — пациенту предлагается

как можно больше купаться и кататься на лодке. Курс лечения проходит успешно, несмотря на периодические рецидивы. Мы надеемся в конце концов добиться полного излечения. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — шестое из серии...)

23 искупления 2208 года

Кэткарт — Баумгартнеру

081 рмМС-3

Относительно: Сама Мэтьюза

Ну, милый мальчик, мне хотелось бы знать, насколько продвинулись ваши изыскания. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — четвертое из серии...)

24 искупления 2208 года

Баумгартнер — Кэткарту

081 РМмс-4

Сэр! Могу сообщить только, что Мэтьюз бредил, когда поступил к нам, и, несомненно, был сумасшедшим, когда мы отослали его в Зеленые Холмы.

Лечение вначале шло успешно, но нам пришлось прервать курс из-за катастрофы с грузовой ракетой, в связи с чем мы некоторое время не могли уделять Мэтьюзу необходимого внимания. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — девятое...)

30 искупления 2208 года

Кэткарт — Баумгартнеру

081 рмМС-5

Относительно: уклонения от прямого ответа

Мой дорогой мальчик! Возможно, Вы не поверите, но на этой планете есть места и похуже Рыжей Пыли. В частности, мне хотелось бы обратить Ваше внимание на медицинский пункт 116, расположенный в области,

получившей экзотическое наименование «Шшш!» в честь звука, который раздается, если там плюнуть на песок. Пункт 116 расположен в центре впадины, напоминающей широкую чашу. Когда солнце стоит над этой впадиной в зените, у человека, находящегося там, могут одновременно обгореть все части тела, независимо от того, обращены ли указанные части вверх, вниз, на север, на юг, на восток или на запад. Из-за весьма высокой сейсмической активности медпункт находится на поверхности и помещается в здании, установленном на больших салазках, которые смягчают толчки во время землетрясений. К несчастью, период упругих колебаний салазков не всегда совпадает с периодом сейсмических волн, а потому, когда земля опускается, здание приподнимается, и наоборот. В результате оно сильно обветшало, и в частности пострадала термическая изоляция. Учтите, что пункт этот уже давно бездействует, так как мне пока не удалось найти для него врача, обладающего всеми желательными качествами. Мне хотелось бы обратить Ваше внимание и на следующее: медицинская служба чрезвычайно заинтересована в том, чтобы узнать, каким образом Мэтьюзу удалось столько времени обходиться без воды. Разумеется, Вы можете не утруждать себя этой проблемой, если она кажется Вам скучной. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — шестое...)

3 августа 11 2208 года
Баумгартнер — Кэткарту
081 РМмс-6

Сэр! Высылаю копии всех документов, относящихся к нашему бывшему пациенту Сэмюэлю Мэтьюзу. Я отдаю себе отчет, что указанный больной остался в живых после довольно долгого пребывания в весьма неблагоприятных условиях и что это может представлять

известный интерес. Однако наш медцентр не располагает необходимым оборудованием для исследования причин этой аномалии. У нас нет достаточно мощной счетно-вычислительной машины для обработки имеющихся данных. Но в любом случае проверка подобных данных, их анализ и теоретические обобщения в обязанности сотрудников этого медицинского центра не входят.

6 августа 11 2208 года

Кэткорт — Баумгартнеру

081 рмМС-7

Относительно: перемещения

Сэр! С момента получения этой телеграммы Вы отстраняетесь от обязанностей директора медицинского центра Рыжей Пыли и переводитесь на медицинский пункт 116. Вы отправитесь на медпункт 116 с первой же грузовой ракетой, следующей через Черноадскую вододобывающую станцию и Южное Пекло. Вам предлагается: а) отремонтировать помещение медпункта 116 и сделать его пригодным для обитания; б) оставаться на медпункте 116 впредь до особого распоряжения, поддерживая его в оптимальном состоянии и снимая показания всех приборов, регистрирующих солнечное излучение, температуру, влажность, атмосферное давление, скорость ветра, частоту и силу пылевых бурь, циклонов, оползней, сейсмических толчков и т. д. и т. п.; в) оказывать медицинскую помощь обитателям Экваториального района преобразования солнечной энергии. Для облегчения объездов Вашего участка медпункту 116 придаются одни (1) пескосани модели СТВ-4. При пользовании этим транспортным средством Вам предписывается сугубая осторожность, поскольку поломки транспортных средств, особенно в длительные периоды засухи, являются основным фактором, поднимающим

кривую смертности в Экваториальном районе преобразования солнечной энергии. Учтите, что ввиду электромагнитных бурь, а также высокой метеорологической и сейсмической активности помощь извне может быть оказана далеко не всегда.

12 августа II 2208 года

*От Куинси Кэткарта, начальника Медицинской службы
Роберту Хауленду, директору Черноадского округа
ПСЭ*

*Относительно: выживания в пустыне
Кодовый № 081 МСкс-1*

Сэр! Прилагаю записи того, что Сэм Мэтьюз говорил в медцентре Рыжей Пыли. По-видимому, он считал, что умирает, и пытался сообщить какие-то сведения, которым придавал особую важность. Вот, например:

«Сестра. Вам вредно говорить, мистер Мэтьюз. Лежите спокойно.

Мэтьюз. Нет! Мне надо сообщить...

Сестра. Не теперь.

Мэтьюз. Но ведь дело идет о моих товарищах! Послушайте...

Сестра. Лягте! Вам вредно говорить.

Мэтьюз. Плевать. Я ведь знаю, что не вытяну. Но у других может и выйти. Значит, так...

Сестра. Конечно, вы поправитесь. А сейчас я должна сделать вам...

Мэтьюз. Запишите, что я скажу, ладно? Прокрысу все верно. Можно есть траву и все другое. Можно есть сухие колючки. Можно...

Сестра. Ну конечно, конечно, можно.

Мэтьюз. Но только живьем! Варить ее нельзя.

Сестра. Лягте, пожалуйста.

Мэтьюз. Так вы запишете?

Сестра. Конечно. Только дайте я засучу вам рукав.

Мэтьюз. А уж тогда можно есть что угодно. Даже колючки. У вас в желудке они становятся водой.

Сестра. Лежите тихо, а мы приготовим автошприц... Ну, вот и все.

Мэтьюз. Но вы зашишете? Вы поняли?

Сестра. Конечно. Колючки варить не надо. А теперь...

Мэтьюз. Нет!!! Вы все перепутали. Варить не надо крысу!

Сестра. Да-да. Варить надо колючки, а крысу варить не надо. Лягте, лягте.

Мэтьюз. Не то... есть надо в сыром виде... колючки... вообще-то не надо.

Сестра. Лягте. Вот так!

Мэтьюз. Нет... Но крысу... вы... очень важно... крысу...

Сестра. Да-да, конечно... Фу-у! Заснул. Наконец-то!

Доктор Хинмут. Успокаивая пациента, старайтесь ограничиваться общими местами. Избегайте частностей».

Судя по этому разговору, Мэтьюз старался что-то объяснить. Я был бы Вам весьма обязан, если бы Вы сообщили мне, о чем, по-Вашему, могла идти речь.

18 августа II 2208 года

От Роберта Хауленда, директора Черноадского округа ПСЭ

Куинси Кэткарту, начальнику Медицинской службы

Относительно: выживания в пустыне

Кодовый № 081 мКС-2

Сэр! Большое спасибо! Я уже давно пытался получить эти записи. Что касается «крысы», о которой говорил Мэтьюз, — это своего рода поверье. Оно касает-

ся песчанки — зверька, который роет норы под кустами чалаки у высоких стеблей солнечного камыша. Этот зверек ведет активный образ жизни в те месяцы, когда вся остальная местная фауна погружается в летнюю спячку. Согласно поверью, если человек поймает песчанку, вырежет ее пищеварительный тракт и съест его сырым, он сможет жить в пустыне без воды. Считается, что именно в этом заключался секрет Билла-Пустынника — одного из первых поселенцев, прославившегося тем, что он несколько раз выходил из пустыни живым, когда уже никто не сомневался в его гибели. Я никогда не относился к этим рассказам серьезно и не думаю, чтобы кто-нибудь пытался проверить их экспериментально, учитывая необходимое условие подобного эксперимента. Впрочем, я ищу добровольцев.

7 сентября 2208 года
Хауленд — Кэткарту
081 мсКС-3

Сэр! Ну, отыскать добровольцев оказалось очень нелегко, и дело кончилось тем, что я обещал недельную командировку в самое злачное местечко на всем полушарии. Однако опыт мы поставили. Не спрашивайте меня, как это возможно, только один доброволец обходился без воды почти три недели, а другой — шестнадцать дней. Эти результаты далеко не каждому покажутся убедительными, но я сообщил о них во все округи ПСЭ. Теперь у человека, заблудившегося в пустыне, будет шанс выжить.

19 сентября 2208 года
Кэткарт — Хауленду
081 МСкс-4

Сэр! Примите мои поздравления. У меня самого уже целая клетка песчанок — и ни одного добровольца. Как называется это злачное местечко? Когда добро-

вольцы найдутся, я намереваюсь поставить такой строгий эксперимент, что ни один человек в здравом уме не усомнится в его результатах. Разумеется, это относится далеко не ко всем.

III

Принцепс, Венера, 30 октноядека 2208 года

Доктор Чарлз де П. Бэнкрофф, президент Межнаучной федерации, сегодня выразил порицание доктору Куинси Кэткарту за его «мистификацию с песчанкой».

С беспрецедентной резкостью доктор Бэнкрофф публично заявил: «Эта нелепая пародия на эксперимент сделает венерианскую науку мишенью для насмешек всех солидных научных организаций Солнечной системы. Многочисленные вопиющие ошибки в этом широко опубликованном — следовало бы сказать: широко разрекламированном! — отчете превращают его в подлинный трактат на тему «Чего следует избегать в науке».

Во-первых, использованный препарат не был чистым. Даже если считать, что в отчете даны истинные результаты, невозможно установить, какой фактор (или факторы?) явился тому причиной.

Во-вторых, нелепо предполагать, будто подобные результаты вообще возможны; вне всякого сомнения, действие желудочного сока должно разрушить проглоченную ткань и уничтожить приписываемое ей волшебное свойство превращать пищу в питье.

В-третьих, если даже предположить, что ткань эта не поддается воздействию желудочного сока, она, безусловно, будет извергнута из организма благодаря перистальтике.

Перечисленного вполне достаточно, чтобы выявить слабости этого «эксперимента». Они ясны даже людям, далеким от науки,

Однако взгляд ученого немедленно замечает в нем и другие недостатки. Этот эксперимент лишен изящества. В нем нет той законченности, которая сообщает опыту достоверность. Кроме того, он статистически не обработан.

Подобной подтасовке нет оправдания.

Я призываю доктора Кэткарта публично сознаться, что его так называемый эксперимент — всего лишь мистификация. В этом случае венерианской науке, быть может, удастся хоть частично сохранить то доверие, которым она пользовалась ранее.

Центральное агентство Венера, 4 января 2209 года

Доктор Куинси Кэткарт, начальник Медицинской службы, ответил сегодня на критические замечания доктора Чарлза де П. Бэнкроффа. Назвав доктора Бэнкроффа «педантом, трудолюбиво топчущимся на одном месте», доктор Кэткарт заявил:

«В той весьма условной организации, членами которой мы оба являемся, доктор Бэнкрофф выступает в роли администратора, а не ученого. Как ученый, я отказываюсь принимать всерьез выводы, опирающиеся на суждения доктора Бэнкроффа. Продемонстрировать ненаучность его заявления не составляет никакого труда.

1. Он строит свои доказательства на предпосылке, что мой эксперимент может скомпрометировать «венерианскую науку» в чьих-то глазах. Это — сокрытие фактов из опасения утратить популярность.

2. Он заявляет, что эксперимент не может быть полноценным, поскольку он не соответствует его априорным утверждениям. Это — попытка опровергнуть объективную реальность ссылкой на любимые теории.

3. Он заявляет, что эксперимент «неизящен» и, следовательно, не может быть верным. Это — подчинение науки эстетическим категориям.

4. Он сетует, что эксперимент «статистически не обработан». Заметьте, что каждый доброволец съел пищеварительный аппарат одной песчанки, а затем, находясь под непрерывным и тщательным наблюдением, обходился без воды точно указанное число дней, часов и минут. Задача всякого эксперимента — доказать какое-то положение, причем его результаты должны излагаться так, чтобы их можно было подвергнуть независимой проверке. Уснащать же описание эксперимента не относящимися к делу данными и ненужными диаграммами и расчетами только для того, чтобы придать ему «научный вид», — в высшей степени ненаучно.

Возражения моего distinguished коллеги — это возражения схоласта и педанта, а не ученого.

В науке теории опираются на факты, а не факты на теории».

Принцепс, Венера, 6 января 2209 года

Восемью голосами против четырех Комиссия по кадрам и назначениям уволила доктора Куинси Кэткарта с поста начальника Медицинской службы. Комиссия по профессиональному поведению единогласно вынесла официальное порицание доктору Кэткарту за «непрофессиональное поведение».

Рэтбун, Венера, 8 января 2209 года

Доктор Куинси Кэткарт, бывший начальник Медицинской службы, сделал короткое заявление по поводу снятия его с занимаемого поста и официального порицания, которое вынесла ему Межнаучная федерация. Доктор Кэткарт сказал:

«Прибегнув к подобным мерам, руководящие органы так называемой Межнаучной федерации показали, что они состоят главным образом из подхалимов, покорно поддакивающих администратору, который, как я это продемонстрировал, не имеет ни малейшего представления о настоящей науке. Эти люди, разумеется, могут разделять позицию любого человека. Я разделяю позицию Галилея».

Принцепс, Венера, 8 января 2209 года

Семью голосами против пяти квалификационная комиссия лишила Куинси Кэткарта профессионального статуса на неопределенный срок. Представитель комиссии объяснил: «Это означает, во-первых, что Кэткарт лишается права заниматься медицинской практикой и, во-вторых, что никакие его статьи или сообщения не могут приниматься органами, предназначенными для распространения профессиональной информации или мнений».

Эта мера была принята «для предотвращения пагубных публичных разногласий».

IV

Рэтбоун, Венера, 16 апреля 2209 года

Сегодня сюда добрались два старателя, совсем обессилевшие от тягот пути и от недосыпания, и рассказали о труднейшем путешествии, которое они сделали без воды через солончаки Саламари. По их мнению, они остались в живых благодаря «ночным переходам, точной карте и двум сырым песчанкам».

Флэрниш, Венера, 1 мая 2209 года

Местных врачей поставило в тупик заболевание четырнадцатилетнего мальчика, который ест траву и отказывается пить, причем, по-видимому, без вредных для себя последствий. Он утверждает, будто съел песчанку.

Сухостой, Венера, 26 мая 2209 года

Хэнк Дж. Персиваль, владелец торгового заведения «Последняя возможность», сообщает о большом спросе на песчанок среди старателей, геологов и электромонтажников, отправляющихся на плато Пекло.

Принцепс, Венера, 29 мая 2209 года

Эксперименты, поставленные под эгидой Межнаучной федерации, продемонстрировали, что эффективность введения песчанки в человеческий организм для предупреждения его обезвоживания не более чем миф. Серия опытов с заранее определяемыми количествами растертой пищеварительной ткани лабораторных песчанок не показали никакого статистически достоверного увеличения стойкости организма к обезвоживанию.

Южное Пекло, Венера, 10 июня 2209 года

Сегодня утром сюда вышел Филипп Баумгартнер с медпункта 116 и помещен в больницу в тяжелом состоянии. Перед тем как потерять сознание, Баумгартнер объяснил, что его пескосани сломались «дней десять-двенадцать назад» и дальше он шел пешком. К его рюкзаку была привязана проволочная клетка, усталая стеблями солнечного камыша. Она была пуста. Такие клетки для содержания «аварийных песчанок» продаются в местных лавочках на случай, если покупатель заблудится в пустыне без воды.

Принцепс, Венера, 22 июня 2209 года

По распоряжению Р. К. Харлинга, главы санитарного надзора, всякая продажа «песчанок и родственных им грызунов для использования в целях предотвращения обезвоживания» с пышного дня запрещается как «представляющая опасность для здоровья населения и прямо, через возможное заражение потенциальной микрофлорой их кишечника, и косвенно — из-за бытующего суеверия, будто внутренние органы песчанки препятствуют обезвоживанию человеческого организма. Этот миф был полностью опровергнут с помощью строгих научных экспериментов».

Сухостой, Венера, 26 июня 2209 года

Хенк Дж. Персиваль, владелец торгового заведения «Последняя возможность», заявил сегодня, что он продолжает продавать песчанок любителям животных «для содержания в клетках».

Конец Пути, Венера, 27 июня 2209 года

Сандра Корреджано, туристка, заблудившаяся во время охоты в пустыне, была, наконец, найдена после интенсивных поисков в районе Минеральных равнин. Мисс Корреджано сообщила, что она поймала песчанку. «Мне было очень трудно убить бедняжку, — сказала она. — И я чуть не умерла, когда... когда... ну, вы знаете, что полагается делать в таких случаях. Но потом я почувствовала себя прекрасно».

Принцепс, Венера, 6 июля 2209 года

Глава санитарного надзора Р. К. Харлинг предупредил сегодня, что он будет «возбуждать судебное преследование» во всех случаях незаконной продажи

и приобретения песчанок. Мистер Харлинг добавил, что будет преследовать нарушителей, «применяя все средства принуждения, имеющиеся в его распоряжении».

Принцепс, Венера, 8 июля 2209 года

Сегодня санитарный надзор сообщил о результатах химического анализа пищеварительных органов песчанки, который был произведен «независимой и весьма солидной» лабораторией. Никаких агентов, препятствующих обезвоживанию, обнаружено не было.

Сухостой, Венера, 10 июля 2209 года

Сегодня утром в окрестностях поселка было обнаружено два трупа инспекторов санитарного надзора. Результаты расследования указывают, что инспекторы саннадзора, по-видимому, убили друг друга во время перестрелки. Причина перестрелки неизвестна.

Южное Пекло, Венера, 14 июля 2209 года

Сегодня утром из обломков служебных пескосаней был извлечен труп инспектора саннадзора. Результаты расследования указывают, что двигатель пескосаней взорвался.

Шлаковые Горы, Венера, 19 июля 2209 года

Обнаруженный позавчера труп инспектора саннадзора был отправлен сегодня в Принцепс. Смерть была вызвана пулевым ранением в левую часть груди.

Принцепс, Венера, 20 июля 2209 года

Глава санитарного надзора Р. К. Харлинг объявил сегодня, что меры, принятые им против подпольной

продажи песчанок, «временно отменяются до завершения массовой кампании санитарного просвещения, ведущейся среди населения».

Принцепс, Венера, 22 июля 2209 года

Доктор Чарлз де П. Бэнкрофф, президент Межнаучной федерации, сообщил сегодня о результатах новой серии экспериментов для «установления возможных последствий введения песчанки в человеческий организм». Кишечники шестнадцати песчанок, выращенных в лаборатории санитарного надзора, были «тщательно измельчены, разделены на сто долей, после чего каждая взвешенная доля смешивалась со взвешенным препаратом одного из местных растений. Ни в одном случае не наблюдалось статистически достоверного повышения содержания воды в результате добавления кишечника песчанки». Доктор Бэнкрофф заявил: «Меня поражает, что люди продолжают верить в нелепый миф, несмотря на неоднократные негативные результаты научных экспериментов».

Сухой Колодец, Венера, 28 июля 2209 года

Шестнадцать слушателей расположенного здесь Исправительного профессионального института покинули его за последний месяц. Предполагается, что заключенные совершают побег сразу же после того, как им удастся поймать песчанку. Ввиду удаленности института от населенных районов и полного отсутствия в его окрестностях воды постройка внешней ограды была в свое время сочтена излишней.

Принцепс, Венера, 4 августа 1 2209 года

Руководство Межнаучной федерации сообщило сегодня о новых мерах, которые принимаются для

«уничтожения суеверных представлений о песчанке». С помощью координированной наглядной пропаганды у населения будет выработана психологическая брезгливость к вышеуказанному суеверию. В частности, был упомянут тривизионный фильм «Катастрофа в пустыне», который, по словам представителя МФ, шаг за шагом иллюстрирует причинную цепь, ведущую от безоговорочного принятия суеверия к проверке его на практике, когда семейные пескосаши терпят аварию в пустыне. Следует гнетущий эпизод с песчанками, а затем мы становимся свидетелями духовной и физической гибели семьи. Особенно ужасен момент, когда они начинают жевать солнечный камыш и другую растительность того же типа и с отчаянием убеждаются, что сухие стебли не превращаются в воду. На главные роли мы пригласили Питера де Вьянова и Селесту Силсайн — две звезды нашего тривидения, — и, на паш взгляд, их игра великолепна и чрезвычайно убедительна. Одно дело услышать, что бабушкины сказки — ложь, и совсем другое — убедиться в этом собственными глазами. Еще одно ответственное лицо заявило: «Мы намерены с корнем вырвать это суеверие. Мы пустим в ход все средства!»

V

26 оморожения 2212 года

От Пресли Марка, директора Координационного центра научных исследований Земли II

Полк. Дж. Дж. Конроберту, начальнику базы Стилуэлл, Земля II

Относительно: обезвоженной воды (?)

Кон! Простите, что задержался с ответом, но у нас тут была небольшая неприятность. Какой-то идиот смазал аппарат для сжижения воздуха! На Ваш во-

прос, существует ли способ сгустить воду без замораживания, я, конечно, ответил бы: «Нет». Но мне что-то такое смутно припоминается.

В чем, собственно, заключается Ваша проблема?

27 оморозения 2212 года

От Дж. Дж. Конроберта, начальника базы Стиллуэлл, Земля II

Пресли Марку, директору КЦНИ

Относительно: наблюдательных постов

Прес! Проблема заключается в тех восемнадцати изолированных наблюдательных постах, которые разбросаны по этому морозильнику. Задача их снабжения вгонит меня в гроб!

Я подавал в соответствующие инстанции рапорты, указывая, что эти посты никому не нужны, что всякое прибытие извне — будь то звездные пришельцы, космолеты контрабандистов, межпланетные пираты и т. п. — неминуемо зафиксируется приборами. Генералы объяснили мне, что приборы можно обмануть и что визуальные наблюдения полезны и необходимы для дополнительной страховки. Вот так-то!

Ну, местность у нас тут довольно-таки гористая, и наблюдательные посты расположены на большой высоте и врезаны в одинокие пики, с которых открывается широкий вид. Снабжать их с воздуха мы не можем из-за ураганных ветров и вообще из-за крайне сложных метеорологических условий. И мы снабжаем их без помощи техники! Никакая машина, никакие выючные животные тут помочь не могут. Нам все приходится делать вручную. Каждая доставка на посты всего необходимого превращается в многодневное сражение. И главная наша трудность — вода. Летом она расплескивается и разливается. Зимой же снег загрязняется спорами паразита, обитающего в кишечнике одиноких гигантских волков, которые утоляют жажду

снегом. Этот паразит весьма опасен для людей, что усложняет ситуацию с первого снегопада до середины лета.

Да, я знаю, что можно пользоваться вторичной водой, но учтите папи бюджет, условия, в которых мы работаем, и малонаучный подход к ситуации со стороны рядового состава.

К тому же эти одинокие гигантские волки завели привычку устраивать логова под навесами наших установок, преобразующих снег в кипяченую воду.

Все вышеперечисленное — только примеры тех трудностей, с которыми мы сталкиваемся, и список этот далеко их не исчерпывает, причем одно обстоятельство оказывается связанным с другим: этого нельзя сделать по такой-то причине, а того — еще по такой-то. Но если бы нам удалось покончить с проблемой доставки воды и со всеми ее осложнениями — жидкой формой, температурой замерзания, микропаразитами, установками для растапливания снега, гигантскими волками и т. д. — все стало бы гораздо проще.

Не могли бы Вы разработать какую-нибудь желатинообразную массу, которая, застывая, превращалась бы в порошок? Человек глотает порошок, а он у него в желудке превращается в воду... И неважно, если он будет весить вдвое больше воды. Мы с радостью готовы таскать лишнюю тяжесть, только бы обойтись без осложнений.

29 омерожения 2212 года

От Марка, КЦНИ

Дж. Дж. Конроберту, Стиллуэлл

Относительно: неждкой незаморженной воды

Кон! Кажется, я напал на довольно-таки фантастическую возможность разрешить Ваши затруднения. Речь идет об открытии, сделанном на Венере. Как и

следовало ожидать, тамошние бонзы набросились на исследователя — не проявляй оригинальности! Я разберусь, что к чему, и дам Вам знать.

16 сентября 2212 года

От Марка, КЦНИ

Дж. Дж. Конроберту, Стиллуэла

Относительно: безводной воды

Кон! Ознакомившись с венерианской «наукой», я узнал, что в тамошних пустынях водится зверушка, именуемая песчанкой, которая благоденствует, питаясь сухими растениями, пока все остальные животные погружаются в летнюю спячку. Местные старожилы давно об этом знали, и кто-то из них, очутившись в пустыне без воды, решил съесть песчанку и посмотреть, не заменит ли ему сухой камыш воду и пищу.

Совершенно очевидно, что это средство помочь ему никак не могло. Но он попробовал его — и выжил!

Наши эксперименты показали, что в пищеварительной системе этих зверьков существует культура микроорганизмов, способных расщеплять целлюлозу. Мать-песчанка передает эти микроорганизмы детенышам, кормя их в первые недели жизни срыгиваемой пищей. Когда человек съедает песчанку, желудочный сок, естественно, начинает разрушать эти микроорганизмы. Однако человек съедает песчанку в отчаянной надежде, что теперь он сможет переваривать сухие стебли, а потому сразу же принимается их жевать. Микроорганизмы берутся за работу и производят, в частности, нечто вроде пылеобразного древесного угля и воду. Видите ли, целлюлоза — это $C_6H_{10}O_5$ или $C_6(H_2O)_5$; не забывайте только, что водород и кислород, образуя гидрат, не превращаются при этом в воду. Указанный микроорганизм выходит из этого положения, но пока не спрашивайте меня — как. Чтобы

разобраться и в этом, нам потребуется время. Но вот Вам Ваша сухая вода, если лишний вес Вас не пугает.

По-видимому, венерианские ученые мужи потчевали своих лабораторных песчанок кормом, содержащим крахмал, и давали им воду, а вышеуказанный микроорганизм по каким-то причинам не любит крахмала и гибнет из-за отсутствия целлюлозы. Таким образом, их эксперименты продемонстрировали, что реальные факты были лишь плодом воображения, после чего они вдолбили это «откровение» в головы местных жителей с помощью всех возможных средств научной пропаганды. Мило, а?

Но вернемся к нашей задаче. Мы проверяли культуры этого микроорганизма на разных формах целлюлозы и установили, что его вполне устраивают древесные опилки. Посылаю Вам его культуры и живых песчанок для использования по Вашему усмотрению.

Не знаю, разрешит ли это Ваши трудности, но во всяком случае, какой-то шаг вперед сделан. Кстати, мы обнаружили, что наилучшие результаты даст свежий пищеварительный аппарат песчанки. Сообщите мне, какое разрешение этой проблемы можно будет найти, прибегнув к помощи военной дисциплины.

Нам будет очень интересно посмотреть, как венерианская «наука» выйдет из положения после того, как мы опубликуем наше сообщение. А сделаем мы это особым способом.

Рэтбун, Венера, 2 августа (II) 2212 года

Куинси Кэткарт, местный торговец семенами, опубликовал в газетах текст письма, которое он получил от доктора Ч. Дж. Горовица, одного из руководителей весьма уважаемого Координационного центра научных исследований Земли II. Доктор Горовиц, в частности, пишет:

«...Мы хотели бы публично признать Ваш приоритет в исследовании этой важной проблемы и указать, что Ваши выводы полностью подтвердились.

Ваши исследования в значительной степени облегчили стоявшую перед нами задачу.

Мистер Пресли Марк, директор КЦНИ, предложил присудить Вам нашу почетную медаль и сопутствующую ей премию. Как Вам, возможно, известно, премия эта не присуждалась уже три года, а потому сумма ее соответственно возросла. Мы известим Вас...»

Принцепс, Венера, 18 августа (II) 2212 года

П. Л. Снил, представитель юридического отдела Межнаучной федерации, указал сегодня, что Куинси Кэткарт, рэтбоунский торговец семенами, «согласно закону, не имеет права принимать плату, награды, премии, возмещение или иные вознаграждения за деятельность, которой ему запретили заниматься правомочные органы. Согласно статьям 223, 224 и 226 Уголовного кодекса, Кэткарт обязан отказаться от вознаграждения или принять все последствия своего поступка».

Рэтбоун, Венера, 20 августа (II) 2212 года

Дж. Харрингтон Севейдж, видный принцепсский адвокат, гостящий у доктора Куинси Кэткарта, заявил сегодня, что «так называемое предостережение юридического отдела Межнаучной федерации является нарушением статьи 6 Основ законодательства, которая прямо указывает, что никакой закон не имеет обратной силы. Доктор Кэткарт вправе получать любое вознаграждение за исследования, проведенные в прошлом, когда его высокая квалификация полностью признавалась соответствующими органами. Любая попытка Межнаучной федерации воспрепятствовать ему в осу-

ществлении этого права повлечет за собой принятие соответствующих юридических мер».

Принцепс, Венера, 22 августа (II) 2212 года

Р. Дж. Роклеш, совладелец фирмы «Севейдж и Роклеш», объявил сегодня, что он представляет родственников ста шестидесяти двух человек, погибших в пустыне от голода и жажды. Мистер Роклеш подчеркивает: «Эти люди стали жертвой пропагандистской кампании, предпринятой Межнаучной федерацией, которая буквально вырвала из их рук средство спасения и тем самым убила их».

Принцепс, Венера, 23 августа (II) 2212 года

П. Л. Снил из юридического отдела Межнаучной федерации сообщил сегодня, что Межнаучная федерация готова «сделать жест примирения в адрес бывшего коллеги» и не будет настаивать на том, чтобы Куинси Кэткарт отказался от вознаграждения за прежние исследования, «однако Кэткарт должен помнить, что он не имеет права в настоящем или в будущем заниматься медицинской практикой или вести соответствующие исследования».

Рэтбун, Венера, 24 августа (II) 2212 года

Дж. Харрингтон Севейдж, адвокат доктора Кэткарта, предостерег сегодня Межнаучную федерацию, что в «этом деле какие бы то ни было жесты примирения юридически неправомерны. Заявление Межнаучной федерации от 23 августа (II) 2212 года подразумевает, что Федерация присваивает себе право прощать или не прощать нарушение закона по своему усмотрению. Это ставит под сомнение законность дея-

тельности Федерации и ее соответствие статьям 66, 67 и 68, регулирующим взаимоотношения государственных учреждений и граждан Венеры. Мы взвешиваем все весьма серьезные потенциальные следствия указанного заявления. В случае необходимости мы обратимся к суду, чтобы положить конец произволу и беспринципности, которыми чревата подобная позиция».

Принцепс, Венера, 26 августа (II) 2212 года

Байрон Т. Фишер, известный писатель-популяризатор, прибыл сюда сегодня на космическом лайнере «Королева космоса». Мистер Фишер собирает материалы для своей новой книги «Мученики и деспоты науки».

Сухой Колодец, Венера, 29 августа (II) 2212 года

Сегодня на рассвете сюда вышли три заблудившихся туриста, которые заявили, что своим спасением они обязаны «песчанкам и сухому чалаки». Они предъявили официальные брошюры, выпущенные для туристов Межнаучной федерацией и предупреждающие, что «старинное поверье, будто проглатывание пищеварительного аппарата песчанки способно уничтожить потребность в воде, представляет собой беспочвенную выдумку. Научные эксперименты показали, что песчанки нуждаются в обыкновенной воде точно так же, как и все другие живые существа». Все трое туристов утверждают, что эта брошюра их чуть было не погубила.

Принцепс, Венера, 6 сентября 2212 года

Во время весьма бурных заседаний руководящих органов Межнаучной федерации сегодня были приняты следующие решения: доктор Чарлз де П. Бэнкрофф по состоянию здоровья сложил с себя обязанности

президента; квалификационная комиссия единогласно отменила свое прежнее решение и вернула диплом доктору Куинси Кэткарту, бывшему начальнику Медицинской службы; Комиссия по профессиональному поведению большинством в один голос отклонила предложение отменить официальное порицание, вынесенное доктору Кэткарту, чья фамилия, однако, вновь включена в списки врачей. Кроме того, значительному обновлению подверглись штаты юридического отдела. Совет федерации пока еще не выдвинул преемника доктору Бэнкроффу и, по слухам, разделен на несколько враждующих фракций.

Принцепс, Венера, 8 сентября 2212 года

Доктор Шеррингтон Шайл приступил сегодня к исполнению обязанностей президента Межнаучной федерации. Доктор Чарлз де П. Бэнкрофф вышел из состава совета ее директоров и возглавил особую Редакционную группу, занимающуюся вопросами внутреннего распорядка. В связи с избранием доктора Шайла президентом МФ стал вакантным пост начальника Медицинской службы, и Комиссия по кадрам и назначениям единогласно одобрила назначение доктора Куинси Кэткарта начальником Медицинской службы. Осведомленное лицо, пожелавшее остаться неназванным, заметило по этому поводу: «Справедливость восстановлена, но остается посмотреть, будет ли от этого толк».

12 сентября 2212 года

*От Куинси Кэткарта, начальника Медицинской службы
Филиппу Баумгартнеру, медицинский пункт 116
Относительно: нового назначения
Кодовый № 121 МСм 116-1*

Сэр! В связи с уходами на пенсию и перемещениями в настоящее время освободился пост директора

медицинского центра Рыжей Пыли. Если Вы согласны его занять, сообщите мне об этом при первом же удобном случае. Я учитываю, что Вам будет нелегко покинуть Ваш нынешний пост до окончания сезона дождей, поскольку вверенный Вам медпункт находится в центре естественной впадины. Если память мне не изменяет, здание медпункта водонепроницаемо и снабжено кабельным барабаном, позволяющим ему всплыть, а потом опять опуститься на полозья. Надеюсь, Вы хорошо смазывали механизмы барабана.

26 октоядека 2212 года

*От Куинси Кэткарта, начальника Медицинской службы
Роберту Хауленду, директору Черноадского округа ПСЭ
Относительно: науки, уничтожающей суеверия
Кодовый № 121 МСкс-1*

Сэр! Мне кажется, Вам следует ознакомиться со следующими отрывками из последней брошюры (2П-103), выпущенной издательством Межнаучной федерации и озаглавленной: «Простак знакомится с биотехнологией».

«— Да, Простак, в течение многих лет люди умирали в пустыне, хотя рядом с ними были неисчерпаемые запасы воды — правда, скрытой в растениях, которые казались высохшими и бесполезными. В ту эпоху научно-исследовательские лаборатории Межнаучной федерации еще не создали биаквы. Но и тогда существовал способ избежать гибели в безводной пустыне — для этого нужно было просто проглотить некоторые внутренние органы обыкновенной песчанки.

— Ух ты, доктор! Да неужто об этом никто не знал?

— Нет, Простак. Опрос населения, проведенный в апреле 2211 года, показал, что 92,65% лиц, ответивших

на анкету, считали, что введение в человеческий организм внутренних органов песчанки не предотвратит его обезвоживания; 4,17% полагали, что это средство может оказать лишь частичное действие; 2,49% заполнили анкету неправильно и только 0,69% считали, что это полностью предотвратит обезвоживание, но подавляющая часть этой группы проживала в неосвоенных районах, примыкающих к пустыням, и опиралась в своем заключении только на фольклор и суеверия. Теперь мы настоятельно рекомендуем всем туристам всегда иметь при себе биакву, чтобы в случае необходимости, забыв пеленую брезгливость, прибегнуть к этому простому биотехническому средству получения воды из сухой растительной клетчатки...»

Брошюра 2П-103 содержит еще много подобных страниц.

Кстати, я сообщил в Координационный центр научных исследований Земли II, что первые эксперименты с песчанкой ставили Вы. Честь открытия принадлежит Вам, а не мне.

28 октября 2212 года

От Роберта Хауланда, директора Черноадского округа ПСЭ

*Куинси Кэткарту, начальнику Медицинской службы
Относительно: песчанок
Кодовый № 121 мКС-2*

Нет, сэр! Шеей рисковали Вы. Да и в любом случае, на мой взгляд, приоритет принадлежит Биллу Пустыннику, но как его об этом известить?

Если, однако, Вы хотели бы что-то для меня сделать, то учтите, что я испытываю хронический недостаток квалифицированных кадров. Как Вы, вероятно,

помните, некоторое время назад один из моих механиков, Сэм Мэтьюз, был доставлен в медцентр Рыжей Пыли, попытался объяснить суть дела и в конце концов решил, что уж если его считают психом, он может извлечь из этого кое-какое удовольствие. Он все еще наслаждается незаслуженным отдыхом в Озерах.

Не так давно один из моих сотрудников был там в служебной командировке и навестил Мэтьюза. Мэтьюз жаловался, что по ночам ему кажется, будто его постель качается, как лодка на волнах. Он ходит, расставляя ноги, точно старый морской волк. Некый доктор Шнуди, который его лечит, старается добраться до наиболее скрытых механизмов его подсознания и уже довел фантазию Мэтьюза до полного истощения. Другими словами, Мэтьюз сыт гидротерапией по горло, он спит и видит, как бы очутиться в таком месте, где воды вокруг него «не будет совсем — разве что одна фляга».

Надеюсь, Вы пойдете ему навстречу, тем более что я могу предложить ему как раз то, о чем он мечтает.

30 октноядека 2212 года

Кэткарт — Хауленду

121 МСкс-3

Сэр! Рад сообщить, что Шнуди охотно выписал Мэтьюза, заявив, что по его, Шнуди, мнению, он, Шнуди, добился полного его излечения. Мэтьюз находится по пути к Вам, и если Вы повесите его посушиться с недельку на веревке, я думаю, он будет вполне готов приступить к исполнению своих обязанностей.

А тем временем Шнуди, вдохновленный этим успехом, взялся за обработку своих материалов о сеансах с Мэтьюзом и готовит к публикации гигантский том,

который, несомненно, принесет ему репутацию выдающегося ученого, весьма возможно, создаст его школу и, пожалуй, обессмертит его имя.

История с Мэтьюзом является наглядным примером непрерывно продолжающегося победоносного наступления рациональных сил науки на невежество и суеверие.

К сожалению, при некоторых обстоятельствах бывает нелегко решить, что тут что.

Станислав Лем

Ананке

(Пиркс на Марсе)

Что-то вытолкнуло его из сна — во тьму. Остались позади (где?) багровые, задымленные контуры (город? пожар?), противник, погоня, попытки отвалить скалу — скалу, которая была *этим* (человеком?). Пиркс безуспешно пытался догнать ускользающие воспоминания; как всегда в такие минуты, он подумал, что в снах нам дается жизнь более интенсивная и естественная, чем наяву; она освобождена от слов и при всей своей непредвидимой причудливости подчиняется законам, которые кажутся бесспорными — но лишь там, во сне.

Он не знал, где находится, он ничего не помнил. Достаточно было рукой шевельнуть, чтобы выяснить, но он злился на бессилие своей памяти и подхлестывал ее, добиваясь сведений. Он сам себя обманывал: лежал-то вроде неподвижно, а все же пытался по фактуре постели отгадать, где находится. Во всяком случае, это не была корабельная койка. И вдруг — будто вспышка все озарила: посадка; пламя в пустыне; диск луны, словно бы поддельной, слишком большой; кратеры — в пылевых заносах; грязно-рыжие струи песчаной бури; квадрат космодрома, башни.

Марс.

Он лежал, теперь уже вполне по-деловому стараясь сообразить, что его разбудило. Пиркс доверял своему телу; оно не проснулось бы без причины. Правда,

посадка была довольно трудная, а он порядком устал после двух вахт подряд, без передышки: Терман сломал руку — когда автоматы включили тягу, его бросило о стену. После одиннадцати лет космических полетов так шлепнуться при переходе к весомости — ну и осел! Надо будет навестить его в госпитале... Из-за этого, что ли?.. Нет.

Пиркс начал теперь поочередно припоминать события вчерашнего дня с момента посадки. Садились в бурю. Атмосферы тут всего ничего, но когда ветер — двести шестьдесят километров в час, тут прямо на ногах не устоишь при таком ничтожном давлении. Подошвы ничуть не трутся о грунт; при ходьбе надо зарываться ногами поглубже в песок — увязая по щиколотку, приобретаешь устойчивость. И эта пыль, что с ледящим шорохом скребется по скафандру, забивается в любую складку... она не очень-то красная и даже не рыжая — обыкновенный песок, только мелкий: за несколько миллиардов лет успел перемолоться.

Капитаната здесь не было — ведь не было и нормального космопорта. Проект «Марс» на втором году своего существования все еще держался в основном на врыпках; что ни построй, все песком засыплет; ни гостиницы здесь, ни общежития хотя бы, ничего. Надувные купола, огромные, величиной с десяток ангаров каждый, — под сверкающим зонтиком стальных тросов, заякоренных на бетонных колодах, еле заметных среди дюп. Бараки, гофрированная жечь, груды, кипы, штабеля ящиков, контейнеров, резервуаров, бутылей, связок, мешков — целый городок из грузов, что сваливаются сюда с лент транспортеров. Единственным вполне приличным помещением, налаженным, прибранным, была диспетчерская — она находилась вне «зонтика», за две мили от космодрома; здесь Пиркс и лежал сейчас, в постели дежурного контролера Сейна.

Он сел на кровати и босой ногой нащупал комнатные туфли. Он всегда возил их с собой и всегда раздевался на ночь; если утром не удавалось как следует побриться и умыться, он чувствовал себя не в форме. Он не помнил, как выглядит комната, и на всякий случай выпрямлялся осторожно; чего доброго, башку расшибешь при здепней экономии на материалах (весь Проект по швам трещал от этой самой экономии; Пиркс кое-что знал об этом). Тут он снова рассердился на себя за то, что забыл, где находятся выключатели. Как слепая крыса... Пошарил по стене — вместо выключателя нащупал холодный рычажок. Дернул.

Что-то тихо щелкнуло, и со слабым скрежетом раскрылась присовая диафрагма окна. Начинался тягостный, смутный, пропыленный рассвет. Стоя у окна, похожего скорее на корабельный иллюминатор, Пиркс потрогал щетину на подбородке, поморщился и вздохнул: все было как-то не так, хотя, в сущности, непонятно почему. Впрочем, если б он подумал над этим, то, может, признался бы, что попятно. Он терпеть не мог Марса.

Это было его сугубо личное дело; никто об этом не знал, да никого это и не касалось. Марс, по мнению Пиркса, был олицетворением утраченных иллюзий, мечтаний развенчанных, осмеянных, но близких сердцу. Он предпочел бы летать на любой другой трассе. Писанину о романтике Проекта Пиркс считал сплошной чепухой, перспективы колонизации — фикцией. Да, Марс обманул всех; он обманывал всех уже второе столетие. Каналы. Одно из самых прекрасных, самых необычайных приключений в истории астрономии. Планета ржаво-красная: пустыни. Белые шапки полярных снегов: последние запасы воды. Словно алмазом по стеклу прочерченная, тонкая, геометрически правильная сетка от полюсов до экватора: свидетельство борьбы разума против угрожающей гибели,

мощная ирригационная система, питающая влагой миллионы гектаров пустыни, — ну конечно, ведь с приходом весны окраска пустыни менялась, темнела от пробужденной растительности, и притом именно так, как следует, — от полюсов к экватору. Что за чушь! Не было и следа капалов. Растительность? Таинственные мхи, лишайники, надежно защищенные от морозов и бурь? Ничего подобного; всего лишь полимеризованные высшие окислы углерода покрывают поверхность планеты — и улетучиваются, когда ужасающий холод сменяется холодом только ужасным. Снеговые папки? Обычный затвердевший CO_2 . Ни воды, ни кислорода, ни жизни — растрескавшиеся кратеры, изъеденные пыльными бурями скалы, унылые равнины, мертвый, плоский, бурый ландшафт под бледным, серовато-ржавым небом. Ни облаков, ни туч — какая-то неясная мглистость; по-настоящему темнеет лишь при сильных ураганах. Зато атмосферного электричества — до черта и сверх того...

Что это? Сигнал какой-то подавали? Нет, это пение ветра в стальных тросах ближайшего «пузыря». В тусклом свете (песок, несомый ветром, быстро справлялся даже с самым твердым стеклом, а уж пластиковые жилые купола сразу помутнели, как бельма) Пиркс включил лампочку над умывальником и начал бриться. Пока он кривил лицо на все лады, ему пришла в голову до того глупая фраза, что он невольно усмехнулся: «Марс — просто свинья».

Однако это и вправду свинство — столько надежд на него возлагалось и так он их обманул! По традиции... но кто ее, собственно, установил? Никто в отдельности. Никто не выдумал этого сам; у этой концепции не было авторов, как нет авторов у легенд и поверий; значит, из общих, что ли, вымыслов (чьих? астрономов? мифов созерцателей) возникло такое представление. Белая Венера, звезда утренняя и вечерняя,

укутанная плотной облачной пеленой, — это планета молодая, там повсюду джунгли, да ящеры, да вулканы в океанах; одним словом — это прошлое нашей Земли. А Марс — высыхающий, заржавевший; там полным-полно песчаных бурь и удивительных загадок (каналы нередко раздваивались, канал-близнец возникал за одну ночь! И ведь масса усердных, бдительных астрономов подтверждала это!); Марс, чья цивилизация героически борется против угасания жизни на планете, — это будущее Земли. Все просто, ясно, четко, понятно. Только вот неверно все — от А до Я.

Под ухом торчали три волоска, которых не брала электробритва; но обычная безопасная бритва осталась на корабле, и он начал подбираться к волоскам то так, то этак. Ничего не получалось.

Марс. Эти астрономы-наблюдатели все же обладали буйной фантазией. К примеру, Скиапарелли. Какими неслыханными именами он — вместе со своим заклятым врагом Антониади — окрестил то, чего *не видел*, что ему только казалось! Хотя бы эту местность, где строится Проект: Агатодемон. Демон — это понятно, а Агато? Может, от агата — потому что черный? Или это от «агатон» — мудрость? Космонавтов не обучают древнегреческому; жаль. Пиркс питал слабость к старым учебникам звездной и планетарной астрономии. Какая трогательная уверенность в себе: в 1913 году они утверждали, что из космического пространства Земля кажется красноватой, ибо ее атмосфера поглощает голубую часть спектра и, естественно, то, что остается, должно быть по меньшей мере розовым. Прямо пальцем в небо! А все же, когда разглядываешь эти великолепные карты Скиапарелли, просто в голове не укладывается, что он видел несуществующее. И, что самое странное, другие, после него, тоже это видели. Это был какой-то психологический феномен; впоследствии он никого уже не интересовал. Сначала

в любой книге о Марсе восемьдесят процентов текста отводилось на топографию и топологию каналов; ну, а во второй половине XX века нашелся астроном, который проделал статистический анализ сети марсианских каналов и обнаружил ее сходство, именно топологическое, с сетью железных дорог, то есть коммуникаций, в отличие от естественных трещин или водных артерий. После этого словно кто снял чары; от каналов отделялись одной фразой: «Оптическая иллюзия» — и точка.

Пиркс вычистил электробритву, стоя у окна, спрятал ее в футляр и еще раз поглядел, уже с откровенной неприязнью, на этот самый Агатодемон, на загадочный «канал» — упылую плоскую местность с невысокими каменистыми буграми кое-где у туманного горизонта. Луна по сравнению с Марсом кажется просто уютной. Конечно, для того, кто ни шагу с Земли не сделал, это прозвучит дико, однако же это чистейшая правда. Прежде всего — Солнце на Луне выглядит точь в точь так же, как на Земле, а до чего это важно, знает каждый, кто изумлялся, или, вернее, пугался, увидев вместо Солнца крохотный, блеклый, еле теплый огонек. К тому же великолепная голубая Земля, словно лампа — символ безопасного бытия, примета жилого дома, — так славно освещает лунные ночи, в то время как Фобос и Деймос дают света меньше, чем Луна в первой четверти на Земле. Ну, и вдобавок — тишина. Высокий вакуум, спокойный; ведь не случайно же удалось показать по телевидению прилуннение, первый этап проекта «Аполлон», а о телепередаче, скажем, с гималайской вершины даже и думать нечего. Что означает для человека никогда не утихающий ветер, можно до конца понять только на Марсе.

Он посмотрел на часы: свежеприобретенная штучка с пятью concentрическими циферблатами показывает

стандартное земное время, а кроме того, время корабельное и планетарное. Было шесть с минутами.

«Завтра в это время я буду за четыре миллиона километров отсюда», — подумал Пиркс не без удовольствия. Он состоял членом «Клуба Перевозчиков», кормильцев Проекта, но дни его службы были сочтены: на трассу Земля — Марс вышли эти новые гигантские корабли «Ариэль», «Арес» и «Анабис», у которых масса покоя около 100 000 тонн. Они шли к Марсу уже около двух недель; через два часа прибудет «Ариэль». Пиркс никогда еще не видел посадки стотысячника, да на Земле им и пельзя было садиться; их принимали на Луне — экономисты подсчитали, что это окупится. Корабли вроде Пирксова «Кювье» (масса покоя 12—15 тысяч тонн) теперь, безусловно, сойдут со сцены. Так, разве мелочи какие-нибудь время от времени будут перевозить.

Было шесть двадцать, и человеку здравомыслящему в это время полагалось бы поесть чего-нибудь горяченького. Мысль о кофе тоже вдохновляла. Но где здесь можно подкрепиться, Пиркс не знал. Он впервые попал на Агатодемон; до тех пор он обслуживал главный плацдарм на Сырте. Почему атаку на Марс вели одновременно в двух пунктах, разделенных дюжиной тысяч миль? Научные обоснования Пирксу были известны, но он держался своего мнения; впрочем, он не афишировал этот свой скептицизм. Большой Сырт предназначался для термоядерного, а также интеллектуального полигона. Он и выглядел совсем иначе. Некоторые утверждали, что Агатодемон — это Золушка Проекта и что его не раз уже собирались ликвидировать, но пока все еще питают надежды на эту самую замерзшую воду, на гигантские ледники древних эпох, именно здесь где-то залегающие под спекшимся грунтом. Конечно, если бы Проект докопался до местной воды, это было бы подлинным триумфом — ведь пока

что каждую каплю возили с Земли, а устройства, которые должны вылавливать водяные пары из атмосферы, второй год доделывали да налаживали, и срок запуска все передвигался.

Нет, Марс определенно не имел ничего привлекательного для Пиркса.

В здании было так тихо, словно все куда-то ушли или умерли, и все же Пирксу не хотелось выходить из комнаты. Не хотелось в основном потому, что он постепенно все больше привыкал к одиночеству.

Командир корабля может весь рейс провести одиноко, отъединенно от всех, если ему вздумается, — и в одиночестве Пиркс чувствовал себя лучше; после дальнего рейса (сейчас, когда противостояние окончилось, полет к Марсу продолжался более трех месяцев) ему приходилось делать над собой усилие, чтобы сразу и просто войти в скопище чужих людей. А тут он не знал никого, кроме дежурного контролера. Можно пойти к нему на второй этаж, но это будет не слишком тактично. Не годится попусту беспокоить человека, когда он несет вахту. Пиркс судил по себе: он не любил таких незваных гостей.

Пиркс достал из чемоданчика термос с остатками кофе и пачку печенья. Ел, стараясь не насорить, пил и смотрел сквозь исцарапанное песчинками стекло круглого окошка на древнюю и словно бы смертельно усталую равнину Агатодемона. Именно такое впечатление производил на него Марс: что ему уже все равно. Поэтому так страшно теснятся тут друг к другу кратеры, непохожие на лунные, будто бы размытые («Словно поддельные!» — вырвалось у Пиркса однажды при виде хороших, больших фотографий Марса); поэтому так нелепо выглядят «хаосы» — марсианские местности с причудливым, стихийно исковерканным ландшафтом (их обожают ареологи, ибо на Земле нет ничего похожего на такие формации). Марс будто бы

смирился с судьбой и уже не заботится ни о том, чтобы выполнять свои обещания, ни о том, чтобы хоть видимость соблюсти. Когда приближаешься к нему, он понемногу теряет свой солидный красноватый облик, перестает быть эмблемой бога войны, становится грязно-бурым, с пятнами, с затеками; четких очертаний, как на Земле или на Луне, здесь не встретишь — все размазано, все ржаво-серое, и вечно дует ветер.

Пиркс ощущал под ногами тончайшую вибрацию — это работал преобразователь или трансформатор. А вообще было по-прежнему тихо, и лишь время от времени врывалось в эту тишину отдаленное, словно с того света, завывание ветра в тросах-креплениях жилого купола. Этот чертов песок постепенно расправлялся даже с двухдюймовыми тросами из высокосортной стали. На Луне можно любую вещь оставить, положить на камень и вернуться через сто, через миллион лет со спокойной уверенностью, что она лежит целехонькая. На Марсе ничего нельзя выпустить из рук — сразу исчезнет без следа.

В шесть сорок покраснелся краешек горизонта — всходило Солнце. И это красноватое световое пятно (без всякой зари, где там!) внезапно воскресило недавний сон. Теперь Пиркс уже вспомнил, в чем было дело. Кто-то хотел его убить, но Пиркс сам убил своего врага. Убитый гнался за ним в красноватом сумраке; Пиркс убивал его еще несколько раз, но это ничуть не помогало. Идиотизм, конечно. Однако было в этом сне еще вот что: Пиркс был почти абсолютно уверен, что во сне он знал этого человека, а теперь он понятия не имел, с кем так отчаянно сражался. Конечно, это ощущение знакомости тоже могло порождаться сонной иллюзией... Он попробовал докопаться до этого, но своевольная память снова замолкла, все убралось обратно, как улитка в скорлупу, и Пиркс долго стоял у окна, упираясь рукой в стальную

окантовку, слегка взволнованный, словно речь шла о бог знает каком важном деле.

Смерть. Вполне понятно, что по мере развития космонавтики земляне начали умирать на других планетах. Луна оказалась лояльной к мертвецам. Трупы на ней каменеют, превращаются в ледяные статуи, в мумии; почти невесомая легкость делает их нереальными и словно бы уменьшает значение катастрофы. А на Марсе о мертвецах надо заботиться немедленно, потому что песчаные смерчи за несколько суток разъедят любой скафандр и, прежде чем сухой зной успеет мумифицировать останки, из лохмотьев выглянут кости, отполированные, иступленно отшлифованные, обнажится скелет и, рассыпаясь понемногу в этом чужом песке, под этим грязно-бурым чужим небом, будет восприниматься как укор совести, почти как оскорбление, словно люди, привезя с собой на ракетах вместе с жизнью и свою подверженность смерти, совершили какую-то бестактность, нечто такое, чего следует стыдиться, что надо скрыть, убрать, похоронить... Все это, конечно, не имело никакого смысла, но таковы были ощущения Пиркса в этот момент.

В семь часов кончалась ночная вахта на постах летного контроля, а во время смены может присутствовать и посторонний человек. Пиркс уложил свои вещи в чемоданчик — их было немного — и вышел, держа в памяти, что надо проверить, по графику ли идет разгрузка «Кювье». К полудню корабль должен уже освободиться от всех своих грузов, а перед отлетом кое-какие мелочи не мешает проверить, например систему охлаждения вспомогательного реактора, тем более что возвращаться придется с неполным составом команды. Получить кого-нибудь взамен Термана — об этом и говорить нечего.

По винтовой лестнице, высланной пенопластом, чувствуя под ладонью странно теплые, словно нагретые

перила, Пиркс поднялся на первый этаж, и все вокруг резко изменилось; он и сам словно стал кем-то другим, как только открыл широкую дверь с матовыми стеклами.

Помещение походило на внутренность гигантского черепа с тремя парами огромных выпуклых стеклянных глаз, вытаращенных на три стороны света. Только на три — за четвертой стеной находились антенны, по все это помещение могло вращаться вокруг оси, как поворотный круг на сцене. В известном смысле это и была сцена, на которой разыгрывались все одни и те же спектакли — посадки и старты кораблей; из-за своих широких округлых пультов, словно сливавшихся с серебристо-серыми стенами зала, дежурные видели стартовую полосу как на ладони — до нее был всего лишь километр.

Все это напоминало отчасти диспетчерскую вышку на аэродроме, а отчасти — операционный зал. У глухой стены под конусообразным прикрытием громоздился главный компьютер непосредственной связи с кораблями; он непрерывно мигал лампочками и стрекотал, ведя свои немые монологи и выплевывая обрывки перфорированных лент; были тут еще три резервных контрольных поста, оборудованные микрофонами, точечными лампами, креслами на шаровых шарнирах, а также подручные счетные устройства для контролеров, похожие на уличные водоразборные колонки; наконец, уютился у стены маленький, изящный, как игрушка, бар с тихонько шипящим «Экспрессом». Вот он где, оказывается, кофейный источник!

Своего «Кювье» Пиркс не мог отсюда разглядеть; он посадил корабль там, где приказал диспетчер, — тремя милями дальше, за пределами площадки: здесь так готовились к приему первого тяжелого корабля, словно он не был оборудован новейшими астролокационными автоматами, которые, как хвастали конструкторы

(Пиркс почти всех их знал), могли посадить эту громадину в полкилометра высотой, эту железную гору на площадку размером с огородную делянку.

Все работники космопорта, все три смены пришли на это торжество, которое, впрочем, с официальной точки зрения никаким торжеством не являлось: «Ариэль», как и другие корабли этого типа, совершил уже десятки пробных полетов и посадок на Луне; правда, он еще ни разу не входил на полной тяге в атмосферу.

До посадки оставалось меньше получаса; поэтому Пиркс поздоровался только с теми, кто не нес вахты, и пожал руку Сейну. Радарные приемники уже работали, по телевизионным экранам сверху вниз проползали размытые полосы, но огоньки на пульте сближения еще сияли чистейшей зеленью в знак того, что времени осталось много и ничего пока не происходит. Романи, руководитель базы Агатодемона, предложил Пирксу рюмочку коньяку к кофе; Пиркс заколебался, но, в конце-то концов, он присутствовал здесь абсолютно неофициально и, хотя не имел привычки пить с утра, понимал, что людям хочется символически подчеркнуть торжественность момента. Как-никак, этих тяжелых кораблей ждали уже давно; с их прибытием руководство сразу избавлялось от массы хлопот — ведь все время перевозчики вроде Пиркса всячески старались оборачиваться на линии Марс — Земля как можно быстрее и эффективней и все же никак не могли насытить прожорливый Проект. А теперь вдобавок противостояние кончилось, планеты начали расходиться, расстояние между ними будет увеличиваться из года в год, пока не достигнет ужасающего максимума в сотни миллионов километров; но именно сейчас, в самую трудную пору, Проект получил мощную поддержку.

Люди разговаривали вполголоса, а когда погасли зеленые огоньки и зажужжали зуммеры, все сразу замолчали.

День начинался истинно марсианский — ни хмурый, ни ясный; не было ни четко различимого горизонта, ни четко видимого неба, и словно бы не существовало времени, поддающегося определению и подсчету. Хотя день наступил, по граням бетонных квадратов, распластавшихся в центре Агатодемона, побежали светящиеся линии, зажглись автоматические лазерные метки, а края центрального круглого щита из черного бетона обозначились пунктиром галогенных рефлекторов. Контролеры поудобней уселись в креслах, хотя работы у них было всего ничего; зато главный компьютер рассиялся циферблатами, словно оповещая всех о своей чрезвычайной важности, какие-то реле начинали тихонько постукивать, и из репродуктора отчетливо зазвучал басистый голос:

— Эй вы, там, на Агатодемонe, это «Ариэль», говорит Клайн, мы на оптической, высота шестьсот, через двадцать секунд переключаемся на автоматы для посадки. Прием.

— Агатодемон — «Ариэлю!» — поспешно сказал в микрофон Сейн, маленький, с остроносим птичьим профилем. — Вы у нас на всех экранах, на каких только можете быть, поудобней укладываетесь и аккуратненько идите вниз. Прием!

«Шуточки у них!» — подумал Пиркс, который этого не любил, возможно, из суеверия; но они тут, видно, ни в грош не ставят строгости процедуры.

— «Ариэль» — Агатодемону: у нас триста, включаем автоматы, опускаемся без бокового дрейфа, нуль на нуль. Какова сила ветра? Прием!

— Агатодемон — «Ариэлю»: ветер 180 в минуту, север-северо-западный, ничего он вам не сделает. Прием.

— «Ариэль» — всем: опускаюсь на оси, кормой, у рулей автоматы. Конец.

Наступила тишина, только реле быстро бормотали что-то по-своему; на экранах уже ясно обозначалась белая светящаяся точка, она быстро вырастала, словно кто-то выдувал пузырь из огненного стекла. Это была пышущая пламенем корма корабля, который действительно опускался, как по невидимому перпендикуляру, без подрагиваний и отклонений, без малейших признаков вращения, — Пирксу приятно было смотреть на это. Он оценивал расстояние примерно в сто километров; до пятидесяти не было смысла глядеть на корабль сквозь окно, тем не менее у окон уже толпились люди, задрав головы в зенит.

Диспетчерская имела постоянную радиофоническую связь с кораблем, но сейчас попросту не о чем было говорить: весь экипаж лежал в антигравитационных креслах, все делали автоматы под руководством главного корабельного компьютера; это именно он распорядился, чтобы атомную тягу при шестидесяти километрах высоты, то есть на самой границе стратосферы, сменили на бороводородную.

Теперь Пиркс подошел к центральному, самому большому окну и сейчас же увидел в небе сквозь бледно-серую дымку колючий зеленый огонек, крохотный, но необычайно ярко мерцающий, словно кто-то сверху просверливал атмосферу Марса пылающим изумрудом. От этой сверкающей точки расходились во все стороны бледные полоски — это были клочки туч, вернее, тех педоносков, которые в здешней атмосфере выполняют обязанности туч. Попадая в сферу ракетных выхлопов, они вспыхивали и распадались, как бенгальские огни.

Корабль рос; собственно, по-прежнему росла только его круглая корма. Раскаленный воздух заметно колебался под ним, и неопытному человеку могло бы показаться, что корабль слегка раскачивается, но Пиркс слишком хорошо знал эту картину и не мог ошибиться.

Все шло так спокойно, без всякого напряжения, что Пиркс припомнил первые шаги человека на Луне — там тоже все шло, как по маслу. Корма была уже зеленым пылающим диском в ореоле огненных брызг. Пиркс поглядел на главный альтиметр над пультами контролеров, — когда имеешь дело с такой громадиной, как «Ариэль», легко ошибиться в оценке высоты. Одиннадцать, нет — двенадцать километров отделяло «Ариэль» от Марса; очевидно, корабль опускался все медленней благодаря возрастанию тормозной тяги.

Вдруг сразу произошло многое.

Кормовые дюзы «Ариэля» в короне зеленых огней заколебались как-то по-иному. В громкоговорителе слышалось невнятное бормотание, выкрик, нечто вроде: «Ручная!», а может, «Не знаю!» — единственное, что прокричал человеческий голос, сдавленный, искаженный, — неизвестно, был ли это Клайн. Зеленый огонь, полыхавший из кормы «Ариэля», вдруг поблек. Это длилось долю секунды. В следующее мгновение корма словно растопырилась от ужасающей бело-голубой вспышки, и Пиркс понял все сразу, в дрожи ошеломления, пронзившей его с головы до пят, так что глухой исполинский голос, зарокотавший в громкоговорителе, ничуть не удивил его.

— «Ариэль» (пыхтение). Перемена процедуры. Из-за метеорита. Полный вперед на оси. Внимание! Полная мощность!

Это был автомат. На фоне его голоса кто-то вроде кричал, а может, это чудилось. Во всяком случае, Пиркс правильно истолковал изменение окраски выхлопного пламени: вместо бороводорода включилась полная мощность реакторов, и гигантский корабль, будто заторможенный ударом ужасающего невидимого кулака, дрожа всеми скреплениями, остановился — по крайней мере так это выглядело для наблюдателей — в разреженном воздухе, на высоте всего

четырёх-пяти километров над щитом космодрома. Нужен был маневр дьявольский, запрещенный всеми правилами и постановлениями, вообще выходящий за рамки космонавигации, — удержать махину в сто тысяч тонн весом; ведь требовалось сначала погасить скорость ее падения, чтобы она вслед за тем снова могла взвиться вверх.

Пиркс увидел в ракурсе бок исполинского цилиндра. Ракета потеряла вертикальное положение. Она крепилась. Начала было невероятно медленно выпрямляться, но ее качнуло в другую сторону, как гигантский маятник; новый обратный крен корпуса был уже больше. При столь малой скорости потеря равновесия с такой амплитудой была неодолима.

Лишь теперь дошел до Пиркса крик главного контролера:

— «Ариэль»! «Ариэль»! Что вы делаете?! Что у вас творится?!

Как много может произойти за долю секунды!

Пиркс у параллельного, пезапятого пульта во всю глотку кричал в микрофон:

— Клайн!! На ручную!! Переходи на ручную, к посадке!! На ручную!!

Только в этот момент накрыл их протяжный немолкнувший гром. Только теперь донеслась до них звуковая волна! Как недолго все длилось!

Стоящие у окон закричали в один голос. Контролеры оторвались от пультов.

«Ариэль» падал, кувыркаясь, как камень, и качающиеся полосы кормового огня вслепую рассекали атмосферу; корабль вращался, безжизненный, будто труп, словно кто-то швырнул эту гигантскую башню с неба вниз, на грязно-бурые дюны пустыни. Все стояли как вкопанные в жутком глухом молчании, потому что ничего уже нельзя было сделать; громкоговоритель невнятно хрипел, бормотал, слышались отголоски то ли

отдаленной суматохи, то ли гула океана, и неизвестно, были ли там человеческие голоса, — все сливалось в сплошной хаос. А белый, словно облитый сиянием, невероятно длинный цилиндр все быстрее мчался вниз. Казалось, что он угодит прямо в диспетчерскую. Кто-то рядом с Пирксом охнул. Все инстинктивно съежились.

Корабль наискось ударился об одну из невысоких оград вокруг щита, разломился надвое и, с какой-то странной медлительностью разламываясь дальше, раскидывая осколки во все стороны, зарылся в песок. Мгновенно взвилась туча высотой с десятиэтажный дом, в ней что-то загремело, зарокотало, брызнуло огненными струями, над гривистой завесой взметнувшегося песка вынырнул все еще ослепительно белый нос корабля, оторвался от корпуса, пролетел несколько сот метров; потом все почувствовали мощные удары — один, другой, третий; почва колыхалась от этих ударов, как при землетрясении. Все здание качнулось, подалось вверх и снова опало, словно лодка па волне. Потом в адском грохоте дробящегося металла все закрыла бронзово-черная стена дыма и пыли.

И это был конец «Аризля». Когда все мчались по лестнице к шлюзу, Пиркс, одним из первых натянувший скафандр, не сомневался, что при таком столкновении никто не мог уцелеть.

Потом они бежали, пошатываясь под ударами вихря; издалека, от купола, уже двигались первые оверкрафты и гусеничные машины. Но спешить уже не стоило. Не к чему было.

Пиркс сам не знал, как и когда вернулся в диспетчерскую, — перед его ошеломленным взором все еще маячил кратер и раздавленный корпус корабля; он не понимал, почему оказался в этой маленькой комнатке, и по-настоящему очнулся, лишь когда увидел в зеркале свое посеревшее, осунувшееся лицо.

В полдень созвали комиссию экспертов для расследования причин катастрофы. Спасательные команды еще растаскивали экскаваторами и лебедками по кускам огромный корпус, еще не успели добраться до глубоко врезавшейся в грунт раздавленной рулевой рубки, где были контрольные автоматы, а с Большого Сырта уже прибыла группа специалистов на одном из тех диких маленьких вертолетов с громадными винтами, что способны летать только в разреженной марсианской атмосфере.

Пиркс никому не лез на глаза и никого ни о чем не спрашивал — он слишком хорошо понимал, что дело чрезвычайно темное. В ходе нормальной посадочной процедуры, которая делится на освященные традицией этапы и запрограммирована с предельной точностью и скрупулезностью, главный компьютер «Ариэля» без всякой видимой причины погасил бороводородную тягу, подал отрывочные сигналы, похожие на метеоритную тревогу, и переключил двигатели на уход от планеты с максимальной скоростью. И он уже не смог восстановить равновесие, нарушенное при этом головоломном маневре. Ни о чем похожем в анналах космонавигации не упоминалось; приходившие на ум предположения, что компьютер просто-напросто подвел, что в нем замкнулись или перегорели какие-то контуры, выглядели абсолютно неправдоподобно, поскольку речь шла об одной из двух программ (старт и посадка), которые были застрахованы от аварии такой массой предосторожностей, что скорее уж можно было заподозрить саботаж. Пиркс ломал себе над этим голову, сиди в комнатке Сейна, и умышленно носа за дверь не высовывал, чтобы никому не навязываться, тем более что ведь через несколько часов надо лететь, а в голову не приходит ничего такого, о чем следовало бы спешно известить комиссию. Оказалось, однако, что про него не забыли. Около часу дня к нему заглянул Сейн. С ним

был Романи — он ждал в коридоре. Пиркс его сначала не узнал, принял руководителя Агатодемона за кого-то из механиков: на нем был закопченный, весь в каких-то подтеках комбинезон, лицо осунулось от изнурения, левый угол рта то и дело подергивался. Но голос у него был прежний, спокойный; от имени комиссии, членом которой он являлся, Романи попросил Пиркса отложить старт «Кювье».

— Разумеется... если я нужен... — Пиркса это застигло врасплох, и он пытался собраться с мыслями. — Только мне нужно получить согласие Базы...

— Это мы сами уладим, если вы не возражаете.

Больше они ни о чем не говорили, отправились втроем в главный «пузырь», где в длинном, с низким потолком зале Управления сидело двадцать с лишним экспертов: несколько человек здешних, остальные — с Большого Сырта. Поскольку наступило обеденное время, а каждая минута была на счету, им принесли холодные закуски из буфета, и так, за чаем, над тарелочками с едой, из-за чего все выглядело как-то неофициально, почти несерьезно, началось совещание. Пиркс, конечно, понимал, почему председательствующий, инженер Хойстер, попросил его выступить первым и описать ход катастрофы. Он был здесь единственным несомненно беспристрастным свидетелем, поскольку не являлся ни сотрудником диспетчерской, ни членом экипажа «Ариэля».

Когда Пиркс по ходу рассказа начал описывать свою реакцию, Хойстер впервые перебил его:

— Значит, вы хотели, чтобы Клайн выключил автоматику и попытался сам совершить посадку, да?

— Да.

— А можно узнать, почему?

Пиркс не замедлил с ответом:

— Я считал это единственным шансом.

— Так. А вам не казалось, что переход на ручное управление может привести к потере равновесия?

— Оно уже было потеряно. Впрочем, это можно проверить — есть ведь ленты.

— Конечно. Мы хотели прежде всего представить себе общую картину. А... каково ваше личное мнение?..

— О причине?..

— Да. Мы сейчас не столько совещаемся, сколько обмениваемся информацией, поэтому что бы вы ни сказали, это вас ни к чему особенно не будет обязывать, а любое предположение может оказаться ценным... даже самое рискованное.

— Понимаю. Что-то случилось с компьютером. Не знаю, что, и не знаю, как это могло произойти. Если б я сам не был в диспетчерской, я бы в это не поверил, но я был и все слышал. Это компьютер изменил процедуру и объявил метеоритную тревогу, внезапно и певнятно. Звучало это примерно так: «Метеориты — внимание — полная мощность на оси — вперед!» А поскольку никаких метеоритов не было... — Пиркс пожал плечами.

— Этот компьютер на «Аризле» — усовершенствованный вариант модели АИБМ-09, — заметил Боулдер, электронщик; Пиркс его знал, они встречались на Большом Сырте.

Пиркс кивнул.

— Я знаю. Потому я и говорю, что не поверил бы, если б не видел собственными глазами. Но это случилось.

— Как вы считаете, командор, почему Клайп ничего не сделал? — спросил Хойстер.

Пиркс внутренне похолодел и, прежде чем ответить, оглядел присутствующих. Этот вопрос не могли не задать. Но Пирксу не хотелось оказаться первым, кто вынужден будет на него отвечать.

— Этого я не знаю.

— Естественно. Однако многолетний опыт поможет вам представить себя на месте Клайна...

— Я представил. Я сделал бы то, к чему пытался его склонить.

— А он?

— Не было никакого ответа. Шум и вроде бы крики. Нужно будет очень тщательно прослушать ленты. Но боюсь, что это не много даст.

— Командор... — Хойстер говорил тихо и со страшной медлительностью, будто осторожно подбирал слова. — Вы ведь ориентируетесь в ситуации, правда? Два следующих корабля того же типа, с той же системой управления сейчас находятся на линии Земля — Марс; «Арес» будет здесь через шесть недель, но «Анабис» — всего через девять дней. Не говоря уж о том, к чему нас обязывает память о погибших, мы имеем еще бóльшие обязательства перед живыми. За эти пять часов вы, несомненно, уже обдумали все, что произошло. Я не могу заставить вас говорить, но очень прошу сообщить нам, к каким выводам вы пришли.

Пиркс почувствовал, что бледнеет. С первых же слов он понял, что хочет сказать Хойстер, и вдруг его охватило странное ощущение ночного кошмара: ожесточенное, отчаянное безмолвие, в котором он сражался с безликим противником и, убивая его, словно погибал с ним вместе. Это длилось мгновение. Он овладел собой и взглянул прямо в глаза Хойстеру.

— Понимаю, — сказал он. — Клайн и я — это два разных поколения. Когда я начинал летать, автоматика подводила гораздо чаще... Это накладывает отпечаток на все поведение человека. Думаю, что Клайн..., доверял автоматам до конца.

— Клайн думал, что компьютер лучше разбирается в деле? Считал, что он сможет овладеть ситуацией?

— Может, он на это и не рассчитывал... а только думал, что если компьютер не справится, то человек тем более.

Пиркс перевел дыхание. Он все же сказал, что думал, не опорочив при этом младшего собрата, уже погибшего.

— Как по-вашему, была возможность спасти корабль?

— Не знаю. Времени было очень мало. «Ариэль» почти потерял скорость.

— Вы когда-нибудь садились в подобных условиях?

— Да. Но в маленькой ракете — и на Луне. Чем длиннее и тяжелее корабль, тем труднее восстановить равновесие при потере скорости, особенно если начинается крен.

— Клайн вас слышал?

— Не знаю. Должен был слышать.

— Он взял на себя управление?

Пиркс хотел было сказать, что все это можно узнать по лентам, но вместо этого ответил:

— Нет.

— Откуда вы знаете? — это спросил Романи.

— По контрольной табличке. Надпись «Автоматическая посадка» светила все время. Она погасла, лишь когда корабль разбился.

— А вы не думаете, что у Клайна уже не оставалось времени? — спросил Сейн. Его обращение выглядело подчеркнутым — ведь они были на «ты». Словно бы между ними обозначилась некая дистанция... может, враждебность?

— Ситуацию можно математически промоделировать, тогда выяснится, были ли шансы, — Пиркс старался говорить конкретно и по-деловому. — Я этого знать не могу.

— Но когда крен превышает 45°, равновесие уже невозможно восстановить, — настаивал Сейн. — Ведь верно?

— На моем «Кювье» это не совсем так. Можно увеличить тягу сверх установленных пределов.

— Перегрузки больше двадцатикратной могут убить.

— Могут. Но падение с высоты пяти километров не может не убить.

На том и окончилась эта краткая дискуссия. Под лампами, включенными, несмотря на дневную пору, плоско стлался табачный дым. Все курили.

— По-вашему, Клайн мог взять управление на себя, но не сделал этого. Так? — Хойстер продолжил свою линию вопросов.

— Вероятно, мог.

— А вы не считаете возможным, что ваше вмешательство сбilo его с толку? — отозвался заместитель Сейна; Пиркс его не знал.

Здесьние — против него? Он и это мог понять.

— Я считаю это возможным. Тем более что там, в рулевой рубке, люди что-то кричали. По крайней мере похоже было на это.

— На панику? — спросил Хойстер.

— На этот вопрос я не буду отвечать.

— Почему?

— Надо прослушать ленты. Это ведь не точные данные. Шум, который можно истолковать по-разному.

— А наземный контроль, по вашему мнению, мог еще что-нибудь сделать? — с каменным лицом спрашивал Хойстер.

Похуже было на то, что внутри комиссии назревает раскол. Хойстер был с Большого Сырта.

— Нет. Ничего.

— Вашим словам противоречит ваше собственное поведение.

— Нет. Контроль не имеет права вмешиваться в решение командира в такой ситуации. В рулевой рубке ситуация может выглядеть иначе, чем внизу.

— Значит, вы признаете, что действовали вопреки установленным правилам? — снова вмешался заместитель Сейна.

— Да.

— Почему? — спросил Хойстер.

— Правила для меня не святыня. Я всегда делаю то, что сам считаю правильным. Мне уже приходилось за это отвечать.

— Перед кем?

— Перед Космическим Трибуналом.

— Но ведь с вас сняли все обвинения? — заметил Боулдер.

Большой Сырт — против Агатодемона. Это было почти очевидно.

Пиркс промолчал.

— Благодарю вас.

Он пересел на стул, стоящий в сторонке, потому что начал давать показания Сейн, потом — его заместитель. Тем временем из диспетчерской доставили регистрационные ленты. Поступали также сообщения о ходе работ с обломками «Ариэля». Было уже ясно, что никто не остался в живых, но в рулевую пробраться еще не удалось: она врезалась на одиннадцать метров вглубь. Прослушивали ленты, записывали показания до восьми вечера. Затем устроили перерыв на час. Сыртийцы вместе с Сейном отправились на место катастрофы. Романи остановил Пиркса в коридоре.

— Командор...

— Слушаю.

— Вы ни на кого тут не...

— Не надо так говорить. Ставка слишком высокая, — перебил его Пиркс.

Романи кивнул.

— Вы пока что останетесь здесь на 72 часа. Мы уже договорились с Базой.

— С Землей? — изумился Пиркс. — Мне кажется, я уже ничем не смогу помочь...

— Хойстер, Рааман и Боулдер хотят кооптировать вас в комиссию. Вы не возражаете?

Сплошные сыртьицы...

— Если б я и захотел возразить, то не смог бы, — ответил Пиркс, и на этом они расстались.

В девять вечера собрались снова. Прослушивать ленты было тяжело, но еще тяжелее было смотреть фильм, запечатлевший все фазы катастрофы с того момента, как вспыхнула в зените зеленая звезда «Ариэля»...

Затем Хойстер подытожил предварительные результаты расследования:

— В самом деле похоже, что подвел компьютер. Он действовал так, словно «Ариэль» шел на пересечение с какой-то посторонней массой. Регистрационные ленты показывают, что он превысил допустимую мощность на три единицы. Почему он это сделал, мы не знаем. Возможно, что-то выяснится в рулевой рубке.

Он имел в виду регистрационные ленты «Ариэля»; Пиркс в этом отношении был настроен скептически.

— Что происходило в рулевой в последние минуты — невозможно уразуметь. Во всяком случае, компьютер подвел не в смысле оперативности. В самый критический момент он действовал вполне исправно — принимал решения и давал команды агрегатам в течение наносекунд. И агрегаты до конца работали безупречно. Это совершенно точно. Но мы не обнаружили абсолютно ничего, что могло бы свидетельствовать о внешней или внутренней опасности, мешавшей нормальной посадке. С семи часов трех минут до семи часов восьми минут все шло идеально. Решение компьютера об отмене посадки и о заранее обреченной

попытке стартовать пока ничем объяснить не удастся. Коллега Боулдер?

— Я не могу этого понять.

— Ошибка в программе?

— Исключено. «Ариэль» много раз садился по этой программе на оси и с любых возможных траекторий.

— На Луне. Там притяжение меньше.

— Это может иметь некоторое значение для тяговых двигателей, но не для информационного комплекса. А двигатели не подвели.

— Коллега Рааман?

— Я не очень знаком с этой программой.

— Но вы знаете эту модель компьютера?

— Да.

— Что может прервать процедуру посадки, если нет внешних причип?

— Ничто не может.

— Ничто?

— Ну, разве что мина, подложенная под компьютер...

Наконец эти слова были сказаны. Пиркс слушал с величайшим вниманием. Шумели вентиляторы, дым сгустился под потолком возле вытяжных отверстий.

— Саботаж?

— Компьютер действовал до конца, хоть и непонятным для нас образом, — заметил Керховен, единственный интеллектронщик из местных в составе комиссии.

— Ну... насчет мины это я просто так сказал, — Рааман пошел на попятный. — Главную процедуру, то есть посадку или старт, в норме, если компьютер исправен, может прервать только нечто необычайное. Например, потеря мощности...

— Мощность сохранялась.

— Но в принципе компьютер может прервать главную процедуру?

Председательствующий это, конечно, знал. Пиркс

понимал, что он сейчас обращается не к ним: говорит то, что должна услышать Земля.

— Теоретически может. Практически — нет. Метеоритная тревога во время посадки не объявлялась ни разу за всю историю космонавтики. Метеорит всегда можно обнаружить при подходе. И в этом случае посадка просто откладывается.

— Но ведь никаких метеоритов не было?

— Не знаю.

Разговор зашел в тупик. С минуту все молчали. За круглыми окнами уже стемнело. Марсианская ночь.

— Нужно поговорить с людьми, которые конструировали этот компьютер и проверяли его на тестах, — сказал наконец Рааман.

Хойстер кивнул. Он просматривал переданное телефонистом сообщение.

— Примерно через час они доберутся до рулевой рубки, — сказал он. Потом, подняв голову, добавил: — Завтра в совещании будут участвовать Макросс и ван дер Войт.

Это всех взбудоражило. Макросс был главный конструктор, а ван дер Войт — генеральный директор Объединенных верфей, где строились стотысячники.

— Завтра? — Пирксу показалось, что он ослышался.

— Да. Разумеется, не здесь. Они будут присутствовать телевизионно. На прямой видеосвязи. Вот сообщение, — он поднял телефонограмму.

— Однако же! А какое сейчас запоздание? — спросил кто-то.

— Восемь минут.

— Как же они это себе представляют? Мы же будем без конца ждать каждую реплику! — раздались возгласы.

Хойстер пожал плечами.

— Мы обязаны подчиниться. Конечно, затруднения будут... Разрабатываем соответствующий порядок ведения...

— Совещание отложим до завтра? — спросил Рааман.

— Да. Соберемся в шесть утра. К этому времени получим уже ленты из рулевой.

Пиркс обрадовался, когда Романи пригласил его к себе на ночлег. Он предпочитал не общаться с Сейном. Поведение Сейна он понимал, но не одобрял.

Не без труда разместили всех сыртийцев, и к полуночи Пиркс остался, наконец, один в каморке, которая представляла собой библиотеку и личный рабочий кабинет руководителя Базы. Не раздеваясь, он улегся на походную койку, поставленную среди теодолитов, закинул руки за голову и лежал недвижимо, глядя в низкий потолок, почти не дыша.

Странно, там, среди посторонних людей, он переживал случившееся словно бы извне, как один из многих очевидцев. Он не включался полностью в происходящее, даже когда, отвечая на вопросы, ощущал неприязнь, недоброжелательство, молчаливое обвинение в том, что он, чужак, хочет поставить себя выше местных специалистов, даже когда Сейн выступил против него, — все это оставалось извне, казалось естественным и неизбежным: так и должно все происходить в подобных обстоятельствах. Он готов был отвечать за свои поступки, но исходя из рациональных предпосылок, так что не чувствовал себя ответственным за трагедию. Он был потрясен, но сохранял спокойствие, все время оставался наблюдателем, не вполне подчиняющимся ходу событий, ибо события эти выстраивались в систему, — при всей загадочности происходящего их можно было анатомировать, изучать разъятыми, застывшими, фиксированными в зажимах официального расследования. Теперь все это распалось. Он ни о чем не думал, не вызывал в памяти никаких картин — они сами снова всплывали по порядку: телеэкраны, на них — появление корабля вблизи Марса, торможение

космической скорости, изменение тяги; он словно был одновременно всюду, в диспетчерской и в рулевой рубке, он воспринимал эти глухие удары, эти гроыханья, пробегающие по киллю и шпангоутам, когда колоссальная мощность, угасая, сменяется вибрацией бороводородных двигателей, и этот бас, которым турбонасосы заверяют, что гонят горючее; он чувствовал тормозную тягу и величаво неторопливое снижение — и тот перелом, тот грохот внезапно оживших двигателей, когда полная мощность снова рванулась в дюзы, а затем — вибрация, потеря равновесия; ракета, отчаянно пытаясь выровняться, качается, как маятник, кренится, как пьяная колокольня, и рушится с высоты, уже бессильная, уже мертвая, неуправляемая, слепая, будто камень, падает, сокрушая скалы, а Пиркс присутствовал везде и всюду. Он словно был этим борющимся кораблем и, болезненно ощущая полнейшую необратимость, окончательность того, что произошло, все же возвращался к тем мгновениям, долям секунды, будто повторяя безмолвный вопрос — что же не сработало, что подвело? Пытался ли Клайн перенять управление ракетой, сейчас было уже несущественно. Диспетчеры действовали по существу безупречно; они, правда, перешучивались, но это могло покоробить лишь человека сусверного или воспитанного в те времена, когда нельзя было позволять себе такую беспечность. Разумом Пиркс понимал, что ничего плохого в этом нет.

Он лежал навзничь и в то же время словно бы стоял у диагонального иллюминатора, нацеленного в зенит, когда искристую зелень бороводородной звезды поглотила ужасающая ослепительная вспышка атомной тяги, пульсируя в уже стынувших дюзах, и ракета раскачивалась, как язык колокола, веревку которого дергают яростные руки, и кренилась всем своим невероятно длинным корпусом, — она была такая громадная,

что, казалось, уже сам размер, сам грандиозный размах выводит ее за пределы любых опасностей; должно быть, то же самое думали сто лет назад пассажиры «Титаника».

Вдруг все исчезло, будто он проснулся. Пиркс встал, умылся, открыл чемоданчик, достал пижаму, домашние туфли, зубную щетку — и в третий раз за этот день взглянул на себя в зеркале ванной словно на какого-то незнакомца.

Возраст между тридцатью и сорока — ближе к сорока — это полоса тени. Уже приходится принимать условия неподписанного, без спросу навязанного договора, уже известно, что обязательное для других обязательно и для тебя и нет исключений из этого правила: приходится стареть, хоть это и противостоит естеству.

До сих пор это тайком делало наше тело, но теперь этого мало. Требуется примирение. Юность считает правилом игры — нет, ее основой — свою неизменяемость: я был инфантильным, недоразвитым, но теперь-то я уже по-настоящему стал самим собой и таким останусь навсегда. Это абсурдное представление в сущности является основой человеческого бытия. Когда обнаруживаешь его безосновательность, сначала испытываешь скорее изумление, чем испуг. Возмущаешься так искренне, будто прозрел и понял, что игра, в которую тебя втянули, жульническая и что все должно было идти совсем иначе. Вслед за ошеломлением, гневом, протестом начинаются медлительные переговоры с самим собой, с собственным телом, которые можно передать примерно так: несмотря на то что мы непрерывно и незаметно стареем физически, наш разум никак не может приспособиться к этому непрерывному процессу. Мы настраиваемся на тридцать пять лет, потом — на сорок, словно в этом возрасте так и сможем остаться, а потом, при очередном пересмотре иллюзий, приходит-

ся ломать себя, и тут наталкиваешься на такое внутреннее сопротивление, что по инерции перескакиваешь вроде бы даже слишком далеко. Сорокалетний тогда начинаст вести себя так, как, по его представлениям, должен вести себя старик. Осознав однажды неотвратимость старения, мы продолжаем игру с утрюмым ожесточением, словно желая коварно удвоить ставку; пожалуйста, мол, если уж это бесстыдное, циничное, жестокое требование должно быть выполнено, если я вынужден оплачивать долги, на которые я не соглашался, не хотел их, ничего о них не знал, — на, получай больше, чем следует; на этой основе (хотя смешно называть это основой) мы пытаемся перекрыть противника. Я вот сделаюсь сразу таким старым, что ты растеряешься. И хотя мы находимся в полосе тени, даже чуть ли не дальше, в периоде потерь и сдачи позиций, на самом деле мы все еще боремся, мы противимся очевидности, и из-за этого трепыханья стареем скачкообразно. То перетянем, то недотянем, а потом видим — как всегда, слишком поздно, — что все эти стычки, эти самоубийственные атаки, отступления, лихие наскоки тоже были несерьезными. Ибо мы стареем, по-детски отказываясь согласиться с тем, на что совсем не требуется нашего согласия, сопротивляемся там, где нет места ни спорам, ни борьбе — тем более борьбе фальшивой.

Полоса тени — это еще не преддверие смерти, по в некоторых отношениях период даже более трудный, ибо здесь уже видишь, что у тебя не осталось неиспробованных шансов. Иными словами, настоящее уже не является преддверием, предисловием, залом ожидания, трамплином великих надежд — ситуация незаметно изменилась. То, что ты считал подготовкой, обернулось окончательной реальностью; предисловие к жизни оказалось подлинным смыслом бытия; надежды — несбыточными фантазиями; все необязательное,

предварительное, временное, какое ни на есть — единственным содержанием жизни. Что не исполнилось, то наверняка уже не исполнится; нужно с этим примириться молча, без страха и, если удастся, без отчаяния.

Это критический возраст для космонавтов больше, чем для кого-либо другого, потому что в этой профессии малейшая неисправность организма сразу лишает тебя всякой ценности. Физиологи иногда говорят, что космонавтика предъявляет требования, слишком высокие даже для людей, идеально развитых и в физическом, и в умственном отношении: выбывая из авангарда, здесь теряешь все.

Медицинские комиссии безжалостны — по необходимости, ибо нельзя допустить, чтобы человек умер или свалился от приступа во время космической вахты. Людей будто бы в расцвете сил списывают с кораблей, и они сразу оказываются у последней черты; врачи настолько привыкли ко всяким уловкам, к отчаянным попыткам симулировать здоровье, что разоблачение не влечет за собой никаких последствий — ни дисциплинарных, ни моральных, ровно ничего; почти никому не удавалось продлить срок действительной службы в космонавтике за предел пятидесяти лет. Перегрузки — это опаснейший враг мозга; может, через сто или тысячу лет будет иначе, но пока что эта перспектива угнетает каждого космонавта, вступившего в полосу тени.

Пирксу было известно, что молодежь называет его врагом автоматике, консерватором, мамонтом. Некоторые из его ровесников уже не летали; в меру способностей и возможностей они переквалифицировались — стали преподавателями, членами Космической Палаты, пристроились на синекуры в доках, заседали в контрольных комиссиях, возились со своими садиками. Вообще как-то держались и неплохо разыгрывали примирение с неизбежным — бог знает, чего это стоило многим из них. Но случались и безответственные по-

ступки, порожденные несогласием, бессильным протестом, высокомерием и яростью, ощущением несправедливо постигшего их несчастья. Душевнобольных среди космонавтов не было, но некоторые опасно приближались к помешательству, хотя никогда не переступали последней черты; и все же под нарастающим давлением близящейся неизбежности случались эксцессы, поступки по меньшей мере странные... О да, он знал всякие эти причуды, заблуждения, суеверия, которым поддавались и незнакомые ему люди, и те, которых он знал много лет, за которых когда-то мог бы вроде поручиться.

Каждый день необратимо гибнет в мозгу несколько тысяч нейронов, и уже к тридцати годам начинается эта специфическая неощутимая, но неустанная гонка, соперничество между ослабеванием функций мозга, размываемого атрофией, и их совершенствованием на основе накапливающегося опыта; так возникает шаткое равновесие, прямо-таки акробатическое балансирование, которое дает возможность жить — и летать. И видеть сны. Кого он столько раз убивал во сне прошлой ночью? Нет ли в этом какого-то особого смысла?

Пошевелившись на койке, которая заскрипела под его тяжестью, Пиркс подумал, что, может, ему так и не удастся уснуть. До сих пор он не знал бессонницы, но когда-нибудь она должна же появиться. Эта мысль странно беспокоила его. Он боялся вовсе не бессонной ночи, а такой вот строптивости собственного тела, которое до сих пор было абсолютно надежным, а теперь вдруг распустилось. Он просто не хотел валяться с открытыми глазами; хоть это и было глупо, он сел, бессмысленно воззрелся на свою зеленую пижаму и перевел взгляд на книжные полки. Он не рассчитывал найти здесь что-либо интересное, и поэтому его поразила шеренга толстых томов над исклеванной циркулем чертежной доской. Развернутым строем стояла там

почти что вся история ареологии; большинство этих книг Пиркс знал, те же самые издания имелись в его библиотеке на Земле. Он встал и начал поочередно притрагиваться к внушительным корешкам. Здесь был не только отец астрономии Гершель, но и Кеплер, его «Новая астрономия», опирающаяся на материалы наблюдений Тихо де Браге. А дальше шли Фламмарин, Бакхюйзен, Кайзер, и великий фантаст Скиапарелли, и Аррениус, и Антониади, Койпер, Лоуэлл, Пикеринг, Сахеко, Струве, Вокулёр. И карты, рулоны карт, со всеми этими названиями — *Margaritifer Sinus*, *Lacus Solis* и сам Агатодемон... Пиркс просто смотрел — ему незачем было открывать эти книги с их потертыми обложками, толстыми, как доски.

Запах старого полотна, переплетной основы, — запах достопочтенный и в то же время с гнильцой — оживил в памяти Пиркса часы, посвященные загадке, которую люди штурмовали два столетия подряд, осаждали неисчислимым множеством гипотез и, наконец, умирали, так и не дождавшись решения проблемы. Антониади, всю свою жизнь не замечавший каналов, на склоне лет неохотно сознался, что видел «какие-то линии, которые выглядели подобным образом». Графф, который так и не увидел ни одного канала, говорил, что ему не хватает «воображения», присущего многим его коллегам. «Каналисты» же видели сеть каналов и зарисовывали ее по ночам, часами подстерегая у телескопов краткие мгновения «спокойной атмосферы», — тогда, уверяли они, на мглисто-буром диске четко проступает геометрически точная сеть, вычерченная линиями тоньше волоса. У Лоуэлла эта сеть получалась густой, у Пикеринга — более редкой; зато Пикерингу везло на «близнецов», как называли удивительное раздваивание каналов. Оптическая иллюзия? Тогда почему же некоторые каналы никак не хотели раздваиваться? Пиркс в бытность свою кадетом корпел над этими

книгами в читальном зале — такие старинные издания на дом не выдавались. Он был тогда, что и говорить, сторонником «каналистов». Их аргументы казались ему неопровержимыми: Графф, Антониади, Холл, все, кто остался Фомой неверующим, работали в обсерваториях на севере, в задымленных городах, с вечно беспокойным воздухом, в то время как Скиапарелли был в Милане, а Пикеринг сидел на своей горе, поднимавшейся над аризонской пустыней. «Антиканалисты» ставили хитроумные эксперименты: предлагали перерисовать диск с хаотически папесепными на него точками и кляксами, которые на большом расстоянии сливались в некое подобие сети каналов, а потом спрашивали: почему каналы на Марсе не видны даже в самые мощные телескопы? Почему невооруженным глазом можно усмотреть каналы и на Луне? Почему первые наблюдатели не видели никаких каналов, а после Скиапарелли все, как по команде, прозрели? А «каналисты» отвечали: до появления телескопов никто никогда никаких каналов на Луне не видел. В больших телескопах нельзя использовать полную апертуру и максимальное увеличение, потому что атмосфера Земли недостаточно спокойна; опыты с рисунками — это обходный маневр... У «каналистов» на все был готов ответ. Марс — это гигантский замерзший океан, каналы — трещины в его ледяных полях, раскалывающихся под ударами метеоритов. Нет, каналы — это широкие долины, по которым текут весенние наводки, а на их берегах тогда расцветает марсианская растительность. Спектроскопия перечеркнула и эту возможность: выяснилось, что воды слишком мало. Тогда узрели в каналах огромные каньоны, длинные долины, по которым плывут от полюса к экватору потоки туч, гонимые конвекционными течениями. Скиапарелли никогда не решился открыто заявить, что каналы — это создания инопланетян, он использовал двусмысленность термина

«канал»; это был специфический пунктик — такая застенчивость миланца и многих других астрономов: они не называли вещи своими именами, а только рисовали карты и предъявляли их. Но в архиве Скиапарелли сохранились рисунки, объясняющие, как возникает раздвоение каналов, как появляются пресловутые «каналы-близнецы» — там, где вода врывается в параллельные, прежде высохшие русла, ее подъем внезапно затемняет контуры, как если бы залить тушью насечки на дереве... Противники же не только отрицали существование каналов, не только накапливали контраргументы, но с течением времени словно бы все яростней ненавидели эти каналы. Уоллес, второй вслед за Дарвином создатель теории естественной эволюции, то есть даже не астроном, человек, который, может, в жизни ни разу не глядел на Марс в телескоп, в своем стостраничном памфлете изничтожил не только каналы, но и самую мысль о существовании жизни на Марсе. «Марс, — писал он, — не только не заселен разумными существами, как это утверждает мистер Лоуэлл, — он вообще абсолютно необитаем».

Никто из ареологов не отличался сдержанностью и умеренностью: каждый стремился открыто провозгласить свое кредо. Следующее поколение «каналистов» уже описывало марсианскую цивилизацию — и разногласия росли: «живой оазис деятельного разума», — говорили одни; «мертвая пустыня», — отвечали им другие. Потом Сахеко увидел эти загадочные вспышки, мгновенно гаснущие среди возникающих туч; они были слишком кратковременными для вулканического извержения и появлялись при противостоянии планет, а значит, не могли порождаться отблеском Солнца на обледенелом горном склоне; произошло это еще до открытия атомной энергии, так что гипотеза о марсианских ядерных испытаниях возникла позднее... В первой половине XX века все согласились с тем, что геометрия

чески четких каналов Скиапарелли, правда, нет, но все же существует Нечто, дающее возможность их увидеть; глаз дорисовывает, но не творит иллюзии из ничего; каналы видело слишком много людей из самых разных точек земного шара. В общем наверняка — не открытая вода в ледяных расщелинах и не потоки низких туч в руслах долин, возможно, даже и не полосы растительности, а все же есть Нечто — почему знать, может, еще более загадочное, непонятное — и оно ждет человеческого взгляда, фотообъективов, автоматических зондов.

Пиркс ни с кем не делился мыслями, которые овладевали им при этом ненасытном чтении, но Берст, сообразительный и беспощадный, как и подобает первому ученику, раскусил тайну Пиркса и на несколько недель сделал его посмешищем всего курса: прозвал его «канальным Пирксом», который якобы провозгласил новую доктрину наблюдательной астрономии: «Верую, ибо этого нет». Пиркс и вправду знал, что никаких каналов нет и — что еще хуже, может, еще безжалостней — нет вообще ничего такого, что напоминает каналы. Как же он мог этого не знать, если Марс давно уже был покорен, если сам он сдавал зачеты по ареографии и ему приходилось не только ориентироваться на детальных аэрофотокартах марсианской поверхности, но и совершать посадки — в имитаторе — на дно того самого Агатодемона, где он теперь стоял под колпаком Проекта, перед полкой с плодами двухсотлетних усилий, обратившимися в музейный экспонат.

Разумеется, он все это знал, но эти знания держались в его голове как-то совершенно обособленно: они не подлежали проверке, словно были сплошным грандиозным обманом. И словно по-прежнему существовал какой-то другой, недостижимый, покрытый геометрическими чертежами таинственный Марс.

Во время полета на линии Земля — Марс наступает такой период, возникает такая зона, откуда действи-

тельно начинаешь видеть невооруженным глазом, и притом видеть непрерывно на протяжении многих часов, то, что Скиапарелли, Лоуэлл и Пикеринг наблюдали только в редкие мгновения атмосферного затишья. Через иллюминаторы — иногда сутки, а иногда и двое суток — можно наблюдать каналы, возникающие как тусклый чертеж на фоне бурого недружелюбного диска. Потом, когда планета еще немного приблизится, они начинают бледнеть, расплываться, один за другим уходят в небытие, от них не остается ни малейшего следа, и планета, лишенная каких-либо четких очертаний, своей пустынностью, своим нудным, будничным равнодушием словно насмехается над теми надеждами, которые она пробудила. Правда, еще через несколько недель полета Нечто появляется окончательно и уже не расплывается, но теперь это попросту выщербленные валы кратеров, причудливые нагромождения выветрившихся скал, бесформенные каменистые осыпи, тонущие в глубоком буром песке, и все это ничуть не походит на прежний, чистый и четкий геометрический чертеж. На близком расстоянии планета уже покорно, до конца обнажает свой хаос, она не в силах скрыть столь очевидное зрелище миллиардолетней эрозии. И этот хаос прямо невозможно согласовать с тем памятным четким рисунком, который передавал очертания чего-то, что воздействовало так сильно, будило такое волнение именно потому, что в нем угадывался логический порядок, какой-то непонятный, но выдающий свое присутствие смысл, для понимания которого требовалось только приложить побольше усилий.

Так в чем же он, собственно, был, этот смысл, и что тайлось в этом насмешливом мираже? Проекция сетчатки глаза, его оптических рецепторов? Активность зрительной зоны головного мозга? Никто не собирался отвечать на этот вопрос, ибо отвергнутая проблема разделила участь всех прежних, перечеркнутых, сме-

тенных научным прогрессом гипотез: ее выбросили на свалку.

Раз нет каналов — ни даже чего-то специфического в рельефе планеты, что способствовало бы возникновению такой стойкой иллюзии, — так не о чем и говорить, не над чем размышлять. Наверное, хорошо, что никто из «каналистов», как и из «антиканалистов», не дождал до этих отрезвляющих открытий, ибо загадка вовсе не была решена: она попросту исчезла. Есть ведь и другие планеты с плохо различимыми дисками, но каналов не видели ни на одной из них — никогда. Никто их не обнаруживал, никто не зарисовывал. Почему? Непизвестно.

Разумеется, можно было бы и на этот счет строить гипотезы: может, нужна некая смесь расстояния и оптического увеличения, объективного хаоса и субъективного стремления к упорядоченности; следов того, что, возникая из мутного пятнышка в окуляре и все время оставаясь за гранью доступности для восприятия, на какие-то мгновения все же почти переступало эту грань, то есть требовалась хотя бы малейшая опора для мечтаний — и тогда была бы написана эта, заранее вычеркнутая, глава астрономии.

Целые поколения ареологов требовали от планеты, чтобы она стала на чью-то сторону, как полагается в честной игре, — и уходили из жизни, нерушимо веря, что это дело попадет наконец к подлинно компетентным судьям и будет решено окончательно, справедливо и бесспорно. Пиркс понимал, что все они, хоть и по-разному, почувствовали бы себя обманутыми и разочарованными, если б получили такие обстоятельные разъяснения по этому поводу, какие суждено было получить ему. В этом разъяснении, перечеркивающем все вопросы и ответы, в полнейшей несостоятельности всех гипотез и суждений о загадочном объекте был какой-то горький, но важный, жестокий, но полезный урок, ко-

торый — Пиркса вдруг осенило — имел связь с тем, что здесь произошло и над чем он ломал голову.

Связь между старинной ареографией и гибелью «Ариэля»? В чем же она состоит? И как следовало бы истолковать это неясное, но неотвязное ощущение?

Этого Пиркс не знал. Однако он понимал, что не сможет сейчас, среди ночи разгадать, в чем заключается связь между столь непохожими друг на друга, столь отдаленными явлениями, и уже не сможет забыть о ее существовании. Надо пока что отоспаться.

Гася свет, он подумал еще, что Романи — человек, гораздо более богатый духовно, чем можно было предположить. Эти книги были его личной собственностью, а ведь каждый килограмм личных вещей, привозившихся на Марс, вызывал ожесточенные споры; предусмотрительная администрация Проекта поразвешивала на земном космодроме инструкции и воззвания к добропорядочности сотрудников, где объяснялось, как вредно для общего дела загружать ракеты излишним балластом. От людей добивались разумного поведения, а сам Романи — как-никак руководитель Агатодемона — нарушил эти предписания и правила, привезя несколько десятков килограммов абсолютно лишних книг. И зачем, собственно? Ведь нечего было и думать о том, что он сможет здесь читать эти книги.

Уже засышая, Пиркс усмехнулся в темноте, поняв, чем оправдано присутствие этого библиофильского старья под колпаком марсианского Проекта. Конечно, никому тут дела нет до этих книг, до всех этих отвергнутых евангелий и пророчеств. Но казалось справедливым, более того, необходимым, чтобы запечатленные мысли людей, отдавших лучшие силы души загадке красной планеты, оказались тут, на Марсе, уже после полного примирения самых заядлых противников. Они это заслужили. А Романи, который это понимал, был человеком, достойным доверия,

Пиркс проснулся в пять утра; после мертвого сна он сразу отрезвел, словно вылез из холодной воды, и, имея некоторое время в своем распоряжении, отвел себе пять минут, как нередко делал, — стал размышлять о командире погибшего корабля. Он не знал, могли Клайн спасти «Ариэля» и тридцать человек команды, но не знал также, пытался ли Клайн это сделать. Клайн был из поколения рационалистов — они подлаживались к своим непогрешимо логическим союзникам, компьютерам, ибо автоматика предъявляла к людям все более высокие требования, если они хотели ее контролировать. Так что легче было слепо довериться ей. Пиркс этого не мог сделать, даже если б и очень хотел. Это недоверие было у него в крови.

Он включил радио.

Буря разразилась. Он этого ожидал, но масштабы истерии его поразили. В заголовках доминировали три темы: подозрение в саботаже, опасения за судьбу кораблей, летящих к Марсу, и, конечно, политические аспекты этого происшествия. Серьезные газеты остерегались распространяться насчет саботажа, зато бульварная пресса дала себе волю. Много было и критики в адрес стотысячников — их недостаточно опробовали, они не могут стартовать с Земли, и, что еще хуже, их теперь невозможно вернуть с дороги, потому что у них недостаточный запас топлива, и нельзя их разгрузить на околomarсианских орбитах. Все это было верно: стотысячники могли садиться только на Марс. Но три года назад пробная модель, правда с несколько иным типом компьютера, несколько раз совершила посадку на Марс вполне успешно. Доморощенные специалисты об этом словно бы и не слыхали. Развернулась также кампания против приверженцев Проекта, его в открытую называли сумасшествием. Наверное, где-то уже подготовили реестры нарушений правил безопасности и на обоих марсианских плацдармах, и при утвержде-

нии проектов, и на испытаниях моделей; перебивали косточки всем марсианским руководителям; общий тон был мрачно-пророческим.

В шесть утра Пиркс пришел в Управление, и оказалось, что они уже никакая не комиссия, — Земля успела аннулировать их самозванную организацию; они могли делать, что хотели, но все должно было начаться заново, официально и легально, лишь после того, как подключится земная группа. «Аннулированная» братия оказалась вроде бы в более выгодном положении, чем вчера: раз они не обязаны ничего решать, можно гораздо свободней разрабатывать гипотезы и выводы для высшей, то есть земной, инстанции.

Материальное положение на Большом Сырте было довольно сложным, но не критическим; зато Агатодемон без поставок не протянул бы и месяца: не могло быть и речи о том, чтобы Сырт оказал им эффективную помощь: тут не хватало не только строительных материалов, но даже воды. Необходимо было немедленно ввести режим строжайшей экономии.

Пиркс слушал этот разговор краем уха: тут как раз доставили регистрирующую аппаратуру из рулевой рубки «Аризля». Останки людей уже лежали в контейнерах; будут ли их хоронить на Марсе, пока не решили. Регистрирующие ленты нельзя было анализировать сразу, понадобилась какая-то подготовка, и поэтому пока обсуждались вопросы, не связанные непосредственно с причинами и ходом катастрофы: нельзя ли избежать опасностей Проекта, мобилизовав максимальное количество небольших кораблей? Смогут ли эти корабли достаточно быстро перебросить сюда необходимый минимум грузов? Пиркс, конечно, понимал рациональность таких рассуждений, однако ему трудно было не думать о двух сотысячниках, которые пахнулись на пути к Марсу и этими разговорами словно бы заранее вычеркивались из жизни, будто все при-

знали, что о дальнейшем их движении на этой линии и говорить нечего. Так что же с ними делать, раз уж они не могут не садиться?

Около десяти Пиркс улизнул из прокуренного помещения и, воспользовавшись любезностью механиков космодрома, отправился с ними в небольшом вездеходе на место катастрофы.

День был довольно теплый для марсианского и почти пасмурный. Небо приобрело водянисто-ржавый, чуть ли не розовый оттенок; в такие минуты кажется, что Марс обладает своей, непохожей на земную, суровой красотой — слегка затуманенной, словно бы нераскрывшейся, — она вскоре под более яркими лучами Солнца проглянет сквозь пыльные бури и грязные полосы. Но таким ожиданиям не суждено сбыться, ибо это не предвестник чего-то лучшего, а, наоборот, самое лучшее из того, что может продемонстрировать планета.

Удалившись на полторы мили от приземистого, похожего на бункер здания диспетчерской, они доехали до конца бетонированной площадки: дальше вездеход безнадежно завяз. Пиркс был в легком полускафандре, какими все тут пользовались: ярко-голубой, намного удобнее космического и с более легким ранцем, поскольку циркуляция кислорода здесь была открытая, но климатизатор, видимо, пошаливал — стоило Пирксу вспотеть, когда пришлось пробираться по сыпучим дюнам, — и стекло шлема сразу затуманилось; впрочем, здесь в этом не было ничего страшного — между патрубком шлема и нагрудной частью скафандра болтались, как индюшачьи сопли, пустые мешочки: в них можно было всунуть руку и изнутри протереть стекло; способ хотя и примитивный, но действенный.

Дно огромной воронки было сплошь забито гусеничными машинами; туннель, через который пробрались в рулевую рубку, походил на отверстие шахты, его даже прикрыли с трех сторон листами рифленого

алюминия, чтобы предотвратить осыпание песка. Половину воронки загромодила центральная часть корпуса, огромная, как трансатлантический лайнер, выброшенный бурей на сушу и разбившийся о скалы; под ним копошилось человек пятьдесят, по и люди, и краны с экскаваторами казались муравьями у трупа великана. Нос ракеты, почти не поврежденный обломок длиной восемнадцать метров, отсюда не был виден — он с разгону отлетел на несколько сот метров; о том, что сила удара была чудовищной, свидетельствовали оплавленные обломки кварца: кинетическая энергия мгновенно превратилась в тепловую и вызвала термический скачок, как при падении метеорита, хотя скорость все же не была такой уж значительной — она оставалась в пределах звуковой. Пирксу показалось, что несоответствием между наличными средствами базы и громадностью корабля все же нельзя полностью оправдать то, как ведутся работы; конечно, тут приходилось импровизировать, но в этой импровизации было немало разгильдяйства; возможно, оно порождалось мыслью о том, как невообразимо огромен ущерб. Даже вода не уцелела — цистерны все до единой полопались, и песок поглотил тысячи гектолитров, прежде чем остальное обратилось в лед. Этот лед производил особенно жуткое впечатление — из корпуса, распоротого метров на сорок вдоль, вываливались грязные поблескивающие ледопады, упираясь в дюны причудливыми зубцами, словно взорвавшийся корабль изверг из себя ледяную Ниагару. Но ведь было восемнадцать ниже нуля, а ночью температура падала до шестидесяти. Из-за этих стеклянистых каскадов остов корабля казался невероятно старым — можно было подумать, что он лежит здесь с незапамятных времен. Чтобы попасть внутрь корпуса, пришлось бы раскалывать и вырубать лед, поэтому и решили вскрывать оболочку из туннеля. Оттуда вытаскивали уцелевшие контейнеры, груды их виднелись там и сям

на склонах воронки, но дело шло как-то вяло. Доступ к кормовой части был воспрещен; там на растянутых тросах трепыхались красные флажки — сигналы радиоактивной опасности.

Пиркс обошел поверху, по краю воронки все место катастрофы; он насчитал две тысячи шагов, прежде чем оказался над закопченными раструбами дюз. Он возмущался, глядя, как тянут и все не могут вытянуть единственную уцелевшую цистерну с горючими маслами — цепи у них все соскальзывали. Ему казалось, что он пробыл здесь не очень долго, но кто-то тронул его за плечо и показал на стрелку кислородного запаса. Давление в баллоне снизилось, и нужно было возвращаться — запасного баллона он не взял. Новенькие часики показали, что он проторчал у обломков корабля почти два часа.

В зале заседаний обстановка изменилась; все уселись по одну сторону длинного стола, а на другой стороне техники установили шесть больших плоских телевизоров. Но, как обычно, что-то не ладилось на линии связи, и поэтому заседание отложили до часу дня. Хароун, техник-телеграфист с Большого Сырта, которого Пиркс знал весьма отдаленно и который почему-то питал к нему большое уважение, дал ему первые фотоконии лент из так называемой «бессмертной ячейки» корабля; тут были зафиксированы команды насчет распределения мощности. Хароун не имел права вот так, неофициально, давать ему ленты, и Пиркс должным образом оценил этот знак доверия. Он заперся в своей комнатке и, стоя под яркой лампой, начал проглядывать еще не просохшие извивы пластиковой ленты. Картина была столь же четкой, сколь непонятной. На триста семнадцатой секунде посадочного маневра, проходившего до тех пор безукоризненно, в контурах контроля возникли паразитные токи, которые затем приобрели характер громахания. Дважды подавленные

компьютером, который перебрасывал для этого нагрузку на параллельные, резервные контуры, эти токи возникали снова, очень усилившись, а в дальнейшем темп работы датчиков увеличился втрое против нормы. Лента эта регистрировала работу не самого компьютера, а его «спинного мозга», который под управлением автоматического начальства координировал полученные команды с состоянием агрегатов тяги. Эту систему иногда называли «мозжечком» по аналогии с человеческим мозжечком, который также ведаёт координацией движений, играя роль контрольно-пропускного пункта между корой мозга и телом.

Пиркс просмотрел эти записи работы «мозжечка» с величайшим вниманием. Впечатление было такое, будто компьютер торопился, будто, ничем не нарушая процедуру посадки, он с каждой секундой требовал все больше и больше контрольных данных об агрегатах. Это привело к перегрузке информацией, и в результате возникли своеобразные эхо-сигналы в виде паразитных токов; их эквивалентом у животного был бы излишне повышенный тонус, то есть такая склонность к нарушениям моторики, которая называется состоянием судорожной готовности. Пиркс ничего тут не мог понять. Правда, он не имел наиболее важных лент, где были зафиксированы решения самого компьютера; Хароун дал ему то, чем сам располагал.

Кто-то постучал в дверь. Пиркс спрятал ленты в чемоданчик и вышел в коридор; там стоял Романи.

— Новые господа тоже хотят, чтобы вы участвовали в работе комиссии, — сказал он.

Романи уже не был таким измученным, как накануне, он выглядел лучше — возможно, под воздействием конфликтов, возникающих в столь странно организованной комиссии. Пиркс подумал, что по простейшей логике вещей «марсиане» Агатодемона и Большого Сырта, недолюбливающие друг друга, объединятся,

если «новые господа» попробуют навязывать им свои собственные концепции.

Новообразованная комиссия состояла из одиннадцати человек. Председательствовал по-прежнему Хойстер, но лишь потому, что никто не мог справиться с этими обязанностями, находясь на Земле. Советники, участники которого удалены друг от друга на 80 миллионов километров, не может проходить гладко, и если уж пошли на такую рискованную затею, то наверняка под давлением различных факторов, действовавших на Земле.

Сначала подsumмировали полученные результаты — специально для землян. Пиркс знал среди них только генерального директора Верфей ван дер Войта. Цветное телевизионное изображение, хотя и было безукоризненным, придавало ван дер Войту черты монументальности: на экране он выглядел словно бюст гиганта с одутловатым обвисшим лицом, преисполненным властной энергии, весь в клубах дыма, будто его окуривали откуда-то сзади из невидимой сигары, — руки ван дер Войта оставались за рамкой экрана. Пиркс сразу почувствовал неприязнь к ван дер Войту: генеральный директор, казалось, восседал среди них в одиночку, словно все прочие земные эксперты, моргающие глазами на других экранах, были только статистами.

То, что говорилось в зале, приходило на Землю с четырехминутным запозданием, а голос с Земли попал на Марс еще через четыре минуты. Когда Хойстер кончил изложение, пришлось ждать восемь минут. Но земляне пока не хотели высказываться; ван дер Войт затребовал ленты с «Аризля», которые уже лежали у микрофона Хойстера. Каждый член комиссии получил комплект фотокопий.

Комплекты были невелики по объему — ведь ленты зарегистрировали работу управляющего комплекса лишь за последние пять минут. Лентами, предназна-

ченными для Земли, занялись операторы. Пиркс начал просматривать свои, сразу отложив те, с которыми уже ознакомился благодаря Хароуну.

Компьютер принял решение перейти с посадочной процедуры на стартовую на 317-й секунде. Но это не был нормальный старт, это была попытка спастись бегством, якобы от метеорита, то есть, собственно, не поймешь что, ибо выглядело это как импровизация в минуты отчаяния. Все, что творилось потом — эти сумасшедшие скачки кривых на лентах во время падения, — Пиркс считал совершенно несущественным: ведь тут изображалось лишь то, как задыхался компьютер, будучи не в силах расхлебать кашу, которую сам заварил. Сейчас надо было не анализировать подробности ужасающей агонии, а выяснить причину решения, в итоге равнозначного самоубийству.

Причина эта оставалась неясной. Начиная со 170-й секунды компьютер работал с колоссальным перенапряжением, и на лентах отмечалась необычайная информационная перегрузка. Но об этом легко было рассуждать сейчас, зная конечные результаты такой работы, а компьютер известил о перегрузке рулевую рубку, то есть экипаж «Ариэля», только на 301-й секунде процедуры. Он уже тогда давился сведениями, но требовал все новых и новых; так что вместо объяснения члены комиссии получили новые загадки.

Хойстер дал десять минут на просмотр лент, а затем спросил, кто хочет высказаться. Пиркс поднял руку, словно школьник за партой. Но не успел заговорить, как инженер Стотик, представитель Верфей, который должен наблюдать за разгрузкой стотысячников, заметил, что надо подождать: быть может, первым захочет выступить кто-нибудь из землян. Хойстер заколебался. Инцидент был неприятный, тем более что произошел он в самом начале. Романи попросил слова по процедурному вопросу и заявил, что если заботы о равно-

правии всех членов комиссии будут мешать нормальному ходу ее работы, то ни он, ни другие представители Агатодемона оставаться в комиссии не намерены. Стотик отступился, и Пиркс наконец смог говорить.

— Это как будто бы усовершенствованная модель АИБМ-09, — сказал он. — Поскольку я налетал с таким компьютером почти тысячу процедурных часов, у меня имеются некоторые практические наблюдения насчет его работы. В теории я не разбираюсь. Знаю столько, сколько мне положено. Речь идет о компьютере, который работает в реальном времени и должен успевать перерабатывать данные. Я слышал, что эта новая модель имеет пропускную способность на 36 % больше, чем АИБМ-09. Это немало. На основании полученных материалов я могу сказать, что дело было так. Компьютер начал осуществлять нормальную посадочную процедуру, а потом стал сам себе мешать, требуя от своих подсистем все большего количества данных за единицу времени. Это все равно как если бы полководец отвлекал от боя все большее количество людей, чтобы сделать их связными, информаторами; под конец битвы он был бы идеально информирован, только у него не осталось бы солдат, некому было бы сражаться. Компьютер не то что был задушен — он сам себя удушил. Он заблокировал себя этой информационной эскалацией. И он бы заблокировался, даже если бы имел вдесятеро большую пропускную способность, поскольку все время повышал требования. Говоря математическим языком, он сокращал свою пропускную способность по экспоненте, и «мозжечок», как наиболее узкий канал, первым забарахлил. Запаздывания сначала возникли в «мозжечке», а потом перебрались на сам компьютер. Оказавшись в состоянии информационной задолженности, то есть перестав быть машиной, работающей в реальном времени, компьютер сам себя заглушил, и ему пришлось принимать какое-то радикальное решение; вот он и

принял решение стартовать, то есть интерпретировал возникшие нарушения своей работы как следствие внешней угрозы.

— Он объявил метеоритное предупреждение. Как вы это объясняете? — спросил Сейн.

— Каким образом он мог переключиться с главной процедуры на второстепенную, я не знаю. Я этого объяснить не могу, потому что не разбираюсь в конструкции компьютера хотя бы удовлетворительно. Почему он объявил тревогу? Не знаю. Во всяком случае, для меня неоспоримо, что в этом был виноват он сам.

Теперь уже приходилось ждать, что скажет Земля. Пиркс был уверен, что ван дер Войт на него пакнется, и не ошибся. Мясистое тяжелое лицо, и близкое, и далекое вместе, глянуло на него сквозь дым сигары; когда ван дер Войт заговорил, его бас звучал любезно, а глаза приветливо улыбались с таким всеведущим благодушием, словно это наставник обращался к подающему надежды ученику.

— Следовательно, командор Пиркс исключает саботаж? Но на каком основании? Что значит — «он сам виноват»? Кто «он»? Компьютер? Но ведь компьютер, как признал сам командор Пиркс, работал до конца. Значит, программа? Но она ничем не отличается от тех программ, благодаря которым командор Пиркс сотни раз совершал посадку. Не считаете ли вы, что кто-то произвел изменения в программе?

— Я не намерен высказываться на тему о том, имел ли здесь место саботаж, — ответил Пиркс. — Это меня пока не интересует. Если бы компьютер и программа были в полном порядке, то «Ариэль» стоял бы здесь невредимым и нам с вами не понадобилось бы разговаривать. На основе изучения лент я утверждаю, что компьютер работал правильно, в рамках заданной процедуры, но так, словно хотел проявить себя как

идеальная машина, которую не удовлетворяет никакая достигнутая точность. Он в нарастающем темпе требовал данных о состоянии ракеты, не учитывая ни пределов своих собственных возможностей, ни пропускной способности внешних каналов. Почему он так действовал, я не знаю. Но действовал он именно так. Больше мне нечего сказать.

Никто из «марспан» не откликнулся. Пиркс подметил довольный блеск в глазах Сейна и молчаливое удовлетворение Романи, который шевельнулся на стуле. Спустя восемь минут снова заговорил ван дер Войт. На этот раз он обращался не к Пирксу. Обращался он и не к комиссии. Он был само красноречие. Он обрисовал путь, который должен пройти каждый компьютер — от ленты конвейера до рулевой рубки корабля.

Агрегаты монтировались из деталей, поставляемых восемью различными фирмами — японскими, французскими и американскими. С первозданной памятью, «ничего не знающие», как новорожденные младенцы, они прибывали в Бостон, где комбинат «Синтроникс» осуществлял их программирование. Вслед за этим этапом каждый компьютер проходил процедуру, которая является в известной мере эквивалентом школьного обучения, поскольку она предусматривает и снабжение машины некоторым «опытом», и проведение «экзаменов». Но так проверялась лишь общая исправность машины; «специализированные занятия» начинались на следующем этапе. Только тут компьютер из универсальной цифровой машины становился рулевым для кораблей типа «Ариэля». И наконец его подключали на рабочее место к имитатору, который воссоздавал бесчисленные происшествия, какие сопутствуют космическому полету: непредвиденные аварии, дефекты в системах; ситуации, когда маневрирование затруднено, в том числе при неисправности тяговых агрегатов; появление на близкой дистанции других кораблей,

посторонних тел. Причем каждое из этих имитируемых происшествий разыгрывалось в сотнях вариантов — то для нагруженного корабля, то для пустого, то в высоком вакууме, то на входе в атмосферу. И постепенно ситуации усложнялись — вплоть до самых трудных проблем теории многих тел в гравитационном поле; машину заставляли предвычислять их движение и прокладывать безопасный курс для своего корабля.

Имитатором служил также компьютер, выполнявший роль экзаменатора, и притом коварного; он как бы обрабатывал, совершенствовал программу, которая была ранее вложена в «ученика», испытывал его на выносливость и точность. И когда электронного рулевого наконец устанавливали на ракете, то он, хоть на самом деле еще ни разу и не водил корабля, располагал большим опытом, более высоким профессиональным мастерством, чем все вместе взятые люди, когда-либо имевшие дело с космической навигацией. Ведь такие трудные задачи, которые компьютеру приходилось решать в имитированной обстановке, никогда не встречаются в действительности. А чтобы на сто процентов исключалась всякая возможность для несовершенной машины проскочить через этот последний фильтр, надзор за работой пары «рулевой — имитатор» осуществлял человек, опытный программист, который вдобавок должен был иметь многолетний стаж практического пилотирования, причем «Синтроникс» не приглашал на эту ответственную должность просто пилотов: тут работали только космонавты в ранге выше навигатора, то есть такие, у которых на личном счету было больше тысячи часов главных процедур. Таким образом, на последней инстанции от этих людей зависело, каким тестам из неисчерпаемого их набора будет подвергнут очередной компьютер; специалист определял степень трудности задания и, орудуя имитатором, дополнительно усложнял «экзамен», потому что имитировал по мере реше-

ния задачи всякие опасные неожиданности: спад мощности, расфокусировку тяги, ситуацию столкновения, пробой внешней оболочки, потерю связи с диспетчерской во время посадки, — и не прекращал экзаменов, пока не набиралось сто часов стандартных испытаний. Экземпляр, который обнаружил бы за это время хоть малейшую неисправность, отправили бы обратно в мастерские — как плохого ученика, которого оставляют на второй год.

Ван дер Войт этим своим славословием поставил продукцию Верфей выше всяких подозрений; желая, видимо, сгладить впечатление от такой безоговорочной защиты, он, изъясняясь красиво построенными периодами, попросил членов комиссии бескомпромиссно расследовать причины катастрофы.

Затем заговорили земные специалисты — и проблема тотчас же утонула в полноводье ученой терминологии. На экранах появились принципиальные и монтажные схемы, формулы, чертежи, таблицы, и Пиркс, столбенея, увидел, что они нашли самый верный способ превратить всю историю в запутанный теоретический казус.

После главного информаниста выступил расчетчик. Пиркс вскоре перестал его слушать. Его совсем не интересовало, выйдет ли он победителем из очередной стычки с ван дер Войтом, если такая стычка последует. А это казалось, кстати, все менее правдоподобным: о его выступлении никто не упомянул, словно это была бестактная выходка, о которой следует поскорее забыть.

Следующие ораторы забрались уже на самую верхотуру общей теории управления. Пиркс вовсе не подозревал их в злом умысле; они попросту благо-разумно не покидали почву, на которой чувствовали себя уверенно, а ван дер Войт сквозь дым сигары важно и одобрительно их выслушивал, ибо произошло

то, к чему он стремился: первенство в совещании захватила Земля и «марсиане» оказались в роли пассивных слушателей. Да у них ведь и не было в запасе никаких сенсационных открытий. Компьютер «Ариэля» превратился в электронный щебень, исследование которого не могло дать никаких результатов. Ленты в общих чертах обрисовывали, что произошло, но не объясняли, почему это произошло. Они не описывают всего, что происходит в компьютере, — для этого понадобился бы еще один компьютер, больших размеров. А если принять, что и он может допустить ошибку, то следовало бы этого контролера в свою очередь контролировать, и так до бесконечности.

Словом, выступавшие углубились в дебри аналитических абстракций. Глубина их высказываний затемняла тот элементарный факт, что катастрофа не сводилась только к гибели «Ариэля». Автоматы так давно переняли на себя стабилизацию гигантских кораблей при посадке на планеты, что это стало фундаментом, незыблемой почвой всех расчетов, а эта почва вдруг ушла из-под ног. Ни один из менее надежных и более простых компьютеров никогда еще не ошибался — как же мог ошибиться компьютер более совершенный и надежный? Если это было возможно, то возможным становилось все. Сомнение, однажды возникнув, уже не могло ограничиться проблемой надежности автоматов. Все утонуло в сомнениях. А тем временем «Арес» и «Апабис» приближались к Марсу.

Пиркс сидел словно в полном одиночестве; он был близок к отчаянию. Дискуссия уже превратилась в классический спор теоретиков, который все дальше уводил их от происхождения с «Ариэлем». Глядя на массивное обрюзгшее лицо ван дер Войта, благодушно шефствовавшего над совещанием, Пиркс думал, что он похож на Черчилля в старости — этой кажущейся рассеянностью, которой противоречило легкое подрагивание губ,

отражающее внутреннюю улыбку в ответ на мысль, укрытую за тяжелыми веками. То, что еще вчера казалось немислпмым, сегодня становилось вполне вероятным: попытка подвести совещание к выводу, в котором всю вину свалили бы на стихию (возможно, на какие-то еще неизвестные феномены природы или на пробел в самой теории), и к заключению, что надо будет предпринять долготетние широко развернутые исследования.

Пиркс знал аналогичные, хотя и меньшие по масштабу, истории и понимал, какие силы привела в движение эта катастрофа; за кулисами уже вовсю старались добиться компромисса, тем более что Проект, находящийся в столь угрожаемом положении, склонен был ко многим уступкам, чтобы получить помощь, а как раз Объединенные верфи могли оказать помощь: например, дать Проекту на приемлемых условиях флотилию небольших кораблей для обеспечения поставок. А если речь пойдет о такой высокой ставке — собственно говоря, о жизни или смерти Проекта, — то гибель «Ариэля» окажется устранимым препятствием, раз уж нельзя безотлагательно выяснить ее причины. И не такие дела частенько удавалось затушевать.

Однако в этом случае у Пиркса был козырь. Земляне его припняли, им пришлось согласиться, чтобы он участвовал в комиссии, поскольку он был здесь единственным человеком, прочно связанным с экипажами ракет. Он не питал иллюзий: речь вовсе не шла о его репутации или о степени компетентности. Просто комиссии был совершенно необходим хоть один постоянный космонавт, профессионал, который только что сошел с палубы корабля.

Ван дер Войт молча курил сигару. Он благоразумно помалкивал и потому казался всеведущим. Он наверняка предпочел бы видеть кого-нибудь другого на месте Пиркса, но пелегка принесла сюда именно Пиркса, и

не находилось благовидного предлога, чтобы от него избавиться.

Ведь если бы Пиркс при расплывчатом заключении комиссии подал свое особое мнение, это получило бы широкую огласку. Пресса вынюхивает скандалы, она только и ждет такой okazji. Союз пилотов и «Клуб перевозчиков» не представляли собой какой-то реальной силы, но все же от них многое зависело — ведь именно эти люди рисковали головой. Поэтому Пиркс не удивился, услышав во время перерыва, что ван дер Войт хочет с ним поговорить.

Ван дер Войт знал с видными политиками; он начал разговор с шутливой заявлением, что это, дескать, встреча на самом высоком — межпланетарном! — уровне. Пирксом иногда руководили импульсы, которым он сам впоследствии дивился. Ван дер Войт курил сигару и смачивал себе глотку пивом, и Пиркс попросил, чтобы ему принесли бутербродов из буфета. Так что он слушал генерального директора, сидя в помещении связистов и жуя бутерброды. Ничто не могло их лучше уравнивать.

Ван дер Войт словно бы понятия не имел, что у них недавно была стычка. Ничего подобного просто никогда не происходило. Он разделял беспокойство Пиркса за судьбу экипажей «Анабиса» и «Ареса» и делился с ним своими заботами. Его возмущала безответственность прессы, ее истерический тон. Он просил Пиркса в случае надобности составить небольшую докладную записку по вопросу о предстоящих посадках: что можно сделать для повышения их безопасности. Он разговаривал так доверительно, что Пиркс через некоторое время извинился перед ним и, высунув голову за дверь кабины, попросил, чтобы ему принесли рыбного салата... Ван дер Войт с истинно отеческой заботой ласково басил с экрана, а Пиркс неожиданно задал вопрос:

— Вы говорили о специалистах, контролирующих имитацию. Кто они, как их зовут?

Ван дер Войт через восемь минут удивился, но лишь на мгновение.

— Наши «экзаменаторы»? — он широко улыбнулся. — Да это все ваши коллеги, командор. Минт, Стёрпхайн и Корнелиус. Старая гвардия... мы отобрали для «Синтроникса» самых лучших, каких только могли сыскать. Вы их, конечно, знаете!

Больше им не удалось поговорить, потому что совещание возобновилось. Пиркс написал записку и передал ее Хойстеру с пометкой: «Очень срочно и очень важно». Председательствующий тут же прочел вслух эту записку, адресованную руководству Верфей. Там было три вопроса:

1. На каком принципе строится посменная работа главных имитационных контролеров Корнелиуса, Стёрпхайна и Минта?

2. Несут ли контролеры ответственность и какую именно, если они проглядят неправильные действия либо какие-то другие погрешности в работе испытуемого компьютера?

3. Кто конкретно проводил испытания компьютеров «Ариэля», «Ареса» и «Анабиса»?

Это вызвало волнение в зале. Пиркс совершенно недвусмысленно подкапывался под самых близких ему людей — почтенных, заслуженных ветеранов космонавтики!

Земля, точнее дирекция Верфей, подтвердила получение вопросов; ответ обещали дать минут через пятнадцать.

Пиркс сидел огорченный и озабоченный. Нехорошо получилось, что он добывает информацию таким официальным путем. Он рискует вызвать всеобщую неприязнь; да и позиции его в этом деле могут пошатнуться, если дойдет до подачи «особого мнения». Разве

то, что Пиркс попытался повернуть расследование от чисто технических вопросов к конкретным людям, нельзя истолковать как подчинение нажиму ван дер Войта? А генеральный директор, усмотрев в этом пользу для Верфей, немедленно потопил бы Пиркса, сделав соответствующие намеки репортерам. Бросил бы его на съедение прессе как неуклюжего пособника...

Но Пирксу ничего не оставалось, кроме этого выстрела наугад. Добывать информацию неофициально, окольными путями не хватало времени. Да и не было у него никаких определенных подозрений. Чем же он тогда руководствовался? Довольно туманными представлениями о том, что опасности таятся не в людях и не в автоматах, а на стыке, там, где люди вступают в контакт с автоматами, ибо мышление людей так ужасающе отличается от мышления автоматов. И еще чем-то, что он вынес из минут, проведенных у полки со старинными книгами, и чего не смог бы отчетливо выразить.

Вскоре пришел ответ: каждый контролер вел свой компьютер от начала до конца испытаний; ставя свою подпись на документе, носившем название «аттестата зрелости», он брал на себя ответственность за любые упущения. Компьютер «Анабиса» испытывал Стёрнхайн, оба остальных — Корнелиус.

Пирксу захотелось уйти из зала, однако он не мог себе этого позволить. Он и без того уже чувствовал, как нарастает напряженность.

Заседание кончилось в одиннадцать. Пиркс притворился, что не замечает знаков, которые подавал ему Романи, и ушел поскорее, будто спасаясь бегством. Запершись в своей камерке, он рухнул на койку и уставился в потолок.

Минт и Стёрнхайн не в счет. Значит, остается Корнелиус. Человек с рационалистическим и научным складом ума начал бы с вопроса: что же такое, собственно, мог прозевать контролер? Неизбежный ответ: «Абсо-

лютно ничего!» — сразу перекрыл бы эту дорогу для расследования. Но Пиркс не обладал научным складом ума, так что этот вопрос ему и в голову не пришел. Не пробовал он также размышлять о процедуре испытаний компьютера, будто зная, что и тут ничего не добьется. Думал он просто о Корнелиусе — о таком, каким он его знал, — а знал его Пиркс неплохо, хотя расстались они много лет назад. Относились они тогда друг к другу неважно, чему удивляться не приходилось, поскольку Корнелиус был на «Гулливере» командиром, а Пиркс — младшим навигатором. Однако отношения у них сложились хуже, чем это обычно бывает в таких ситуациях, потому что Корнелиус был просто помешан на точности и обстоятельности. Его звали Мучилой, Педантом, Скопидомом и еще Мухобоем, потому что он мог отправить половину команды на охоту за мухой, обнаруженной на корабле. Пиркс улыбался, вспоминая эти восемнадцать месяцев под началом у Педанта Корнелиуса; теперь-то он мог улыбаться, а тогда из себя выходил. До чего же пудный тип был Корнелиус! Однако его имя упоминается в энциклопедиях — в связи с исследованием внешних планет, особенно Нептуна.

Маленький, серолицый, он вечно злился и от всех ожидал подвоха. Когда он рассказывал, будто вынужден лично обыскивать всю свою команду, чтобы они не протаскивали мух на корабль, ему никто не верил, но Пиркс-то знал, что это не выдумки. Дело было, конечно, не в мухах, а в том, чтобы досадить старику. У него в каюте всегда имелась коробка ДДТ; он способен был застыть среди разговора, подняв палец (горе тем, кто не замирал в ответ на этот знак) и прислушиваясь к тому, что принял за жужжание. В карманах он носил отвес и складной метр; когда он контролировал погрузку, это походило на осмотр места катастрофы, которая, правда, еще не произошла, но явно близится. Пиркс будто снова услышал крик: «Мучила идет, скрывайся!», после

которого кают-компания пустела; он вспомнил странный взгляд Корнелиуса — его глаза словно бы не принимали участия в том, что он говорил или делал, а сверлили все вокруг, выискивая места, не полностью приведенные в порядок. У людей, что проводят в космосе десятки лет, накапливаются чудачества, но Корнелиус был рекордсменом по этой части. Он терпеть не мог, чтобы кто-нибудь стоял у него за спиной; если он случайно садился на стул, на котором только что сидел кто-то другой, то, ощутив это по теплоте сиденья, вскакивал как ошпаренный. Он был из тех людей, при виде которых невозможно себе представить, как они выглядели в молодости. Лицо его вечно выражало угнетенность, вызванную несовершенством всех окружающих; он страдал от того, что не мог обратить их в свою религию педантизма. Тыкая пальцем в колонки отчета, он по двадцать раз подряд проверял...

Пиркс замер. Потом поднялся и сел на койке — медленно, осторожно, будто он сделался стеклянным. Мысли, пробегая по хаосу воспоминаний, вслепую задели за что-то, и оно откликнулось, словно эхо тревоги. Но что это было, собственно? Что Корнелиус не выносил, чтоб стояли у него за спиной? Нет. Что он изводил подчиненных? Ну и что? Ничего. Но это уже вроде бы ближе. Пиркс чувствовал себя как мальчишка, который молниеносно сжал руку в кулак, чтобы поймать жука, и смотрит теперь на кулак, боясь его разжать. Не надо торопиться. Корнелиус славился своим пристрастием к соблюдению всяческих формальностей («Может это?» — Пиркс для проверки придержал ход мысли). Когда сменялись инструкции, правила, все равно какие, Корнелиус запирался с официальным документом у себя в каюте и не выходил оттуда, пока не вызубрит его наизусть. (Теперь это было похоже на игру в «жарко — холодно». Он чувствовал, что сейчас удаляется...) Расстались они девять, нет — десять лет назад. Корнелиус

как-то внезапно и странно исчез — на вершине известности, которую принесло ему исследование Нептуна. Говорили, что он еще вернется на корабль, что космонавигацию преподает только временно, но он не вернулся. Дело понятное — Корнелиусу было уже под пятьдесят... (Опять не то.) Аноним. (Это слово всплыло неизвестно откуда.) Анонимка? Какая еще анонимка? Что Корнелиус болен и симулирует здоровье? Что ему грозит инфаркт?.. Да нет же. Анонимка — это совсем другая история, это было с другим человеком — с Корнелиусом Крэгом; тут Корнелиус — имя, а там — фамилия. (Перепутал он их, что ли? Да. Но анонимка не хотела уходить. Странно — он не мог отцепиться от этого слова. Он все энергичней его отбрасывал, а оно со все более идиотской навязчивостью возвращалось.) Пиркс сидел съезжившись. В голове — вязкая тина. Анонимка. Аноним. Теперь он был уже почти уверен, что это слово заслоняет собой какое-то другое. Бывает такое: выпадет ложный знак, и пельзя ни отделаться от него, ни отделить его от той сути, которую он скрывает.

Пиркс встал. Он помнил, что на полке между «марсианскими» книгами стоял толстый словарь. Он открыл том наугад, на «Ан». Ана. Анакантика. Анакластика. Анаконда. Анакруза. Анаклета. (Вот ведь сколько всяких слов не знаешь...) Анализ, аналогия, ананас. Ананке (*греч.*): богиня судьбы. Это?.. Но что же общего имеет богиня с... Также: принуждение.

Пелена с глаз упала. Он увидел белый кабинет, спину врача, стоявшего у телефона, открытое окно и бумаги на столе, шевелящиеся от ветерка. Он вовсе не старался прочесть машинописный текст, но глаза сами уцепились за печатные буквы: он еще мальчишкой настойчиво учился читать тексты, перевернутые вверх ногами. «Уоррен Корнелиус; диагноз: ананкастический синдром». Доктор заметил разбросанные бумаги, собрал их и спрятал в портфель. Разве он тогда не поинтересо-

вался, что означает этот диагноз? Наверное, но поскольку понимал, что ведет себя неэтично, постарался потом об этом забыть. Сколько лет прошло с тех пор? Минимум шесть.

Он отложил словарь — взволнованный, возбужденный, но вместе с тем разочарованный. Ананке — принуждение; значит, наверное, невроз навязчивых состояний.

Невроз навязчивых состояний. Он об этом прочел все, что было возможно, еще мальчишкой, — была такая семейная история, он хотел понять, что это означает... Память, хоть и не без сопротивления, все же выдавала информацию. Уж что-что, а память у Пиркса была хорошая. Возвращались фразы из медицинской энциклопедии, словно вспышки озарений, ибо они сразу налагались на образ Корнелиуса. Пиркс видел его теперь совершенно иначе. Это было зрелище конфузное и вместе с тем печальное. Так вот почему Корнелиус по двадцать раз в день мыл руки и не мог не гоняться за мухами, и бесился, когда у него пропадала закладка для книги, и запирал свое полотенце на ключ, и не мог сидеть на чужом стуле. Одни навязчивые действия порождали другие, и Корнелиуса все плотнее обволакивала их сеть, и он становился посмешищем. В конце концов это заметили врачи. Корнелиуса списали с корабля. Пиркс напряг память, и тогда ему показалось, что в самом низу страницы были три слова, напечатанные вразбивку: «К полетам непригоден». А поскольку психиатр не разбирался в компьютерах, он разрешил Корнелиусу работать в «Синтрониксе». Наверно, подумал, что это и есть идеальное место для такого придиры. Сколько возможностей блеснуть педантичной аккуратностью! Корнелиуса это, надо полагать, воодушевило. Работа важная и полезная, а самое главное — теснейшим образом связанная с космонавтикой...

Пиркс лежал, уставившись в потолок, и ему даже не приходилось особенно напрягаться, чтобы представить

себе Корнелиуса в «Синтрониксе». Что он там делал? Контролировал имитаторы, когда те давали задания корабельным компьютерам. То есть усложнял им работу, учил их уму-разуму, а это была его стихия, это он умел делать, как никто. Корнелиус, должно быть, все время боялся, что его в конце концов сочтут сумасшедшим, хотя сумасшедшим он не был. В ситуациях подлинно критических Корнелиус никогда не терял головы. Он был энергичен и решителен, но в повседневных условиях эту его энергию и решимость постепенно разъедали навязчивые идеи. Он, наверное, чувствовал себя между экипажем корабля и выкрутасами своей психики словно между молотом и наковальней. Он выглядел страдальцем не потому, что был сумасшедшим и подчинялся этим своим внутренним приказам, а именно вот потому, что боролся с ними и неустанно изыскивал всяческие претексты, оправдания, цеплялся за инструкции, стараясь оправдаться ссылкой на них — что это отнюдь не он придумал, не он ввел эту бесконечную муштру. Душа у него была не капральская, иначе не стал бы он читать Эдгара По и всякие жуткие и необычайные истории. Может, он искал в этих книгах отражение своего внутреннего ада? Это ведь подлинный ад — чувствовать у себя внутри сложную сеть жестких, словно проволока, приказов, какие-то преграды, торчащие повсюду, будто жерди, какие-то заранее вычерченные пути — и перестанно со всем этим бороться, подавлять это снова и снова... В основе всех его действий был страх, что случится нечто непредвиденное. К этому-то он все время и готовился, из-за этого он всех тренировал, муштровал, школлил; отсюда его вечные учебные тревоги, обходы, проверки, бессонные блуждания по всему кораблю... Господи боже, он ведь знал, что над ним исподтишка смеются; может, он даже и понимал, до чего все это бесполезно. Можно ли предположить, что он как бы вымещал все свои страхи на компьютерах «Синтроникса»,

когда гонял их до изнеможения? Если даже так и было, он, вероятно, не отдавал себе в этом отчета. Он убедил себя, что именно так и должен поступать.

Удивительно: стоило Пирксу изложить события, которые он раньше воспринимал как серию анекдотов, на языке медицинских терминов — и события эти обрели иной смысл. Он мог заглянуть в их недра при помощи отмычки, которую предоставляет психиатрия. Механизм чужой индивидуальности открывался — обгаженный, упрощенный, сведенный к горсточке жалких рефлексов, от которых никуда не денешься. Мысль о том, что врач может именно так рассматривать людей, хотя бы и с целью им помочь, показалась ему до невероятия отталкивающей. Но одновременно исчез ответ шутовства, поясничанья, который тусклым ободком окружал воспоминания о Корнелиусе. При этом новом, неожиданном видении событий не оставалось места для плутоватого, недоброго юмора, который рождается в школах, казармах и на палубах кораблей. Ничего смешного не было в Корнелиусе.

Работа в «Синтрониксе»... Казалось бы, она идеально подходит такому человеку: здесь надо нагружать, требовать, усложнять до пределов возможностей. Корнелиус наконец-то мог дать волю своим подавленным стремлениям. Непосвященным казалось, что это великолепно: старый практик, опытный навигатор передает свои обширные познания автоматам; что же может быть лучше? А Корнелиус теперь имел рабов и не обязан был сдерживаться, поскольку они не были людьми.

Компьютер, сходящий с конвейера, — все равно что новорожденный: он тоже способен научиться всему и не знает пока ничего. Процесс учебы ведет к возрастанию специализации и утрате исходной недифференцированности. На испытательном стенде компьютер играет роль мозга, тогда как имитатор выполняет функции тела.

Мозг, подключенный к телу, — вполне подходящая аналогия.

Мозг должен знать о состоянии и степени готовности каждой мышцы; точно так же компьютер должен иметь информацию о состоянии корабельных агрегатов. Он отправляет по электронным путям тысячи вопросов, словно швыряет тысячи мячиков сразу во все закоулки металлического гиганта, по отзвукам эха создавая для себя образ ракеты и того, что ее окружает. И в эту надежную, безошибочную систему вторгся человек, который болезненно страшится неожиданного и преодолевает этот свой навязчивый страх при помощи неких ритуальных действий. Имитатор стал орудием реализации этих болезненных страхов. Корнелиус действовал в духе верховного принципа — обеспечения безопасности. Разве это не могло казаться похвальным усердием? Как он, должно быть, старался! Нормальный ход работы он вскоре счел недостаточно надежным. Чем сложнее ситуация, в которой оказался корабль, тем быстрее следует о ней информировать. Корнелиус полагал, что темп проверки агрегатов должен зависеть от значимости процедуры. А поскольку наибольшее значение имеет процедура посадки... Он изменил программу? Вовсе нет; ведь шофер, который вздумает проверять двигатель ежечасно, а не ежедневно, может при этом строго соблюдать правила движения. Поэтому программа не могла воспрепятствовать действиям Корнелиуса. Он целился в том направлении, где программа не имела защиты, потому что *этакое* не могло прийти в голову ни одному программисту. Если компьютер от такой перегрузки разлаживался, Корнелиус отправлял его обратно в технический отдел. Понимал он, что заражает компьютеры навязчивыми идеями? Вряд ли; он был практиком, в теории ориентировался плохо; он с педантичной скрупулезностью сомневался во всем, бесконечно проверял все; в этом же духе он проводил испытания машин. Он, конечно,

перегружал компьютеры — ну, и что же?.. Они ведь не могли пожаловаться. Это были новые модели, поведением похожие на шахматистов. Игрок-компьютер победит любого человека — при условии, что его учителем не будет кто-то вроде Корнелиуса. Компьютер предвидит замыслы противника на два-три хода вперед; если б он пытался предвидеть на десять ходов вперед, его бы задушил избыток возможных вариантов, ибо их количество растет по экспоненте. Чтобы предвидеть десять очередных ходов на шахматной доске, пришлось бы оперировать девятизначными числами. Такого самопарализующегося шахматиста дисквалифицировали бы на первом же состязании. На борту корабля это сначала не было заметно: можно наблюдать лишь входы и выходы системы, а не то, что происходит внутри нее. Внутри нарастала толчея, снаружи все шло нормально — до поры до времени. Вот так он их и дрессировал — и эти подобию человеческого разума, которые едва справлялись с реальными заданиями, потому что Корнелиус создал уйму фиктивных, стали рулевыми на стотысячниках. Любой из этих компьютеров страдал ананкастическим синдромом: вынужденное повторение операций, усложнение простых действий, попытки учесть «все сразу». Компьютеры, конечно, не наследовали страхов Корнелиуса, они лишь воссоздавали структуру собственных ему реакций. Парадокс заключался в том, что именно повышенная емкость этих новых, усовершенствованных моделей способствовала катастрофе; ведь эти компьютеры могли функционировать очень долго, пока информационная перегрузка постепенно не выводила из строя их контуры. Но когда «Ариэль» опускался на космодром Агатодемона, какая-то последняя капля переполнила чашу. Возможно, ее роль сыграли первые порывы урагана — на них надо было молниеносно реагировать, а компьютеру, заблокированному информационной лавиной, которую он сам же и вызвал, уже нечем

было управлять. Он перестал быть устройством реального времени, не поспевал уже моделировать реальные события — его захлестывали вымышленные... Перед ним была огромная масса — диск планеты, и программа не позволяла ему попросту отказаться от начатой процедуры, а между тем продолжать ее он уже не мог. Поэтому он интерпретировал планету как метеор, идущий курсом пересечения, — это была для него последняя лазейка, только эту единственную возможность допускала программа. Он не мог сообщить об этом людям в рулевой рубке, ведь он же не был мыслящей личностью! Он до конца считал, взвешивал шансы: столкновение означало несомненную гибель, бегство оставляло два-три шанса из сотни; поэтому он и избрал бегство — аварийный старт!

Все это выстраивалось логично, однако совершенно без доказательств. Никто до сих пор не слышал о таких случаях. Кто мог подтвердить эти предположения? Наверное, психиатр, который лечил Корнелиуса и, возможно, вылечил, а возможно, только разрешил ему заниматься этой работой. Но врач ничего не скажет из соображений врачебной тайны. Нарушить ее можно было бы лишь по решению суда. А тем временем «Анабис» через шесть дней...

Оставался Корнелиус. Догадывался ли он? Понимал ли теперь, после того, что произошло?.. Пиркс не смог поставить себя на место старого командира. Словно стеклянная стена безнадежно преграждала путь. Если у Корнелиуса и возникли какие-то сомнения, он их сам себе не выскажет. Он будет из всех сил противиться таким выводам — это, пожалуй, ясно...

Но ведь это дело все равно откроется — после очередной катастрофы. Если вдобавок «Арес» сядет благополучно, то простейшая выкладка — подвели те компьютеры, за которые отвечает Корнелиус, — наведет подозрения на старого командира. Начнут исследовать

с пристрастием все детали и по нитке доберутся до клубка. Но ведь нельзя же сидеть да ждать сложа руки! Что делать? Это он отлично знал: надо стереть всю компьютерную память «Анабиса», передать по радио исходную программу; корабельный информационник управится с этим за несколько часов.

Но чтобы говорить о таких вещах, нужно иметь доказательства. Хотя бы одно! На худой конец — хоть косвенные улики, хоть какой-то след, а у Пиркса ничего не было. Всего только воспоминание многолетней давности о какой-то истории болезни, о нескольких строках, вдобавок прочитанных вверх ногами... Прозвища и слушки... анекдоты о Корнелиусе... реестр его чудачеств. Невозможно с этим выступать перед комиссией.

Важнее всего был «Анабис». Пиркс обдумывал уже полубредовые проекты: если нельзя это сделать официально, так, может, ему надо стартовать на своем «Кювье», чтобы с борта корабля послать «Анабису» предостережение и результаты своего мысленного расследования? О последствиях думать не стоит... Нет, это уж слишком рискованно. С командиром «Анабиса» он не знаком. А сам он разве послушался бы чужих советов, основанных на таких гипотезах? При полнейшем отсутствии доводов? Сомнительно...

Остается, значит, только сам Корнелиус. Адрес его известен: Бостон, комбинат «Синтроникс». Но как же можно требовать, чтобы такой недоверчивый, дотошный, педантичный человек признался, что совершил то, чему силился противодействовать всю свою жизнь? Может, после беседы с глазу на глаз, после долгих увещаний, напоминаний об угрозе, нависшей над «Анабисом», Корнелиус согласился бы, что надо послать предостережение кораблю, и сам обосновал бы это предостережение — он ведь честный человек. Но в разговоре, который с восьминимутными паузами ведется между Марсом и Землей, когда ты обращаешься к экранам, а не

к живым собеседникам, взвалить такое обвинение на беззащитного человека и требовать, чтобы он признался в убийстве — хоть и неумышленном — тридцати человек? Невообразимо!

Пиркс все сидел на койке, плотно сплетя пальцы, словно для молитвы. Он безмерно дивился, что это возможно: настолько все знать и настолько ничего не мочь! Он обвел взглядом книги на полке. Их авторы помогли ему — помогли своим поражением. Все они потерпели поражение, ибо спорили о каналах, о том, что якобы наблюдали на далеком пятнышке сквозь стекла телескопов, а не о том, что было в них самих. Они спорили о Марсе, которого не видали, а видели они глубины собственного разума, который порождал героические и роковые образы. Они проецировали свои мечты в космическую даль, вместо того чтобы задуматься о самих себе. Так и в этом случае: каждый, кто забирался в дебри теории компьютеров и там искал причины катастрофы, удалялся от сути дела. Компьютеры были невиновны и нейтральны, так же как и Марс, которому сам Пиркс предъявлял какие-то бессмысленные претензии, словно мир несет ответственность за те миражи, которые пытается ему навязать человек. Но эти старые книги уже сделали все, что могли. Пиркс не видел выхода.

На самой нижней полке была и беллетристика; среди разноцветных корешков виднелся выцветший голубоватый томик Эдгара По. Значит, и Романи его читает? Сам Пиркс не любил По — за искусственность языка, за вычурность фантазии, которая не хочет сознаться, что ее породили сновидения. Но для Корнелиуса это была почти что библия. Пиркс бездумно вытащил книгу, она сама раскрылась на оглавлении, и название одного из рассказов просто ошеломило его. Однажды после вахты Корнелиус дал Пирксу томик Эдгара По и особенно расхваливал этот рассказ — о том, как изобличили

убийцу фантастически изощренным, неправдоподобным способом. Потом Пирксу еще пришлось лицемерно хвалить рассказ — известное дело, командир всегда прав...

Идея, вдруг осенившая Пиркса, вначале показалась ему просто занятой; потом он начал понемногу примериваться к ней. Она слегка походила на студенческий розыгрыш и одновременно — на подлый удар в спину. Выглядит это дико, несуразно, жестоко, но — кто знает? — именно в такой ситуации может подействовать. Послать телеграмму из четырех слов. Возможно, эти подозрения — сплошной бред; Корнелиус, чью историю болезни видел Пиркс, — совсем другой человек, а этот Корнелиус тренирует компьютеры в строгом соответствии с правилами и никакой вины за собой чувствовать не может. Получив такую телеграмму, он пожмет плечами и подумает, что его бывший подчиненный позволил себе идиотскую шутку, в высшей степени омсрзительную, но больше уж ничего не подумает и ничего не сделает.

Но если весть о катастрофе пробудила в нем тревогу, неясные подозрения, если он уже начинает понемногу догадываться о своей причастности к трагедии и противится этим догадкам, тогда четыре слова телеграммы как громом поразят его. Он мгновенно почувствует, что его целиком и полностью уличили в том, чего он сам себе не решился отчетливо сформулировать, и что он виновен. Он уже не сможет отделаться от мыслей об «Анабисе» и о том, что его ждет; даже если он попробует обороняться от этих мыслей, телеграмма не даст ему покоя. Он не сумеет сидеть сложа руки, в пассивном ожидании; телеграмма будет жечь его, терзать его совесть — и что тогда? Пиркс достаточно знал его, чтобы понимать, — старик не обратится к властям, не даст показаний, но и не станет обдумывать, как лучше защищаться и как избежать ответственности. Если он при-

знает себя ответственным, то, не сказав ни слова, делает то, что сочтет необходимым.

А значит, нельзя так поступить. Пиркс еще раз перебрал все варианты — он готов был беседовать с самим дьяволом, добиваться разговора с ван дер Войтом, если бы такая беседа хоть что-нибудь сулила... Но никто не мог помочь. Никто. Все обстояло бы иначе, если б не «Анабис» и не эти шесть дней сроку. Можно уговорить психиатров, чтобы они дали показания; можно пронаблюдать методы, которые применяет Корнелиус, тренируя компьютеры; можно проверить компьютер «Анабиса», но на все это уйдут недели. Так что же делать? Подготовить старика, послав ему какую-то весточку с предупреждением, что... Но тогда все дело сорвется. Болезненная психика Корнелиуса найдет всякие увертки и контрдоводы — ведь даже у самого честного человека имеется инстинкт самосохранения. Корнелиус начнет защищаться или, скорее, будет на свой лад надменно молчать, а тем временем «Анабис»...

Пирксу казалось, что он куда-то проваливается. Все вокруг отвергало его, отбрасывало — как в рассказе По «Колодец и маятник», где мертвые стены миллиметр за миллиметром сжимаются вокруг беззащитного узника, подталкивая его к пропасти... Что может быть беззащитней, чем беззащитность болезни, которая настигла кого-то, и именно поэтому его теперь ожидает подлый удар из-за угла? Что может быть подлей, чем такая подлость?

Бросить это дело? И молчать? Конечно, это было бы легче всего! Никто и не додумался бы, что у него в руках были все нити. После очередной катастрофы они сами нападут на след. Однажды начавшись, следствие в конце концов доберется до Корнелиуса и...

Но если это так и есть, если он не спасет старого командира даже своим молчанием, тогда он не имеет права молчать. Больше Пиркс ни о чем уже не думал,

потому что начал действовать, словно избавившись от всяких сомнений.

Внизу было пусто; только в кабине лазерной связи сидел дежурный техник. Пиркс написал на бланке адрес: «Земля, США, Бостон, Корпорация «Синтро-никс», Уоррену Корнелиусу».

В тексте депеши было всего четыре слова: «Thou Art the Man» *. К своей подписи Пиркс добавил: «Член комиссии по расследованию причин катастрофы «Ариэля». Место отправления депеши: Марс, Агатодемон». Это было все. Он вернулся в комнату Романи и заперся там. Кто-то стучался потом в дверь, слышались голоса, но Пиркс не подавал признаков жизни. Он нуждался в одиночестве, потому что начались душевные терзания, как он и предвидел. С этим уж ничего нельзя было поделать.

Поздней ночью он стал читать Скиапарелли, чтобы не представлять себе по сотне раз во всевозможных вариантах, как Корнелиус, приподняв полуседые щети-нистые брови, берет телеграмму со штампом «Марс», как разворачивает шелестящую бумагу и отодвигает ее от дальнотзорных глаз. Пиркс читал, не понимая ни слова, а когда перелистывал страницу, его охватывало безмерное удивление, смешанное с каким-то ребяческим огорчением: «Неужели же это я? Я — я смог такое сделать?!»

Сомневаться не приходилось: Корнелиус попался в ловушку, как мышь; у него не оставалось свободного пространства, какого-то зазора для хотя бы малейших уверток; ситуация так сложилась, что не допускала уверток; поэтому он своим заостренным четким почер-

* «Ты еси сотворивший сие!» — фраза, которой (якобы устами жертвы) изобличается убийца в одноименном рассказе Э. По.

ком набросал на листке бумаги несколько фраз, поясняя, что он действовал без злого умысла, но вину целиком принимает на себя, подписался и в три часа тридцать минут утра — через четыре часа после получения депеши — выстрелил себе в рот. В его записке не было ни слова о болезни, ни малейшей попытки самооправдания — ничего. Он словно бы одобрил поступок Пиркса лишь постольку, поскольку он помогал спасению «Анабиса», и решил принять участие в этом спасении — но больше ни в чем. Словно бы выразил Пирксу и деловое одобрение, и одновременно полнейшее презрение за коварно нанесенный удар.

Возможно, впрочем, что Пиркс ошибался...

Хоть это и выглядит несоразмерно событиям, Пиркса очень угнетал театрално-напыщенный стиль, в котором ему пришлось действовать. Он одолел Корнелиуса, пустив в ход Эдгара По и вообще действуя в стиле Эдгара По, хотя стиль этот претил ему, казался фальшивым; Пиркс полагал, что труп, окровавленным пальцем указывающий на убийцу, не отражает подлинного ужаса бытия. По его наблюдениям, ужас бытия проявлялся обычно в злобных издевках, а не в романтических сценах. Сопутствовал он и размышлениям Пиркса о том, как изменилась роль Марса в жизни людей по сравнению с предыдущей эпохой. Из недостижимого красноватого пятнышка на почтом небе, демонстрирующего полупопятные следы деятельности Иного Разума, Марс превратился в плацдарм обычной земной жизни, то есть изнурительной борьбы со стихией, закулисных политических сделок и всяческих интриг; он стал миром удручающих вихрей и пыльных бурь, вдребезги разбитых ракет и хаотической путаницы; местом, откуда можно было не только полюбоваться поэтически-голубым огоньком Земли, но и нанести смертельный удар человеку, живущему на Земле. Безупречный полуфантастический Марс давнишней ареографии исчез, оставив

на память о себе лишь эти звучащие как формулы, как заклятия алхимиков греко-латинские названия мест, по которым теперь топали тяжелые башмаки. Безвозвратно утонула за горизонтом эпоха высоких теоретических споров и только в момент гибели явила свой истинный облик — мечты, которая питается своей неосуществимостью. Остался Марс реальный — с утомительной работой, экономическими расчетами и такими вот грязно-серыми рассветами, как тот, в который Пиркс появился в зале заседаний комиссии и представил свои доводы.

Джон Уиндем

Адаптация

Перспектива застрять на Марсе не слишком огорчила Мэрилин, во всяком случае поначалу. Она жила в пустыне, неподалеку от места, которое после неудачной посадки «Андромеды» стали называть посадочной площадкой. И когда инженеры сказали, что из-за ограниченных средств обслуживания ремонт продлится по меньшей мере месяца три, а вернее даже четыре, Мэрилин тоже не удивилась. Самое удивительное, что пассажиры «Андромеды» отделались только порядочной встряской.

Мэрилин не забеспокоилась и тогда, когда ей объяснили, что в соответствии с простейшими правилами астронавтики «Андромеда» не сможет стартовать раньше чем через восемь месяцев, когда Земля займет более благоприятное положение. Но Мэрилин несколько встревожилась, поняв, что у нее будет ребенок. Марс не казался самым подходящим местом для рождения ребенка.

Вообще-то Марс ее удивил. Когда Франклину Гудэлпину через несколько месяцев после свадьбы предложили работу по освоению территорий «Джэсон майнинг корпорейшн», именно Мэрилин уговорила мужа взять эту работу. Она интуитивно чувствовала, что люди, которые будут первыми на Марсе, в дальнейшем займут там видные места. О самом Марсе, судя по фотографиям, у нее сложилось невысокое мнение. Но

она хотела, чтобы ее муж занял видное место, и желала быть рядом с ним. Поскольку разум и сердце были у Франклина в разладе, жена могла перетянуть и туда, и сюда. Но она встала на сторону разума по двум причинам. Во-первых, она опасалась, как бы муж из-за любви к ней не упустил такого случая, а что касается второй причины, приведем собственные слова Мэрилин:

— Милый, если мы собираемся заводить детей, я хочу дать им все, что мы можем. Тебя я люблю всегда, каким бы ты ни был, но ради детей я хотела бы, чтобы ты стал большим человеком.

Она настояла, чтобы Франклин принял предложение и взял ее с собой. Мэрилин считала, что она обязана устроить мужа с максимальными удобствами, насколько позволяют суровые условия Марса, а затем собиралась ближайшим кораблем вернуться на Землю. Это должно было занять четыре недели по земному счету. Но ближайшим кораблем и в то же время последним в этой фазе противостояния была «Андромеда».

Из-за работы у Франклина оставалось мало времени для жены, и будь Марс таким, каким она представляла его раньше, перспектива пробыть там лишнюю неделю смутила бы Мэрилин. Но едва ступив на планету, она в первый же момент сделала неожиданное открытие: фотографии могут быть безукоризненно правдивы по букве и лживы по духу.

Да, пустыни здесь были, верно. Они простирались на многие мили. Но не было немилосердной жесткости, которую придавали им неподвижные снимки. Была и еще одна особенность, которую не улавливали линзы фотообъективов. Ландшафт жил, все время меняясь в зависимости от теней.

Неожиданная красота таилась в расцветке песков и скал и далеких округлых гор, и что-то необыкновенное было в темных глубинах безоблачного неба. Среди

растений и кустов у кромки каналов попадались цветы, красивее и изящнее земных. Наполовину ушедшие в землю камни древних руин — возможно, все, что осталось от громадных дворцов и замков, — были окутаны тайной. Это показалось Мэрилин похожим на картину, которую странник Шелли увидел в античной страхе:

...Кругом нет ничего... Глубокое молчанье.
Пустыня мертвая... И небеса над ней.

Но во всем этом не было ничего зловещего. Мэрилин искала признаки страшных опустошений, отвратительные следы взрывов, разорения, пожаров. До сих пор ей никогда не приходило в голову, что старость мира может прийти мягко, овеянная нежной грустью, подобно опадающей листве.

Там, на Земле, люди взирали на марсианских добровольцев как на пионеров, штурмующих последнюю космическую границу. На Марсе все это оказалось чепухой. Планета лежала перед людьми спокойная, тихая, беззащитная. Ее спокойствие сводило на нет значительность людских подвигов, превращало отважных героев в грубых нарушителей предсмертной тихой дремоты.

Марс был в прострации, он медленно клонился к последнему сну. Но он еще не был мертвым. Поверхность вод еще будоражили сезонные приливы и отливы, хотя, как правило, видна была только легкая рябь. Насекомые еще собирали пыльцу цветов. Еще попадались злаки — редкие из-за скудных почв следы бывших урожаев, но при надлежащем орошении все опять могло пойти в рост. Были там и трипетсы — яркие искрящиеся существа, то ли насекомые, то ли птицы. По ночам появлялись какие-то маленькие создания. Некоторые из них мяукали — почти как котята. А временами, когда на небе появлялись обе луны Марса, мелькали тени, похожие на мартышек. Очень часто был слышен самый

характерный из марсианских звуков — звон медноколыхольцев. Их твердые лепестки, сверкающие, как полированный металл, при малейшем дуновении разреженного воздуха начинали звенеть, и вот уже вся пустыня тихонько звенела крошечными цимбалами.

Сведения об обычаях здешних народов были слишком скудны. Носились слухи о маленьких группах на далеком юге, по-видимому, человекообразных, но серьезные исследования откладывались из-за отсутствия транспорта, приспособленного к разреженной марсианской атмосфере.

Да, здесь проходила своего рода граница, только тут не было места доблести, потому что помимо тихой старости сражаться было почти не с чем. За пределами делового поселения землян Марс оставался страной покоя.

— Мне здесь нравится, — сказала Мэрилин. — Это грустный мир, но он не наводит грусти. Такими бывают песни — иногда. Это успокаивает, умиротворяет.

Франклин был больше озабочен положением Мэрилин, чем она сама, и во всем обвинял себя. Его тревога слегка раздражала ее.

— Что толку искать, кто виноват? — говорила она. — Нужно примириться с положением и принять всевозможные меры предосторожности.

Доктор колонии поддержал ее. Джеймс Форбс был молодым врачом, отнюдь не костоправом. Поэтому он был на своем месте там, где можно было ожидать чего-то необычного, где чуждые условия требовали внимательного изучения. Он взялся за работу на Марсе, потому что это было интересно. Его линия поведения сводилась к тому, чтобы считаться с фактами и подбадривать пациентку. Он отказывался придавать событию особую значительность.

— Не о чем беспокоиться, — заверил он всех. — Еще на заре истории женщины рожали детей в намного более неподходящих местах и в неподходящее время — и давайте покончим с этим делом. Нет никаких оснований ожидать ненормальностей.

Он прибегнул к профессиональной лжи с уверенностью, которая придавала ей особую убедительность. Только в дневнике он позволял себе с тревогой рассуждать о воздействии пониженной гравитации и давления воздуха, о резких перепадах температур, возможности неведомых инфекций и других опасных факторах.

Мэрилин мало беспокоило, что она лишена удобств, имевшихся у нее дома. Вместе со своей прислугой Элен, цветной девушкой, которая помогала ей и составляла компанию, Мэрилин занималась шитьем и мелкими домашними делами. Марс сохранял в ее глазах свое очарование, умиротворял ее. У нее было такое ощущение, что рядом с ней старый умный советчик, который видел слишком много смертей и родов, чтобы волноваться из-за очередных, еще одних.

Дженнесса — дочь Мэрилин — родилась без особых приключений ночью, когда пустыня лежала в лунном свете холодная и такая тихая, что только редкий случайный звон медноколыхольцев нарушал ее безмолвие. Дженнесса была первым земным ребенком, рожденным на Марсе, и совершенно нормальным ребенком — шесть с половиной фунтов, и все, как полагается.

Но в дальнейшем дела пошли несколько хуже. Опасения доктора Форбса насчет чужеродной инфекции оказались обоснованными. Несмотря на всяческие предосторожности, возникли осложнения. С одними расправились при помощи пенициллина и сульфамидов, но другие не поддавались лекарствам. Мэрилин, у которой

поначалу, казалось, было все хорошо, слабела и затем слегла всерьез.

И у ребенка не все шло, как полагается. Так что, когда отремонтированная «Андромеда» наконец стартовала, матери и дочери не было на корабле. Но через несколько дней с Земли должен был прилететь другой корабль. Перед его прибытием доктор решил объяснить Франклину положение дел.

— У меня нет оснований быть в восторге от ребенка, — сказал он. — Девочка не прибавляет в весе, как следовало бы. Она растет, но недостаточно. Совершенно ясно, что здешние условия для нее не годятся. Она может и выжить, но я не берусь угадать, как это скажется на ее конституции. Ей нужны нормальные земные условия и как можно скорее,

Франклин нахмурился.

— А мать?

— Боюсь, что миссис Годэлпин не сможет выдержать путешествие. В ее нынешнем положении и после столь долгого пребывания при пониженной гравитации сомневаюсь, чтобы она вынесла перегрузку.

Франклин смотрел мрачно, все еще не желая понять происходящее.

— Так вы хотите сказать?..

— Да, вот именно. Для вашей жены это путешествие было бы роковым. И роковым для вашей дочери будет пребывание здесь.

Выход был только один. И когда прибыла «Аврора» — следующий корабль, — решено было не откладывать. Для Элен и ребенка взяли места, и в последнюю неделю 1994 года они поднялись на борт.

Родители следили за отправлением «Авроры» из своего дома. Кровать Мэрилин была пододвинута вплотную к окну. Франклин сидел на постели, держа жену за руку. Оба они видели, как ракета взмыла вверх, под-

нялась на узком языке пламени и описала дугу, пока не превратилась в мерцающую точку на темном марсианском небе. Пальцы Мэрилин крепко обхватили руку мужа. Он обнял ее и поцеловал:

— Все будет хорошо, дорогая. Через несколько месяцев ты снова увидишь ее.

Мэрилин погладила его по щеке, но не сказала ничего.

Прошло почти семнадцать лет, прежде чем об «Авроре» услышали снова, но Мэрилин этого уже не узнала. Меньше чем через два месяца она успокоилась навеки в марсианских песках, и над ее могилой нежно звенели медноколокольцы.

Когда Франклин покидал Марс, доктор Форбс был единственным из числа первооткрывателей, кто еще оставался здесь. Они пожали друг другу руки у трапа, ведущего в недра новейшего из ядерных кораблей. Доктор сказал:

— Вот уже пять лет я наблюдал за тем, как ты работаешь и все время перерабатываешь. Ты не старался выжить. Но выжил. Теперь поезжай домой и живи. Ты это заслужил.

Франклин оторвал взгляд от буйно растущего порта Джиллингтон, который за несколько лет превратился из временного поселения в целый город и продолжал расти.

— А как же с тобой? Ты здесь дольше, чем я.

— Но у меня было несколько отпусков. И достаточно долгих, чтобы дома осмотреться и понять — то, что меня по-настоящему интересует, — тут, на Марсе.

Он мог бы добавить еще про второй отпуск, который был настолько долгим, что он успел найти невесту, жениться и привезти ее сюда, но он только сказал:

— Кроме того, я работал, но не перерабатывал.

На этот раз Франклин окинул взглядом просторы за пределами колонии, поля, теперь окаймленные каналами. Там был маленький холмик, отмеченный простым камнем.

— Ты еще молод. И жизнь у тебя в долгу, — сказал доктор.

Франклин, казалось, не расслышал, но доктор знал, что это не так.

— И ты в долгу у жизни, — продолжал он. — Своим сопротивлением ты только приносишь вред себе самому. Мы должны приспособливаться к жизни.

— Интересно... — начал Франклин, но доктор взял его за руку:

— Не надо так. Ты много работал, чтобы забыть. Теперь ты должен начать заново.

— Ты же знаешь, что никаких обломков «Авроры» не находили, — сказал Франклин.

Доктор тихо вздохнул. Кораблей, исчезнувших бесследно, было больше, чем тех, которые оставили следы.

— Начать заново, — твердо повторил он.

Громкоговоритель произнес: «Все на борт! Все на борт!»

Доктор Форбс провожал глазами друга до самого входного люка. Он немного удивился, почувствовав прикосновение к своей руке, и заметил рядом жену.

— Бедняга! — мягко сказала она. — Может быть, когда он вернется домой...

— Может быть, — сказал доктор с сомнением. И добавил: — Желая быть добрым, я был жесток. Я обязан был сделать все возможное, чтобы разрушить эту ложную надежду и освободить его. Но... в общем я не смог.

— Да, — согласилась она. — Ты не мог дать ничего взамен. Но где-нибудь дома, на Земле, найдется же какая-то женщина. Будем надеяться, что вскоре он встретит ее.

Дженнесса оторвалась от задумчивого изучения собственной руки и посмотрела на чужую руку — с серо-голубыми пальцами.

— Я так непохожа на тебя, — со вздохом сказала Дженнесса. — Почему я так непохожа, Телта?

— Все непохожи друг на друга, — сказала Телта, прервав свое занятие: она нарезала в чашку ломтиками бледные круглые плоды. Их глаза встретились: фарфорово-голубые на белом лице вопрошающе смотрели в темные зрачки на топазовом фоне. Появилась маленькая морщинка между изящными серебряными бровями женщины, пристально изучавшей ребенка. — Все непохожи: и я, и Тотти, и Мелга. Так уж мы устроены.

— Но я совсем непохожая. Не такая, как они.

— Не думаю, чтоб ты так уж отличалась от тех, среди которых ты родилась, — сказала Телта, возвращаясь к своим ломтикам.

— А я и маленькая уже была такой?

— Да, дорогая.

Дженнесса задумалась.

— А откуда приходят дети?

Телта объяснила. Дженнесса презрительно сказала:

— Я не это имею в виду. Откуда приходят такие, как я? Непохожие?

— Я не знаю. Но это, должно быть, где-то далеко, очень далеко.

— Где-нибудь на поверхности? Там, где холодно?

— Гораздо дальше. — Телта задумалась на мгновение, затем добавила: — Ты бывала наверху в одном из куполов, когда снаружи все темно? Ты видела, как мерцают звезды?

— Да, Телта.

— Ну вот, должно быть, ты пришла с одной из этих мерцающих точек. Но никто не знает, с которой.

— Это правда, Телта?

— Правда.

Дженнесса сидела тихо, думая о бесконечном ночном небе с мириадами звезд.

— Но почему я не умерла на холоде?

— Ты была близка к тому, дорогая. Тоти нашел тебя вовремя.

— И я была совсем одна?

— Нет, дорогая. Тебя держала на руках твоя мать. Она закутала тебя во все, что могла, только бы уберечь от холода. Холод ее одолел. Когда Тоти нашел ее, она еще чуть-чуть шевелилась. Она указала на тебя и шепнула: «Дженнесса! Дженнесса!» Вот мы и решили, что это твое имя.

Телта остановилась, вспоминая, как Тоти, ее муж, принес дитя с поверхности планеты вниз, в живительное тепло; ребенок согрелся, и дело пошло на лад. Еще несколько минут сыграли бы роковую роль. Холод — страшная вещь. Телта вздрогнула, припоминая рассказ Тоти о том, чем это все обернулось для несчастной черной матери, но она ничего не сказала девочке.

Озадаченная Дженнесса нахмурилась.

— Но как я пришла? Я *упала* со звезды?

— Нет, дорогая. Тебя привез корабль.

Однако слово «корабль» ничего не значило для Дженнессы.

Все это было трудно объяснить ребенку. И самой-то Телте трудно было в это поверить. Ее жизненный опыт был ограничен тем, что ее окружало. Поверхность планеты представлялась ей негостеприимным, страшным местом, царством зубчатых скал и убийственного холода. Она видела ее, только находясь в защищенном куполе. Книжки по истории рассказывали ей о других мирах, где было достаточно тепло, чтобы жить на поверхности планеты, и о том, что ее собственный народ пришел с такой планеты много поколений назад. Она ве-

рила, что это правда, и все же это не было для нее реальностью. Между ней и жизнью на поверхности планеты стояло более пятидесяти поколений предков. Такому стародавнему трудно выглядеть реальным. Тем не менее Телта рассказала Дженнессе историю своего народа в надежде, что это немного утешит девочку.

— С какой звезды они прилетели? С той же, что и я? — хотело знать дитя.

Но Телта не могла ответить.

— Не думаю, что с той же. Когда тебя начали выхаживать доктора, они сказали, что ты, вероятно, родом из большого мира.

— Они долго меня выхаживали?

— Очень.

— Из-за холода?

— Из-за холода и из-за многого другого. Но в конце концов они сделали так, чтобы ты могла здесь жить. Им пришлось работать очень много и немало помудрить. Не раз мы думали, что потеряем тебя.

— Но что они сделали?

— Я мало в этом понимаю. Но, видишь ли, ты предназначена для другого мира. Должно быть, это такой мир, где вес больше, воздух гуще, влага обильней, температура выше и пища другая — множество всего, о чем ты узнаешь, когда станешь старше. Так что они помогли тебе приспособиться к здешним условиям.

Дженнесса задумалась над ее словами.

— Это было очень хорошо с их стороны, — сказала она, — но они были не очень добрыми, правда?

Телта посмотрела на нее с удивлением.

— Дорогая, ты неблагодарна. Что ты имеешь в виду?

— Если они могли сделать все это, почему же они не сделали меня похожей на других? Почему оставили

меня белой, вот такой? Почему они не дали мне таких чудесных волос, как у тебя, вместо этой желтой дряни?

— Дорогая, да у тебя чудесные волосы. Они как прекрасные золотые пили.

— Но они не такие, как у других. Они непохожие. Я хочу быть, как другие. А я урод.

Телта смотрела на нее в горестном затруднении.

— Быть другой породы — это еще не значит быть уродом, — сказала она.

— Нет, значит, если таких больше нет. А я не хочу быть непохожей на других. Я это ненавижу, — сказала Дженнесса.

Мужчина медленно поднимался по мраморным ступеням Клуба Первооткрывателей. Это был человек средних лет, но передвигался он с неуклюжей неуверенностью, присущей старикам. Швейцар поглядел на него с сомнением, затем лицо его прояснилось.

— Добрый вечер, доктор Форбс, — сказал он.

Форбс улыбнулся.

— Добрый вечер, Роджерс. У тебя хорошая память. Ведь прошло двенадцать лет.

Они поболтали несколько минут, затем доктор ушел, сказавши, что будет ожидать гостя в курительной. Он сидел там уже минут десять, когда в дверях появился Франклин Годэлпин с протянутой рукой. Они начали разговор за рюмкой, затем перешли в столовую.

— Итак, наконец-то ты дома и увенчан медицинскими наградами, — сказал Франклин.

— Забавное ощущение, — сказал Форбс. — Прошло целых восемнадцать лет. Я прожил там почти год, прежде чем ты приехал.

— Да, ты заработал отдых. Доставили нас туда другие, но то, что мы там строили и выстояли, — это твоя заслуга.

— Там было чему поучиться. Да и сейчас есть.

Форбсу не была присуща ложная скромность. Он как никто отчетливо видел плоды своей трудной работы. В известном смысле его детищем был и человек, сидящий напротив. Франклин Годэлпин был теперь могуществен, он олицетворял собою «Джэсон майнинг корпорейшн». Но без медиков, которые приспособили людей для Марса, а Марс — для людей, вся деятельность «Джэсон корпорейшн» свернулась бы много лет назад. Так что Форбс чувствовал себя в некотором роде ответственным за Франклина.

— Ты так и не женился? — спросил он.

Франклин покачал головой.

— Нет.

— Тебе нужно жениться. Я уже об этом говорил, помнишь? Ты должен иметь жену и семью. Еще не поздно.

Франклин снова покачал головой.

— Я еще не рассказал тебе о своих новостях, — проговорил он. — Есть известия о Дженнесе.

Форбс уставился на него. Никогда в жизни он не слышал ничего более невероятного.

— Известия? — осторожно повторил он. — Что это значит?

Франклин объяснил:

— Все эти годы я давал объявления насчет «Авторы». Отзывались главным образом пустословы или те, кто считал меня достаточно безумным, чтобы платить просто так, за пустые слова.

Но вот с полгода назад ко мне приехал владелец отеля для космонавтов из Чикаго. У него незадолго перед тем умер человек, который хотел облегчить душу, прежде чем уйти из мира. Владелец отеля передал мне то, что слышал сам.

Умиравший клялся, что «Аврора» не погибла в космосе, как считалось. Он сказал, что его зовут Дженкинсом и что он сам был на борту, поэтому знает все.

По его словам, на «Авроре» через несколько дней после старта был бунт, потому что капитан решил по прибытии на Землю передать часть команды в руки полиции за какие-то неуставленные преступления. Когда бунтовщики взяли верх, их поддерживали все, за исключением одного или двух офицеров, и курс был изменен. Я не знаю, какой у них был план, но сделали они вот что: поднялись над плоскостью эклиптики, перепрыгнули через пояс астероидов и направились к Юпитеру.

У владельца отеля создалось впечатление, что бунтовщики были не столько бесчеловечными бандитами, сколько людьми, впавшими в отчаяние из-за притеснений. Они могли выбросить офицеров и пассажиров за борт, поскольку так или иначе их все равно бы приговорили к повешению. Но они не пошли на такой шаг. Вместо этого, подобно другим пиратам в прошлом, они предпочли высадить большую часть пассажиров и предоставили им спастись, кто как может.

По словам Дженкинса, для высадки была выбрана Европа — второй спутник Юпитера, район двадцатой параллели, и было это в марте или апреле 1995 года. Высаженная группа состояла из двенадцати человек, в нее входила и цветная девушка, ухаживавшая за белым младенцем.

Франклин сделал передышку.

— Владелец отеля выглядел безупречно честным человеком. Умиравшему не имело смысла лгать. И, проверяя корабельные списки, я нашел в команде «Авроры» космонавта по имени Ивэн Дэвид Дженкинс.

Годэлпин закончил рассказ со скрытым торжеством и выжидающе поглядел на собеседника. Но на лице доктора не отразилось энтузиазма.

— Европа? — повторил он задумчиво. И покачал головой.

Франклин нахмурился.

— И больше тебе нечего сказать?

— Нет! — медленно произнес Форбс. — Но я должен сказать одно: более чем невероятно, почти невозможно, чтобы девочка могла выжить.

— «Почти» — не значит «совсем». Я собираюсь все выяснить. Один из наших исследовательских кораблей сейчас на пути к Европе.

Форбс снова покачал головой.

— Было бы разумнее его отозвать.

Франклин уставился на него:

— После всех этих лет? Когда наконец появилась надежда...

Доктор спокойно смотрел на него:

— Мои два мальчика на следующей неделе собираются опять на Марс, — сказал он.

— Не вижу связи.

— Но она есть. У ребят все время болят мышцы. Постоянное напряжение утомляет их, они не могут ни работать, ни наслаждаться жизнью. Их изводит повышенная влажность. Мальчики жалуются, что наш воздух для них — словно густой суп. С тех пор как они сюда приехали, у них не проходит катар. Есть и другие причины. Так что они намерены вернуться.

— А ты остаешься? Это тяжело.

— Еще тяжелее для Энни. Она обожает мальчиков. Но такова жизнь.

— Ну и что?

— Значит, все дело в условиях. Когда мы создаем новую жизнь, она пластична. Независима. Мы сами не можем жить чужой жизнью с той же легкостью, как и своей собственной. Мы можем разве что понять, какие условия для ее формирования наилучшие и какой путь здесь для нас наилучший. Если же события ускользают из-под нашего контроля, то происходит одно из двух: либо новое существо приспосабливается к условиям, либо нет, и тогда это означает смерть.

Мы с легкостью рассуждаем о покорении тех или иных естественных барьеров, но понаблюдай за действиями человеческими и обнаружишь, что гораздо чаще покоряемся мы сами.

Мои мальчики приспособились к марсианским условиям. Земля для них не подходит. А Энни и я некоторое время выносили Марс, но мы, взрослые, не способны к полной адаптации. И вот мы должны либо вернуться домой, либо остаться на Марсе и рано умереть.

— Ты полагаешь... ты думаешь, что Дженнесса...

— Я не знаю, что именно могло случиться, но я об этом думал. И не уверен, что ты вообще об этом думал...

— Кое о чем я думал за эти семнадцать лет...

— Точнее сказать, «мечтал», да? — Доктор мягко посмотрел на него, немного наклонив голову набок. — Некогда, во времена бны, наш с тобой предок вышел из воды на сушу. Он начал приспосабливаться и приспособился настолько, что уже не смог вернуться к своим родичам обратно в море. Такой процесс мы условились называть прогрессивным. Это неотделимо от жизни. Если ты остановишь этот процесс, ты остановишь жизнь.

— С точки зрения философской, может, это звучит и убедительно, но я не интересуюсь абстракциями. Меня интересует моя дочь.

— А как ты полагаешь, твоя дочь очень интересуется тобой? Я понимаю, это бессердечно, но, я вижу, у тебя в голове засела идея родственной близости. Ты путаешь обычаи цивилизации с законами природы. Может, и все мы более или менее грешим этим.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Откровенно говоря: если Дженнесса выжила, она стала чужой, более чужой, чем любой чужестранец Земли.

— Там было одиннадцать других — они могли научиться ее цивилизованному поведению и языку.

— Если хоть кто-то из них выжил. Предположим, что они не выжили или она как-то оказалась с ними разлучена. Достоверно известны случаи с детьми, которых вырастили волки, леопарды и даже антилопы, и никто из этих детей не превратился хотя бы в слабое подобие выдуманного Тарзана. Все остались неполноценными людьми. Адаптация работает в обе стороны — и туда, и сюда.

— Даже если она жила с дикарями, она сможет выучиться.

Доктор Форбс пристально взглянул на него.

— Я не думаю, что ты читал много книг по антропологии. Первым делом она забыла бы основы известной ей культуры. Посмотри на другие расы здесь, на Земле, и спроси себя, возможно ли это? Конечно, можно навести внешний лоск. Но не более... — он пожал плечами.

— И все же есть голос крови...

— Так ли? Если ты повстречаешь своего прадедушку, что у вас будет общего? Узнаешь ли ты его вообще?

Но Фрэнклин был упрям:

— Почему ты так разговариваешь, Джимми? Другого я бы и слушать не стал. Почему ты стараешься разбить все мои надежды? Ты их не разобьешь, ты это знаешь. Теперь не разобьешь. Но почему ты стараешься?

— Да потому, что я люблю тебя. Потому, что при всех твоих житейских успехах ты еще молодой человек с романтическими грезами. Я тебе советовал жениться еще раз. Ты этого не сделал — предпочел мечту реальности. Эта мечта жила в тебе так долго, что стала частью твоего Я. Но ты мечтал только об одном — чтобы искать Дженнессу, а не о том, чтобы ее *найти*. Вся твоя жизнь сосредоточилась на этом сне. Но если ты

ее найдешь — неважно, в каком состоянии, — мечта придет к концу, потому что поставленная цель будет достигнута. И у тебя не останется ничего.

Франклин беспокойно заерзал:

— У меня есть планы для дочери.

— Для дочери, которую ты не знаешь? Нет, для придуманной дочери — для той, что существует только в твоём воображении. Но какую бы дочь ты ни нашёл, это будет реальная личность, а не кукла из твоих сновидений, Фрэнк.

Доктор Форбс помедлил, следя за кольцами дыма от сигареты. Ему хотелось сказать: «Какой бы она ни была, ты возненавидишь её за то, что она не точная копия твоей мечты». Но он решил, что не стоит этого говорить. Ему пришло в голову распространиться насчёт горя девушки, которую оторвут от всего привычного, но он заранее знал ответ Франклина: «У меня хватит денег и на то, чтоб окружить её роскошью, и на то, чтобы её утешить». Он сказал сегодня достаточно, возможно, даже слишком много, но до Франклина не дошло ничего. И Форбс решил оставить всё как есть и надеяться. В конце концов было маловероятно, что Дженнесса выжила или найдётся.

Напряжённое выражение на лице Франклина постепенно сгладилось. Он улыбнулся.

— Ну, ты своё сказал. Ты считаешь, что я как бы в шоковом состоянии, и хочешь подготовить меня, но я всё понимаю. Я всё обсудил и обдумал уже давно. И если будет нужно, я примирюсь со всем.

Взгляд доктора Форбса чуть-чуть задержался на лице собеседника. Он украдкой тихо вздохнул.

— Ну хорошо, — согласился он и перевёл разговор на другую тему.

— Видишь ли, — сказал Тотт, — это очень маленькая планета,

— Спутник, — кивнула Дженнесса, — спутник Яна.

— И в то же время спутник Солнца. Здесь ужасно холодно.

— Почему же ваш народ выбрал эту планету? — рассудительно спросила Дженнесса.

— Видишь ли, когда мир стал умирать, мы должны были умереть вместе с ним или же уйти куда-нибудь, и наш народ стал думать о тех мирах, до которых мы могли добраться. Но одни были слишком горячими, другие — чересчур большими...

— А почему чересчур большие плохи?

— Из-за притяжения. На большой планете мы бы едва ползали.

— А не могли они, ваши люди... не могли они сделать все легче?

Тоти отрицательно покачал головой.

— Увеличение веса можно имитировать, как мы это делаем здесь. Но еще никому не удавалось имитировать уменьшение — мы думаем, что это никогда никому и не удастся. Теперь ты понимаешь, что нашему народу пришлось выбрать маленький мир. У Яна все луны с суровым климатом, это еще лучшая из них — и наш народ был в отчаянии. Высадившись здесь, наши люди жили в космических кораблях и начали постепенно опускаться в глубину, чтобы уйти от холода. И они прожгли дорогу вниз, создавая залы, и комнаты, и галереи, и баки для выращивания пищи, и обработанные поля, и все остальное. Затем они изолировали свое хозяйство, утеплились, покинули корабли и продолжали работать внутри. Все это было очень-очень давно.

Дженнесса сидела в задумчивости.

— Телта сказала, что, можст, я прибыла с третьей планеты — Соннал. Ты тоже так думаешь?

— Может быть. Мы знаем, что там есть какая-то цивилизация.

— Если они прилетели однажды, может, они прилетят снова и возьмут меня домой?

Тоти посмотрел на нее, встревоженный и слегка уязвленный.

— Домой? — переспросил он. — Для тебя это будет дом?

Дженнесса заметила его волнение. Белая рука быстро легла на серо-голубую.

— Извини, Тоти. Я не хотела тебя обидеть. Я люблю тебя, и Телту, и Мелгу. Ты это знаешь. Это как бы... о, ты не можешь знать, что это значит быть другой, отличающейся от всех. Я так устала быть уродом, Тоти, дорогой. Ведь я устроена так же, как все девушки. Можешь ли ты понять, что это значит для меня — быть нормальной, такой, как все?

Тоти помолчал, потом заговорил озабоченным голосом:

— Дженнесса, ты никогда не думала, что этот мир, где ты провела всю жизнь, — твой собственный мир? Другой может показаться тебе очень... очень странным.

— Ты думаешь, что странно жить на поверхности, а не в глубине? Да, это забавно.

— Не совсем так, дорогая, — заботливо сказал он. — Ты знаешь, что, после того как я нашел тебя и принес к нам, доктора должны были немало поработать, чтобы спасти тебе жизнь?

— Телта говорила мне, — кивнула Дженнесса. — И что они сделали?

— Ты знаешь, что такое железы?

— Кажется, знаю. Они что-то контролируют.

— Вот именно. И твои были устроены так, чтобы контролировать то, что пригодно для твоего мира. Так что доктора должны были действовать очень вдумчиво. Им пришлось сделать очень точные инъекции, чтобы

твой железы работали в другом режиме, подходящем для здешней жизни. Понимаешь?

— Чтобы мне было хорошо при нязкой температуре и чтобы я могла переваривать здешнюю пищу и потребляла бы меньше кислорода. Телта рассказывала мне о чем-то таком.

— Да, о чем-то таком, — согласился Тоти. — Это называется адаптацией. Доктора сделали все, что могли, чтобы приспособить тебя для жизни на этой планете, с нами.

— Это было очень хорошо с их стороны, — сказала Дженнесса то же, что и Телте несколько лет назад. — Но почему они не сделали больше? Почему они оставили меня такой белой? Почему они не сделали мне такие чудесные серебряные волосы, как у тебя и Телты? Тогда я не была бы уродом. Я бы чувствовала, что принадлежу к здешнему миру. — Слезы стояли в ее глазах.

Тоти обнял девушку.

— Милая моя бедняжка! Я и не знал, что это так тяжело. Мы с Телтой любим тебя, как родную дочь.

— Не понимаю, как вы можете — когда я *такая!* — Она держала на весу свою бледную руку.

— Но мы любим тебя, Дженнесса, дорогая. Разве кожа значит так уж много?

— Это она делает меня непохожей на вас. Она все время напоминает мне, что я принадлежу к другому миру. Может, когда-нибудь я уеду туда.

Тоти нахмурился.

— Это пустые сны, Дженнесса. Ты не знаешь других миров, кроме этого. Там все будет не так, как ты ожидаешь. Перестань грезить, перестань терзать себя, дорогая. Настройся на то, чтобы быть счастливой здесь с нами.

— Ты не понимаешь, Тоти, — мягко сказала она. — Где-то есть люди, похожие на меня, моей породы.

Этот разговор происходил всего лишь за несколько месяцев до того, как наблюдатели одного из куполов доложили о посадке космического корабля.

— Слушай, ты, старый циник, — голос Франклина послышался чуть ли не раньше, чем его изображение прорезалось на экране. — Они нашли ее, она на пути к дому!

— Нашли? Дженнессу? — переспросил доктор Форбс, запинаясь.

— Конечно, ее. О ком еще я мог бы говорить?

— А ты... ты уверен в этом?

— Ты старый скептик. Да разве бы я стал тебе звонить, если бы не был уверен? Она сейчас на Марсе. Корабль пристал, чтобы заправиться горючим и подождать сближения планет.

— Но ты совершенно уверен?

— Имя то же. И при ней нашли кое-какие бумаги.

— Ну, я полагаю...

— Тебе и этого мало? — Изображение на экране усмехнулось. — Ну, хорошо. Взгляни-ка на это...

Он дотянулся до фотографии на столе и поднес ее вплотную к экрану передатчика.

— Я велел им снять ее там и передать по радио, — пояснил Франклин. — Ну как?

Доктор Форбс внимательно осмотрел фото. Там была изображена девушка на фоне неровной стены. Вся ее одежда состояла из куска светящейся материи, обернутой вокруг тела на манер сари. Белокурые волосы были причесаны необычным образом. Но главное не прическа — у доктора перехватило дыхание: из прошлого, из восемнадцатилетней дали на него смотрело лицо Мэрилин Годэлпин.

— Да, — медленно сказал он. — Да, это Дженнесса. Я не знаю, что и сказать.

— Даже не поздравишь?

— Да, о да, конечно. Да..., это просто чудо. Я не привык к чудесам.

В тот день, когда газеты объявили, что «Хлоя» — исследовательский корабль, принадлежащий «Джэсон майнинг корпорейшн», — должна приземлиться около полудня, доктор был очень рассеян. Он был уверен, что получит приглашение от Франклина Годэллина, и ничем не мог заняться, пока оно не пришло. Часа в четыре зазвонил колокольчик; доктор, торопясь и волнуясь, включил экран. Но на экране не появился долгожданный Франклин. Вместо этого на доктора глянуло встревоженное лицо женщины. Форбс узнал экономку Годэллина.

— Я насчет мистера Годэллина, доктор, — сказала она. — Он заболел. Не могли бы вы приехать?..

Такси за пятнадцать минут доставило доктора в дом Франклина. Его встретила экономка и торопливо повела к лестнице сквозь толпу журналистов, фотографов и комментаторов, наполнивших холл. Франклин лежал на кровати полураздетый. Рядом стояла перепуганная девушка — секретарша. Доктор Форбс осмотрел больного и сделал укол.

— Шок, результат волнения, — сказал он. — Не удивительно. Он последнее время был в таком напряжении. Держите его в постели. Горячие бутылки к ногам и проследите, чтобы ему было тепло.

Когда он повернулся, экономка сказала:

— Доктор, поскольку уж вы здесь... Там еще... Я хочу сказать, если вы собирались посмотреть заодно на... на мисс Дженнессу тоже.

— Да, конечно. Где она?

Экономка подвела его к другой комнате.

— Она там, доктор.

Форбс толкнул дверь и вошел. Звуки горького плача оборвались. Плакала девочка, стоящая у кровати к нему спиной.

— А где... — начал он. И тут ребенок повернулся.

Это было не детское лицо. Лицо Мэрилин, волосы Мэрилип; на доктора смотрели глаза Мэрилин. Мэрилин, но ростом в двадцать пять дюймов — Дженнесса.

В плену у Весты

— Может быть, ты перестанешь ходить взад и вперед? — донесся с дивана голос Уоррена Мура. — Вряд ли нам это поможет; подумай-ка лучше о том, как нам дьявольски повезло — никакой утечки воздуха, верно?

Марк Брэндон стремительно повернулся к нему и скрипнул зубами.

— Я рад, что ты доволен нашим положением, — ядовито заметил он. — Конечно, ты и не подозреваешь, что запаса воздуха хватит всего на трое суток. — С этими словами он возобновил бесконечное хождение по каюте, с вызывающим видом поглядывая на Мура.

Мур зевнул, потянулся и, расположившись на диване поудобнее, ответил:

— Напрасная трата энергии только сократит этот срок. Почему бы тебе не последовать примеру Майка? Его спокойствию можно позавидовать.

«Майк» — Майкл Ши — еще недавно был членом экипажа «Серебряной королевы». Его короткое плотное тело покоилось в единственном на всю каюту кресле, а ноги лежали на единственном столе. При упоминании его имени он поднял голову, и губы у него растянулись в кривой усмешке.

— Ничего не поделаешь, такое случается, — заметил он. — Полеты в поясе астероидов — рискованное

занятие. Нам не стоило делать этот прыжок. Потратили бы больше времени, зато были бы в безопасности. Так нет же, капитану не захотелось нарушать расписание; он решил лететь напрямик, — Майк с отвращением сплюнул на пол, — и вот результат.

— А что такое «прыжок»? — спросил Брэндон.

— Очевидно, наш друг Майк хочет этим сказать, что нам следовало проложить курс за пределами астероидного пояса вне плоскости эклиптики, — ответил Мур. — Верно, Майк?

После некоторого колебания Майк осторожно ответил:

— Да, пожалуй.

Мур вежливо улыбнулся и продолжал:

— Я не стал бы обвинять во всем случившемся капитана Крейна. Защитное поле вышло из строя за пять минут до того, как в нас врезался этот кусок гранита. Так что капитан не виноват, хотя, конечно, ему следовало бы избегать астероидного пояса и не полагаться на антиметеорную защиту. — Он задумчиво покачал головой. — «Серебряная королева» буквально рассыпалась на куски. Нам просто волшебю повезло, что эта часть корабля осталась невредимой и, больше того, сохранила герметичность.

— У тебя странное представление о везении, Уоррен, — заметил Брэндон. — Сколько я тебя помню, ты всегда этим отличался. Мы находимся на обломке — это всего одна десятая корабля, три уцелевшие каюты с запасом воздуха на трое суток и перспективой верной смерти по истечении этого срока, и у тебя хватает наглости говорить о том, что нам повезло!

— По сравнению с теми, кто погиб в момент столкновения с астероидом, нам действительно повезло, — последовал ответ Мура.

— Ты так считаешь? Тогда позволь напомнить тебе, что мгновенная смерть совсем не так уж плоха по

сравнению с тем, что предстоит нам. Смерть от удушья — чертовски неприятный способ проститься с жизнью.

— Может быть, нам удастся найти выход, — с надеждой в голосе заметил Мур.

— Почему ты отказываешься смотреть правде в глаза? — лицо Брэндона покраснело, и голос задрожал. — Нам конец! Конец!

Майк с сомнением перевел взгляд с одного на другого, затем кашлянул, чтобы привлечь внимание.

— Ну что ж, джентльмены, поскольку наше дело — труба, я вижу, что нет смысла что-то утаивать. — Он вытащил из кармана плоскую бутылку с зеленоватой жидкостью. — Превосходная джабра, ребята. Я готов со всеми вами поделиться.

Впервые за день на лице Брэндона отразился интерес.

— Марсианская джабра! Что же ты раньше об этом не сказал?

Но только он потянулся за бутылкой, как его кисть стиснула твердая рука. Он повернул голову и встретился взглядом со спокойными синими глазами Уоррена Мура.

— Не валяй дурака, — сказал Мур, — этого не хватит, чтобы все три дня беспробудно пьянствовать. Ты что, хочешь сейчас накачаться, а потом встретить смерть трезвым как стеклышко? Оставим эту бутылочку на последние шесть часов, когда воздух станет тяжелым и будет трудно дышать — вот тогда мы ее прикончим и даже не почувствуем, как наступит конец, — нам будет все равно.

Брэндон неохотно убрал руку.

— Черт побери, Майк, у тебя в жилах не кровь, а лед. Как тебе удастся держаться молодцом в такое время? — Он махнул рукой Майку, и бутылка исчезла у того в кармане. Брэндон подошел к иллюминатору и уставился в пространство,

Мур приблизился к нему и по-дружески положил руку на плечо юноши. — Не падо так переживать, приятель, — сказал он. — Эдак тебя ненадолго хватит. Если ты не возьмешь себя в руки, то через сутки свихнешься.

Ответа не последовало. Брэндон не сводил глаз с шара, заполнившего почти весь иллюминатор. Мур продолжил:

— И лицезрение Весты ничем не поможет тебе.

Майк Ши встал и тоже тяжело двинулся к иллюминатору.

— Если бы нам только удалось спуститься, мы были бы в безопасности. Там живут люди. Сколько нам осталось до Весты?

— Если прикинуть на глазок, не больше чем триста-четыреста миль, — ответил Мур. — Не забудь, что диаметр самой Весты всего двести миль.

— Спасение — в трех сотнях миль, — пробормотал Брэндон. — А мог бы быть весь миллион. Если бы только нам удалось заставить этот паршивый обломок изменить орбиту... Понимаете, как-нибудь оттолкнуться, чтобы упасть на Весту. Ведь нам не угрожает опасность разбиться, потому что силы тяжести у этого карлика не хватит даже на то, чтобы раздавить крем на пирожном.

— И все же этого достаточно, чтобы удержать нас на орбите, — заметил Брэндон. — Должно быть, Веста захватила нас в свое гравитационное поле, пока мы лежали без сознания после катастрофы. Жаль, что мы не подлетели поближе; может, нам удалось бы опуститься на нее.

— Странный астероид эта Веста, — заметил Майк Ши. — Я раза два-три был на ней. Ну и свалка! Вся покрыта чем-то, похожим на снег, только это не снег. Забыл, как называется...

— Замерзший углекислый газ? — подсказал Мур.

— Во-во, сухой лед, этот самый углекислый. Говорят, именно поэтому Веста так ярко сверкает в небе.

— Конечно, у нее высокий альбедо.

Майк подозрительно покосился на Мура, однако решил не обращать внимания.

— Из-за этого снега трудно разглядеть что-нибудь на поверхности, но если присмотреться, то воп там, — он ткнул пальцем, — видно что-то вроде грязного пятна. По-моему, это обсерватория, купол Беннетта. А вот купол Калорна, у них там заправочная станция. На Весте много других зданий, только отсюда я не могу их рассмотреть.

После минутного колебания Майк повернулся к Муру:

— Послушай, босс, вот о чем я подумал. Разве они не примутся за поиски, как только узнают о катастрофе? К тому же нас будет нетрудно заметить с Весты, верно?

Мур покачал головой.

— Нет, Майк, никто нас не станет разыскивать. О катастрофе узнают только тогда, когда «Серебряная королева» не вернется в назначенный срок. Видишь ли, когда мы столкнулись с астероидом, то не успели послать SOS, — он тяжело вздохнул, — да и с Весты очень трудно нас заметить. Наш обломок так мал, что даже с такого небольшого расстояния нас можно увидеть, только если знаешь, что и где искать.

— Хм. — На лбу у Майка прорезались глубокие морщины. — Значит, нам нужно сесть на поверхность Весты еще до того, как истекут эти три дня.

— Ты попал в самую точку, Майк. Вот только бы узнать, как это сделать...

— Когда наконец вы прекратите эту идиотскую болтовню и приметесь за дело? — взорвался Брэндон. — Ради бога, придумайте что-нибудь!

Мур пожал плечами и молча вернулся на диван. Он откинулся на подушки с внешне беззаботным видом, но крохотная морщинка между бровями свидетельствовала о сосредоточенном раздумье.

Да, сомнений не было; положение у них незавидное. В который раз он вспомнил события вчерашнего дня.

Когда астероид врезался в космический корабль, разнеся его на куски, Мур мгновенно потерял сознание; неизвестно, как долго он пролежал, потому что его часы разбились при падении, а других поблизости не было. Придя, наконец, в сознание, он обнаружил, что Марк Брэндон, его сосед по каюте, и Майк Ши, член экипажа, были наряду с ним единственными живыми существами на оставшемся от «Серебряной королевы» обломке.

И этот обломок вращался сейчас по орбите вокруг Весты. Пока что все было в порядке — более или менее. Запаса пищи хватит на неделю. Под их каютой находится региональный гравитатор, создающий нормальную силу тяжести, — он будет работать неограниченное время, во всяком случае больше трех дней, на которые хватит воздуха. С системой освещения дело обстояло похуже, но пока она действовала.

Не приходилось сомневаться, где тут уязвимое место. Запас воздуха на три дня! Это, конечно, не означало, что неполадок больше не существует. У них отсутствовала отопительная система, но пройдет немало времени, прежде чем их обломок излучит в космическое пространство такое большое количество тепла, что температура внутри заметно понизится. Намного важнее было то, что у них не имелось ни средств связи, ни двигателя. Мур вздохнул. Одна исправная дюза поставила бы все на свои места — достаточно лишь одного толчка в нужном направлении, чтобы в целости доставить их на Весту,

Морщинка между бровями стала глубже. Что же делать? В их распоряжении — один космический костюм, один лучевой пистолет и один детонатор. Вот и все, что удалось обнаружить после тщательного осмотра всех доступных частей корабля. Да, дело дрянь.

Мур встал, пожал плечами и налил себе стакан воды. Все еще погруженный в свои мысли, он машинально проглотил жидкость; затем ему в голову пришла некая идея. Он с любопытством взглянул на бу-мажный стаканчик в своей руке.

— Послушай, Майк, а сколько у нас воды? — спросил он. — Странно, что я не подумал об этом раньше.

Глаза Майка широко раскрылись, и на лице его отразилось крайнее удивление.

— А разве ты не знаешь, босс?

— Не знаю чего? — нетерпеливо спросил Мур.

— У нас сосредоточен весь запас воды. — Майк развел руки, как будто хотел охватить весь мир. Он замолчал, но поскольку выражение лица Мура по-прежнему было недоумевающим, добавил: — Разве не видите? Нам достался основной резервуар, в котором находится весь запас воды для «Серебряной королевы», — и Майк показал на одну из стен.

— Ты хочешь сказать, что рядом с нами резервуар, полный воды?

Майк энергично кивнул.

— Совершенно точно, сэр! Бак в форме куба, каждая сторона — тридцать футов. И он на три четверти полон.

Мур был поражен.

— Семьсот пятьдесят тысяч кубических футов воды... — Внезапно он спросил: — А почему эта вода не вытекла через разорванные трубы?

— Из бака ведет только одна труба, проходящая по коридору возле этой каюты. Когда астероид врезался

в корабль, я как раз ремонтировал кран и был вынужден закрыть его перед началом работы. Когда ко мне вернулось сознание, я открыл трубу, ведущую к нашему крану, но в настоящее время это единственная труба, ведущая из бака.

— Ага. — Где-то глубоко внутри Мур испытывал странное чувство. В его мозгу маячила какая-то мысль, но он никак не мог ухватиться за нее. Он понимал только одно — что сейчас услышал важное сообщение, но был не в силах установить, какое именно.

Тем временем Брэндон молча выслушал Ши и разразился коротким смехом, полным горечи.

— Кажется, судьба решила потешиться над нами вволю. Сначала она помещает нас на расстоянии протянутой руки от спасения, а затем поворачивает дело так, что спасение становится для нас недостижимым.

— И еще она дает нам запас пищи на неделю, воздуха — на три дня, а воды — на год. На целый год, слышите! Теперь у нас хватит воды, чтобы и пить, и полоскать рот, и стирать, и брать ванны — для чего угодно! Вода — черт бы побрал эту воду!

— Ну, не надо принимать это так близко к сердцу, — сказал Мур, стараясь поднять настроение Брэндона. — Представь себе, что наш корабль — спутник Весты, а он и на самом деле ее спутник. У нас есть свой период вращения и оборота вокруг нее. У нас есть экватор и ось. Наш «северный полюс» находится где-то в районе иллюминатора и обращен к Весте, а наш «юг» — на обратной стороне, в районе резервуара с водой. Как и подобает спутнику, у нас есть атмосфера, а теперь мы открыли у себя и океан.

— А если говорить серьезно, положение наше не так уж плохо. Те три дня, на которые нам хватит запаса воздуха, мы можем есть по две порции и пить, пока вода не польется из ушей. Черт побери, у нас столько воды, что мы можем даже выбросить часть...

Прежде смутная мысль теперь внезапно оформилась и созрела. Небрежный жест, которым он сопровождал свое последнее замечание, был прерван. Рот Мура захлопнулся, а голова резко дернулась вверх.

Однако Брэндон, погруженный в свои мысли, не заметил странного поведения Мура.

— Почему бы тебе не довести до конца эту аналогию со спутником? — язвительно заметил он. — Или ты, как Профессиональный Оптимист, не обращаешь внимания на те факты, которые противоречат твоим выводам? На твоем месте я бы добавил вот что. — И он продолжал голосом Мура: — В настоящее время спутник пригоден для жизни и обитаем, однако в связи с тем, что через три дня запасы воздуха истощатся, ожидается его превращение в мертвый мир.

— Ну, почему ты не отвечаешь? Почему стремишься обратить все в шутку? Разве ты не замечаешь... Что случилось?

Последняя фраза прозвучала как возглас удивления, и, право же, поведение Мура заслуживало такой реакции. Внезапно он вскочил и, постучав себя костяшками по лбу, молча застыл на месте, глядя куда-то вдаль отсутствующим взглядом. Брэндон и Майк Ши следили за ним в безмолвном изумлении.

Внезапно Мур воскликнул:

— Ага! Вот! И как же я раньше до этого не додумался? — Затем его восклицания перешли в неразборчивое бормотание.

Майк со значительным видом достал из кармана бутылку джабры, но Мур только нетерпеливо отмахнулся. Тогда Брэндон без всякого предупреждения ударил потрясенного Мура правым кулаком в челюсть и опрокинул его на пол.

Мур застонал и потер щеку. Затем он спросил негодующим голосом:

— За что?

— Только встань на ноги, получишь еще! — крикнул Брэндон. — Мое терпение лопнуло! Мне до смерти надоели все ваши проповеди и многозначительные разговоры. Ты просто спятил!

— Еще чего, спятил! Просто возбужден, вот и все. Послушай, ради бога. Мне кажется, я нашел способ...

Брэндон посмотрел на Мура недобрый взглядом.

— Нашел способ, вот как? Пробудишь в нас надежду как-нибудь идиотским планом, а потом обнаружишь, что он нереален. С меня хватит. Я найду применение воде — утоплю тебя, к тому же при этом сэкономлю воздух.

Хладнокровие изменило Муру.

— Послушай, Марк, это не твое дело. Я все сделаю один. Мне не нужна твоя помощь, обойдусь как-нибудь. Если ты так уверен, что умрешь, и так этого боишься, почему бы тебе не покончить сразу? У нас есть лучевой пистолет и детонатор, и то и другое — надежное оружие. Выбирай одно из них и убей себя. Обещаю, что я и Ши не будем тебе мешать.

Брэндон попытался вызывающе посмотреть на Мура, но вдруг сдался целиком и полностью.

— Ну хорошо, Уоррен, я согласен. Я... я и сам не знаю, что на меня нашло. Мне нехорошо, Уоррен. Я...

— Ну-ну, ничего, мой мальчик, — Муру стало жалко юношу. — Не надо волноваться. Я понимаю тебя, со мной то же самое. Только не поддавайся панике. Держи себя в руках, а то спятишь. Попытайся теперь заснуть и положишься на меня. Все еще изменится к лучшему.

Брэндон, схватившись за голову, разламывающуюся от боли, неверными шагами подошел к дивану и упал на него. Безмолвные рыдания сотрясали его тело. Мур и Ши, не зная, чем помочь, в замешательстве стояли рядом.

Наконец Мур толкнул локтем Ши.

— Пошли, — прошептал он. — Пора браться за дело. Шлюз номер пять находится в конце коридора, верно? — Ши кивнул, и Мур продолжал: — Он по-прежнему герметичен?

— Ну, — ответил Ши, подумав, — внутренняя дверь, конечно, герметична, но за внешнюю я не ручаюсь. Возможно, она похожа на решето. Видишь ли, когда я испытывал стену на герметичность, я не решился открыть внутреннюю дверь, потому что если внешняя дверь неисправна — жжж-ик! — И он сопровождал свои слова красноречивым жестом.

— Тогда нам в первую очередь нужно проверить внешнюю дверь. Мне необходимо выбраться наружу, придется пойти на риск. Где космический костюм?

Мур спял с вешалки в шкафу единственный костюм, перекинул его через плечо и пошел по длинному коридору, ведущему вдоль каюты. Он миновал закрытые двери, служившие герметическими барьерами — раньше за ними находились каюты для пассажиров, но сейчас это были открытые в космос пещеры. В конце коридора находилась тяжелая, заподлицо со стеной дверь шлюза номер пять.

Мур остановился и внимательно осмотрел ее.

— Как будто все в порядке, — заметил он, — но, конечно, неизвестно, что по ту сторону. Надеюсь, там тоже все в порядке. — Он нахмурился. — Пожалуй, можно использовать весь коридор в качестве воздушного шлюза — пусть дверь в нашу каюту будет внутренней, а эта дверь — наружной, однако в таком случае мы потеряем половину нашего запаса воздуха. Мы не можем себе этого позволить, пока еще не можем. — Он повернулся к Ши: — Ну что ж, хорошо. Индикатор показывает, что последний раз шлюз использовался для входа, так что он должен быть полон воздуха.

Чуть-чуть приоткрой дверь и, если услышишь шипение, немедленно захлопни ее. Ну, поехали!

И дверь чуть приоткрылась. При столкновении с метеором механизм открывания двери был, очевидно, поврежден — обычно он работал бесшумно, а сейчас громко скрипел, но все же действовал. В левом углу двери появилась тонкая, как волосок, черная линия — это дверь на крохотную долю дюйма откатилась на своих подшипниках. Шипения не было! С лица Мура исчезло обеспокоенное выражение. Он достал из кармана небольшой кусок картона и приложил его к щели. Если бы через образовавшуюся щель вытекал воздух, его поток прижал бы кусок картона к двери. Картон соскользнул на пол. Майк Ши сунул указательный палец в рот, а затем приложил его к щели.

— Слава богу! — прошептал он. — Никаких следов утечки.

— Ладно, ладно. Открой пошире. Действуй.

Новый нажим на рычаг, и дверь приоткрылась еще немного. Все еще никакой утечки. Медленно, очень медленно, с жалобным скрипом дверь открывалась, все шире и шире. Мур и Ши затаили дыхание — они боялись, как бы наружная дверь, хотя и герметически закрытая, не оказалась настолько расшатанной, чтобы податься в любую минуту. Но она устояла! С ликующим видом Мур начал натягивать космический костюм.

— Пока все идет хорошо, Майк, — сказал он. — Сиди здесь и жди меня. Не знаю, сколько времени мне потребуется, но я вернусь. А где лучевой пистолет? Ты его захватил?

Ши протянул ему пистолет.

— Что ты задумал, Уоррен? Хотелось бы знать.

Мур, который в этот момент застегивал шлем, остановился.

— Ты слышал, как я сказал, что у нас много воды и часть ее мы можем даже выбросить? Вот пад этим-то я и задумался — не такая уж плохая мысль. Я как раз и собираюсь выбросить воду. — И без дальнейших объяснений он вошел в шлюз, оставив по ту сторону двери весьма озадаченного Майка Ши.

С бешено колотящимся сердцем Мур ждал, когда откроется наружная дверь. Его план был необыкновенно прост, но осуществить его будет нелегко.

Раздался скрежет храповиков и шестеренок. Воздух с шипением исчез в пустоте. Дверь соскользнула на несколько дюймов и остановилась. Сердце Мура замерло — на мгновение он подумал, что дверь больше не откроется, — несколько раз дернул ее, и дверь, наконец, скользнула в сторону.

Мур пристегнул к руке магнитный держатель и осторожно сделал шаг в пространство. Неловко, на ощупь начал он пробираться вдоль борта корабля. Ему еще ни разу не приходилось бывать в открытом космосе, и его, прижавшегося к металлической стене, подобно мухе, охватил смертельный страх. На мгновение он почувствовал головокружение.

Он закрыл глаза и минут пять висел, прижавшись к гладкой поверхности, которая еще недавно была бортом «Серебряной королевы». Магнитный присосок надежно удерживал его, и когда Мур снова открыл глаза, он почувствовал, что к нему вернулась уверенность.

Он огляделся и впервые с момента катастрофы увидел не только Весту, как из иллюминатора их каюты, а и звезды. Он окинул взглядом небосвод в поисках крошечной бело-голубой искорки — планеты Земля. Его всегда забавляло, что космонавты, глядя на небо, неизменно искали в первую очередь Землю, но на этот раз ему было не до смеха. Однако его поиски остались безрезультатными. Земля не была видна. Очевидно, Веста закрывала и Землю и Солнце.

И все-таки Мур не мог не обратить внимания на другие небесные тела. Слева от него был Юпитер — сверкающий шар размером с горошину. Мур увидел два спутника, обращающихся вокруг него. Невооруженным глазом был виден и Сатурн — яркая планета небольшой величины, при наблюдении с Земли соперничающая с Венерой.

Мур ожидал, что увидит немало астероидов, поскольку их орбита проходила через астероидный пояс, однако космическое пространство выглядело удивительно пустым. Только один раз ему показалось, что в нескольких милях что-то стремительно пронеслось мимо, однако скорость была настолько велика, что он не был уверен, не почудилось ли это ему.

Ну и, конечно, Веста. Астероид прямо под ним выглядел, как воздушный шар, закрывающий четверть небосклона. Веста медленно плыла в пространстве, белая как снег, и Мур смотрел на нее с нескрываемым вожделением. Если как следует оттолкнуться от борта корабля, подумал он, можно упасть на Весту. Может, ему удастся благополучно достичь ее, и тогда он сумеет спасти остальных. Однако скорее всего он просто перейдет на другую орбиту вокруг Весты. Нет, нельзя так рисковать.

Он вспомнил, что время не ждет. Окинул взглядом борт корабля, разыскивая бак с водой, но увидел только переплетение металлических стен, зазубренных, остро-конечных и изогнутых. Он заколебался. Очевидно, ему не оставалось ничего другого, как отыскать освещенный иллюминатор своей каюты и уж оттуда добраться до бака.

Осторожно Мур начал ползти вдоль стены корабля. Не успел он одолеть и пяти ярдов, как гладкая обшивка кончилась. Перед ним открылась зияющая пещера, в которой Мур опознал каюту, примыкавшую к коридору с дальнего конца. Он нервно передернул плечами.

Вдруг он натолкнется в одной из кают на раздувшееся мертвое тело? Он был знаком с большинством пассажиров, многих знал близко. Однако Мур преодолел охватившее его чувство брезгливости и заставил себя продолжить опасное путешествие.

Но тут на его пути встало первое серьезное препятствие. Обшивка самой каюты в основном состояла из немагнитных сплавов. Магнитный присосок предназначался для использования на внешней обшивке корабля, а внутри был бесполезен. Мур совсем забыл об этом, но внезапно почувствовал, что плавает по каюте. Он глотнул воздуха и судорожно сжал рукой ближайший выступ, потом медленно подтянулся и двинулся обратно.

На мгновение он застыл, затаив дыхание. Теоретически здесь он должен быть в состоянии невесомости — притяжение Весты было ничтожным, — однако работал региональный гравитатор, расположенный под их каютой. Поскольку он не был сбалансирован остальными гравитаторами, по мере продвижения Мура тяготение непрерывно и резко менялось. Если магнитный присосок подведет, его может внезапно отбросить от корабля. И что тогда?

По-видимому, ему будет еще труднее осуществить свое намерение, чем казалось раньше.

Мур снова пополз вперед, каждый раз проверяя надежность захвата. Иногда ему приходилось долго ползти кружным путем, чтобы приблизиться к цели на несколько футов. Иногда он был вынужден перемахивать через небольшие куски обшивки из немагнитного материала. И он постоянно испытывал изматывающее притяжение гравитатора, непрерывно меняющееся по мере продвижения вперед, так что горизонтальная палуба и вертикальные стены то и дело оказывались под самыми невероятными углами.

Мур тщательно осматривал все предметы на своем пути. Однако его поиски были бесплодны. Все незакрепленные предметы, стулья, столы во время столкновения были отброшены в сторону и теперь стали независимыми небесными телами солнечной системы. Тем не менее ему удалось подобрать небольшой полевой бипокль и авторучку и положить их в карман. Сейчас они были бесполезны, но придавали некую реальность его кошмарному путешествию вдоль борта мертвого корабля.

Пятнадцать, двадцать минут, полчаса он медленно полз туда, где, по его расчетам, должен был находиться иллюминатор. Пот заливал ему глаза, и волосы слиплись в бесформенную массу. От непривычного напряжения болели мышцы. Его разум, переживший тяжелое потрясение накануне, стал сдавать, выкидывать необычные трюки.

Ему начало чудиться, что он ползет бесконечно, что так было и так будет всегда. Цель путешествия, к которой он стремился, представлялась малозначительной, он знал только одно — нужно ползти вперед. Час назад он был вместе с Брэндонем и Шп, но это казалось туманным и далеким-далеким. А обычную жизнь, какая была два дня назад, он и совсем забыл.

В его слабеющем мозгу вертелась только одна мысль — через лес остроконечных выступов доползти до некой неясной цели. Он хватался, напрягался, подтягивался. Рука с магнитным присоском искала листы железа. Вниз, в зияющие пещеры, бывшие когда-то каютами, и снова на поверхность. Нащупал — подтянулся, нащупал — подтянулся, и... свет!

Мур остановился. Если бы он не прилип к борту, то упал бы. Каким-то образом этот свет прояснил ситуацию. Перед ним был иллюминатор — не темный, безжизненный иллюминатор, мимо которых он проползал, а живой, освещенный. За стеклом был Брэндон.

Мур глубоко вздохнул и почувствовал себя лучше, его мозг снова прояснился.

Теперь он отчетливо видел цель. Он полз к этой искорке жизни. Все ближе, ближе, ближе, пока не дотронулся до иллюминатора. Наконец-то!

Его глаза жадно разглядывали знакомую каюту. Видит бог, это зрелище не вызывало у него приятных ассоциаций, однако это было нечто реальное, почти естественное. На диване спал Брэндон. Его лицо было измученным, изборожденным морщинками, но время от времени по нему пробегала улыбка.

Мур поднял руку, чтобы постучать по стеклу. Его охватило непреодолимое желание поговорить с кем-то, хотя бы при помощи жестов, и все-таки в последнее мгновение он остановился. Может быть, юноше снится родной дом? Он молод и чувствителен и много пережил. Пусть себе поспит. Успеем разбудить его, когда добьемся успеха... если это вообще произойдет...

Он увидел стену, за которой находился бак с водой, и попытался отыскать его внешнюю стенку. Теперь это было нетрудно — стенка резервуара отчетливо выступала. «Настоящее чудо, что резервуар не был поврежден во время столкновения», — подумал Мур. Может, судьба и не была такой неблагоприятной по отношению к ним.

Добраться до резервуара оказалось нетрудно, хотя он и находился на другом конце обломка. То, что раньше было коридором, вело почти прямо к нему. Когда «Серебряная королева» была невредима, этот коридор был ровным и горизонтальным, но теперь, под непрерывно меняющимся воздействием гравитатора, он казался крутым подъемом. Тем не менее ползти по нему было легко. Поскольку пол был сделан из обычной бериллиевой стали, Мур не испытывал никаких затруднений с магнитным держателем на всем своем двадцатифутовом пути к водяному баку.

И вот настала кульминация — последняя ступень. Он знал, что ему следовало бы сначала отдохнуть, однако волнение все нарастало. Теперь или никогда! Он пробрался к центру задней стенки резервуара. Там, устроившись на маленьком выступе, который образовал пол коридора, ранее простиравшегося по эту сторону резервуара, он принялся за работу.

— Как жаль, что выходная труба идет не в ту сторону, — пробормотал он. — Можно было бы обойтись без многих неприятностей. А сейчас... — Он вздохнул и принялся за дело: поставил лучевой пистолет на полную мощность, и невидимое излучение сконцентрировалось примерно в футе от дна резервуара.

Постепенно воздействие раскаленного луча на молекулы стены начало становиться заметным. В фокусе действия луча тускло засветилось пятно размером с десятицентовую монету. Оно как бы колыхалось — то светлело, то тускнело — в зависимости от того, насколько Муру удавалось притушить дрожь усталой руки. Он положил руку на выступ, и дело пошло на лад. Крошечное пятно становилось все ярче.

Пятно медленно меняло окраску в соответствии со шкалой спектра. Появившийся вначале темный, кирпичный цвет сменился вишневым. По мере того как на освещенное пятно лился поток энергии, его яркость росла и пятно все расширялось, напоминая стрелковую мишень с концентрическими кругами все более темнокрасных оттенков. Даже на расстоянии нескольких футов стенка была нестерпимо горячей, хотя и не светилась, и Муру пришлось следить за тем, чтобы не прикасаться к ней металлическими частями своего костюма.

С губ Мура то и дело срывались ругательства, потому что выступ тоже накалился. Казалось, его успокаивали только крепкие слова. А когда плавящаяся стенка начала сама излучать тепло, объектом его проклятий

стали создатели костюма. Почему они не сделали такой костюм, который не пропускал бы не только холод, но и тепло?

Но Профессиональный Оптимист — как назвал его Брэндон — одержал в нем верх. Глотая соленый пот, Мур успокаивал себя. Пожалуй, могло быть и хуже. Во всяком случае, двухдюймовая стена — не слишком серьезное препятствие. А если бы резервуар примыкал задней стенкой к наружной обшивке! Вот было бы дело — прожигать стальную броню толщиной в целый фут! Он скрипнул зубами и наклонился над пистолетом.

Раскаленное пятно светилось теперь оранжево-желтым цветом, и Мур понял, что скоро будет достигнута температура плавления бериллиевой стали. Он заметил, что из-за яркости пятна он смотрит на него лишь какую-то долю секунды, и то через большие интервалы.

Очевидно, если он хочет добиться своего, необходимо работать как можно быстрее. Лучевой пистолет не был полностью заряжен, и сейчас, выбрасывая поток энергии при максимальной концентрации почти десять минут подряд, он был уже при последнем издыхании. А стенка едва лишь миновала стадию размягчения. Снедаемый горячкой нетерпения, Мур ткнул дулом пистолета прямо в центр раскаленного пятна и тут же отдернул его обратно.

В мягком металле образовалась глубокая впадина, хотя дыры еще не было. Тем не менее Мур почувствовал удовлетворение. Цель почти достигнута. Если бы между ним и стенкой был слой воздуха, он бы уже слышал шипение и бульканье кипящей внутри воды. Давление нарастало. Сколько еще продержится плавящаяся стенка?

Затем, настолько внезапно, что Мур даже не сразу осознал это, он прожег стенку. На дне впадины образовалось крохотное отверстие, и в следующее мгновение наружу вырвалась струя кипящей воды.

Жидкий металл облепил отверстие со всех сторон, и вокруг дырки размером с горошину образовались неровные металлические лепестки. Изнутри доносился рев. Мура окутало облако пара.

Сквозь туман он увидел, что пар тотчас же конденсируется в ледяные градинки, стремительно исчезающие в пустоте.

С четверть часа он не отрывал взгляда от струи пара.

Затем он почувствовал, как едва ощутимое давление отталкивает его от корабля. Невыразимая радость охватила его, так как он понял, что корабль ускорил свой ход. Мура отталкивала от корабля его собственная инерция.

Это означало, что работа кончена — кончена успешно. Струя пара заменила ракетный двигатель.

Мур отправился в обратный путь.

Велики были ужасы и опасности путешествия к резервуару, однако еще большие ужасы и опасности должны были подстергать Мура на обратном пути. Он безмерно устал, глаза у него болели и ничего не видели, да еще к сумасшедшей тяге гравитатора прибавилось нарастающее ускорение всего корабля. Но каким бы трудным ни был его обратный путь, он не слишком беспокоил Мура. Позднее он даже не мог припомнить деталей.

Мур не помнил, как ему удалось преодолеть все многочисленные препятствия на пути к шлюзу. Большую часть времени он был поглощен ощущением счастья и поэтому вряд ли воспринимал окружающую его реальность. В его мозгу билась одна мысль — как можно быстрее вернуться к товарищам и сообщить им радостную весть о спасении.

Внезапно он увидел перед собой дверь шлюза. Мур едва ли даже понял, что это такое. Почти неосознанно он нажал сигнальную кнопку. Инстинкт подсказал ему, что сделать это необходимо.

Майк Ши ждал его. Раздался скрип, внешняя дверь откатилась, заклинилась на прежнем месте, но потом все-таки отошла в сторону и закрылась за Муром. Затем открылась внутренняя дверь, и он упал на руки Ши.

Он чувствовал, как во сне, что его не то волокут, не то ведут по коридору к каюте. С него сорвали костюм. Горячая, жгучая жидкость обожгла ему горло. Мур захлебнулся, сделал глоток и почувствовал себя лучше. Ши спрятал бутылку джабры в карман.

Расплывчатые фигуры Брэндона и Ши сфокусировались перед его глазами и приняли нормальные очертания. Мур вытер дрожащей рукой пот со лба и попытался изобразить слабую улыбку.

— Подожди, — запротестовал Брэндон, — не говори ничего. Ты просто ходячий труп. Отдохни, тебе говорят!

Но Мур покачал головой. Хриплым, надтреснутым голосом он рассказал, как мог, о событиях последних двух часов. Повествование было бессвязным, едва понятным, но поразительно впечатляющим. Оба слушателя затаили дыхание.

— Ты хочешь сказать, — заикаясь, произнес Брэндон, — что струя воды толкает нас к Весте, подобно выхлопу ракеты?

— Совершенно верно — подобно выхлопу ракеты, — прохрипел Мур. — Действие и противодействие. Дыра находится на стороне, противоположной Весте, следовательно, толкает нас к Весте.

Ши отплясывал перед иллюминатором.

— Он совершенно прав, Брэндон, мой мальчик. Уже отчетливо виден купол Беннетта. Мы приближаемся к Весте, приближаемся!

Мур почувствовал себя лучше.

— Так как раньше мы находились на кольцевой орбите, то теперь приближаемся к астероиду по спирали. По-видимому, мы опустимся на Весту через пять-

шесть часов. Воды хватит еще надолго, и давление внутри по-прежнему высокое, поскольку вода вырывается наружу в виде пара.

— Пар — при такой низкой температуре в космосе? — спросил пораженный Брэндон.

— Да, пар — при таком низком *давлении* в космосе, — поправил его Мур. — Точка кипения воды с уменьшением давления падает, так что в космосе она крайне низка. Даже у льда давление пара достаточно для возгонки.

На его лице появилась улыбка.

— Между прочим, вода одновременно и замерзает и кипит. Я сам видел это. — После короткой паузы он спросил: — Ну, как ты теперь себя чувствуешь, Брэндон? Гораздо лучше, правда?

Брэндон смутился и покраснел. Несколько секунд он тщетно пытался подобрать слова, затем прошептал:

— По-моему, я... я просто не заслуживаю спасения, после того как потерял самообладание и взвалил все бремя на твои плечи. Если хочешь, двинь меня как следует за то, что я тебя ударил. Честное слово, после этого мне будет гораздо лучше.

Мур дружески похлопал его по плечу.

— Забудь про это. Ты даже не подозреваешь, насколько близок к отчаянию был я сам. — Он заговорил громче, чтобы заглушить дальнейшие извинения Брэндона. — Эй, Майк, перестань глазеть в иллюминатор и давай сюда твою джабру.

Мгновенно на столе появилась бутылка, и Майк поставил рядом с ней три плексатроновых колпачка вместо чашек. Мур наполнил каждый до краев. Ему хотелось напиться вдрызг.

— Джентльмены, — торжественно провозгласил он, — я хочу произнести тост. — Все трое подняли стаканы. — Джентльмены, выпьем за годовой запас доброй старой H_2O , который был у нас раньше!

Клиффорд Саймак

На Юпитере

Четверо людей — двое, а некоторое время спустя еще двое — скрылись в воющем аду, который зовется атмосферой Юпитера, и не вернулись. Они отправились навстречу бешеному урагану легкой рысдой, вернее, стелющимися прыжками, волоча брюхо над самой землей, и их крутые бока блестели от дождя.

Ибо они покинули станцию не в человеческом облике.

А теперь перед столом Кента Фаулера, директора станции № 3 Топографической службы Юпитера, стоял пятый.

Под столом Фаулера дряхлый Таузер почесал блошиный укус и, свернувшись поудобнее, снова уснул.

У Фаулера вдруг защемило сердце — Гарольд Аллен был очень молод, слишком молод... Беспечная юношеская самоуверенность, прямая спина, бесхитростные глаза, лицо мальчика, еще не знающего, что такое страх. И это было удивительно. Люди, работавшие на станциях Юпитера, хорошо знали, что такое страх — страх и смирение. Человек казался таким крохотным перед лицом могучих сил чудовищной планеты!

— Вы знаете, что не обязаны это делать, — сказал Фаулер. — Вы не обязаны идти туда.

Конечно, это была формальность. Тем четверым было сказано то же самое, но они пошли. И Фаулер знал, что пойдет и пятый. Но внезапно в его душе

шевелинулась слабая надежда, что Аллен все-таки откажется.

— Когда мне выходить? — спросил Аллен.

Прежде этот ответ пробуждал в Фаулере тихую гордость — прежде, но не теперь. Сдвинув брови, он ответил:

— Через час.

Аллен спокойно ждал дальнейших инструкций.

— Четыре человека ушли и не вернулись, — сказал Фаулер. — Как вам, конечно, известно. Нам нужно, чтобы вы вернулись. Нам не нужно, чтобы вы предпринимали героическую спасательную операцию. От вас требуется одно — вернуться и доказать, что человек способен существовать в юпитерианском облике. Вы дойдете до ближайшего тригонометрического знака и сразу же вернетесь. Не рискуйте. Не отвлекайтесь. Ваша главная задача — вернуться.

Аллен кивнул.

— Я знаю.

— Конверсию произведет мисс Стэнли, — продолжал Фаулер. — В этом отношении вам печего опасаться. Все ваши предшественники, насколько можно судить, выходили из конвертора в оптимальном состоянии. Вы будете в надежных руках. Мисс Стэнли — первоклассный специалист по конверсиям, лучший в Солнечной системе. Она работала почти на всех планетах. Вот почему она здесь.

Аллен улыбнулся мисс Стэнли, и Фаулер заметил, что на ее лице мелькнуло непонятное выражение — может быть, жалость, или гнев, или просто страх. Но оно тут же исчезло, и мисс Стэнли улыбнулась юноше, стоявшему перед письменным столом. Улыбнулась неохотно, своей обычной чопорной улыбкой учительницы.

— Я с нетерпением предвкушаю мою конверсию, — сказал Аллен.

Его тон превратил происходящее в шутку, в нелепую сардоническую шутку.

Но то, что ему предстояло, меньше всего походило на шутку.

Дело было более чем серьезным. Фаулер знал, что от исхода их опытов зависит судьба людей на Юпитере. В случае успеха они получают легкий доступ ко всем ресурсам этого гиганта. Юпитер покорится человеку, как покорились все остальные планеты. Но если опыты окончатся неудачей...

Если они окончатся неудачей, человек на Юпитере по-прежнему будет скован по рукам и ногам невероятным атмосферным давлением, огромной силой тяжести, смертоносной для него химией планеты. Человек по-прежнему останется пленником внутри станций, он так и не выйдет сам на ее поверхность, так и не увидит ее прямо, без помощи приборов, а должен будет и дальше полагаться на громоздкие тракторы и телепередатчики, должен будет работать с неуклюжими механизмами и инструментами или прибегать к посредничеству столь же неуклюжих роботов.

Ибо ничем не защищенный человек в своем естественном виде был бы мгновенно расплюснут чудовищным атмосферным давлением в пятнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм — давлением, по сравнению с которым на дне земного океана царит вакуум.

Даже самый твердый металл, какой удалось создать землянам, не выдерживал этого давления и щелочных ливней, непрерывно обрушивающихся на поверхность Юпитера. Он становился хрупким, расслаивался, рассыпался, как сухая глина, или растекался лужами аммиачных солей. Только когда удалось повысить крепость этого металла, усилив его электронные связи, были, наконец, созданы купола, способные противостоять весу тысячемильных толщ бешено крутящихся ядовитых газов, из которых состояла атмосфера планеты. Но

и теперь купола, а также все аппараты и механизмы приходилось покрывать толстым слоем кварца, чтобы защитить металл от дождя — от едких струй жидкого аммиака.

Фаулер поймал себя на том, что слушает гул машин в подвальном этаже станции. Шум этот не смолкал никогда. Машины работали непрерывно, потому что, остановись они хотя бы на мгновение, в металлические стены купола перестала бы поступать дополнительная энергия, электронные связи ослабели бы и станции пришел бы конец.

Таузер вылез из-под стола и начал выкусывать очередную блоху, громко стуча ногой по полу.

— Что-нибудь еще? — спросил Аллен.

Фаулер покачал головой.

— Если вам нужно чем-то заняться... Может быть, вы...

Он намеревался сказать: «Вы хотели бы написать письма», но спохватился и не докончил фразы.

Аллен поглядел на часы.

— Я приду вовремя, — сказал он, повернулся и вышел.

Фаулер знал, что мисс Стэнли пристально смотрит на него, но ему меньше всего хотелось встретить ее взгляд, а потому он наклонился и начал перебирать лежащие на столе бумаги.

— И долго вы намерены продолжать? — спросила мисс Стэнли, злобно отчеканивая каждое слово.

Тогда он повернул кресло и посмотрел на нее. Её губы были сжаты в жесткую узкую полоску, а зачесанные назад волосы так сильно оттягивали кожу лба, что лицо приобрело странное, почти пугающее сходство с восковой маской.

Стараясь придать своему голосу сдержанность и спокойствие, Фаулер ответил:

— До тех пор, пока в этом будет нужда. До тех пор, пока сохранится хоть какая-то надежда на успех.

— Вы намерены и дальше приговаривать их к смерти, — сказала она. — Вы намерены и дальше гнать их в рукопашный бой с Юпитером. Вы и дальше будете сидеть на станции в безопасности и посылать их наружу умирать.

— Сентиментальность здесь неуместна, мисс Стэнли, — Фаулер сдержал закипающий в нем гнев. — Вы не хуже меня знаете, почему мы это делаем. Вам известно, что человеку в его естественном виде с Юпитером не справиться. Следовательно, людей необходимо превратить в существа, которым такая задача по плечу. Мы уже делали это на других планетах. Если мы в конце концов добьемся успеха, жертвы окажутся не напрасными. На протяжении всей истории люди жертвовали жизнью ради того, что теперь представляется нам нелепостью, повинаясь побуждениям, теперь для нас неприемлемым. Так неужели же то, к чему стремимся мы, не стоит жертв?

Мисс Стэнли сидела выпрямившись, и на ее сидящих волосах лежали блики света. Фаулер смотрел на нее, стараясь понять, что она сейчас чувствует, о чем думает. Не то чтобы он ее боялся, но в ее присутствии он всегда испытывал некоторую неловкость. Ее пронизательные голубые глаза замечали слишком многое, ее руки выглядели чересчур умелыми. Быть бы ей чьей-нибудь тетушкой, сидеть бы в кресле-качалке с вязаньем! Но нет, она была лучшим специалистом по конверсиям во всей Солнечной системе, и ей не нравилось, как он исполнял свои обязанности.

— Тут что-то не так, мистер Фаулер, — объявила она.

— Вот именно, — согласился Фаулер. — Потому-то я и посылаю Аллена в одиночку. Возможно, он установит, в чем дело.

— А если нет?

— Я пошлю кого-нибудь еще.

Мисс Стэнли поднялась, направилась было к двери, но остановилась перед столом.

— Когда-нибудь, — сказала она, — вы станете большим начальником. Вы не упускаете ни одного шанса. И вот он — ваш шанс! Вы поняли это сразу же, едва вашу станцию выбрали для проведения опытов. Если вы добьетесь своего, то подниметесь на ступеньку-другую. Неважно, сколько людей погибнет, но вы-то подниметесь на ступеньку-другую.

— Мисс Стэнли, — резко сказал Фаулер, — Аллену скоро идти. Будьте добры проверить вашу машину...

— Моя машина тут ни при чем, она работает точно по параметрам, заданным биологами, — произнесла мисс Стэнли ледяным голосом.

Сгорбившись над столом, Фаулер слушал, как замирают в коридоре ее шаги.

Конечно, она права. Параметры установлены биологами. Но и биологи могут ошибаться. Малейшее отличие, крохотное отклонение — и конвертор пошлет на поверхность планеты уже не то существо, которое имели в виду они. Существо в чем-то неполноценное, которое не сможет выдержать тех или иных условий или обезумеет, или вообще окажется нежизнеспособным, причем по совершенно неожиданным причинам.

Ведь о том, что происходило за стенами купола, люди знали очень мало — в их распоряжении не было ничего, кроме показаний приборов. И эти сведения, полученные с помощью приборов и автоматических механизмов, были менее всего исчерпывающими, потому что Юпитер был невероятно громаден, а станций была горстка.

Биологи, изучавшие пластунов — по-видимому, высшую форму юпитерианской жизни, — потратили больше трех напряженнейших лет на собирание данных

о них, а потом еще два года на проверку этих данных. На Земле такая работа заняла бы не больше двух недель. Однако трудность заключалась в том, что обитателей Юпитера нельзя было доставить на Землю. Искусственно воссоздать юпитерианские условия не представлялось возможным, а в условиях земного давления и температуры пластуны мгновенно превратились бы в облачка газа.

И все-таки эту работу необходимо было проделать, иначе человек никогда не ступил бы на поверхность Юпитера в облике пластуна. Ведь прежде чем конвертор мог преобразить человека в другое существо, требовалось узнать все физические особенности этого существа — узнать совершенно точно, так, чтобы исключить самую возможность малейшей ошибки.

Аллен не вернул.

Тракторы, прочесавшие окрестности станции, не обнаружили никаких его следов — если только быстро скрывшееся из виду существо, о котором сообщил один из водителей, не было пропавшим землянином в облике пластуна.

Когда Фаулер высказал предположение, что в параметры могла вкратиться ошибка, биологи усмехнулись самой презрительной из своих академических усмешек и терпеливо растолковали ему, что параметры отвечают всем необходимым требованиям. Когда человека помещали в конвертор и нажимали кнопку включения, человек становился пластуном. Он выходил наружу и скрывался в мутной тьме атмосферы.

«А вдруг какое-нибудь безусловное уродство, — сказал Фаулер, — крохотное отклонение в организме, что-то, не свойственное настоящим пластунам...» «Чтобы выявить такое отклонение, — сказали биологи, — потребуются годы».

Но теперь пропавших было уже не четверо, а пятеро, и Гарольд Аллен скрылся в туманах Юпитера напрасно и бессмысленно. Он исчез, а к их знаниям это не прибавило ничего.

Фаулер протянул руку и пододвинул к себе анкеты сотрудников станции — тонкую пачку бумаг, аккуратно скрепленную зажимом. Он многое дал бы, только бы избежать того, что предстояло, но избежать этого было нельзя. Узнать причину странных исчезновений необходимо, а узнать ее можно, только послав кого-нибудь еще.

Несколько минут Фаулер сидел неподвижно, прислушиваясь к реву ветра над куполом, к незатихающему вою урагана, яростно бушующему по всей планете из века в век.

Он спрашивал себя, не кроется ли там какая-то опасность. Опасность, о которой они даже не подозревают. Затаившееся чудовище, которое пожирает пластунов, не разбирая, какие из них — настоящие, а какие — конвертированные. Впрочем, для пожирателя между ними и нет никакой разницы!

Или ошибка заключалась в самом выборе пластунов для перевоплощения? Решающим фактором, как ему было известно, послужил их разум, существование которого не вызывало сомнений. Ведь человек, конвертированный в неразумное животное, не мог долго сохранять свою способность мыслить.

А вдруг биологи, придавая решающее значение этому фактору, сочли, что он искупает какую-то другую особенность пластунов, которая оказалась неблагоприятной или даже роковой? Вряд ли. Как ни высокочисленны биологи, свое дело они знают.

А может быть, ошибочна и заранее обречена на провал сама идея? Конвертирование на других планетах оказалось удачным, но из этого вовсе не следовало, что так будет и на Юпитере. Вдруг человеческое сознание

не в состоянии использовать сенсорный аппарат обитателя Юпитера? Вдруг пластуны настолько отличны от людей, что человеческие знания и юпитерианская концепция жизни просто несовместимы?

Или все дело в самом человеке, в какой-то древней наследственной черте? В каком-то сдвиге сознания, который в совокупности с тем, что они находят снаружи, препятствует их возвращению? Впрочем, это вовсе не обязательно должно быть сдвигом в обычном смысле слова. Просто некое свойство человеческого сознания, считающееся на Земле вполне нормальным, вступает в такой яростный конфликт с юпитерианской средой, что это приводит к мгновенному безумию.

Из коридора донеслось постукивание когтей, и Фаулер слабо улыбнулся. Это Таузер возвращался из кухни, куда он ходил навестить повара, своего давнего приятеля.

Таузер вошел в кабинет с костью в зубах. Он помахал Фаулеру хвостом, улегся рядом со столом и зажал кость в лапах. Его слезящиеся старые глаза были устремлены на хозяина, и Фаулер, нагнувшись, потрепал рваное ухо пса.

— Ты еще сохранил ко мне симпатию, Таузер? — спросил он, и пес застучал хвостом по полу. — Только ты один и питаешь тут ко мне добрые чувства, — продолжал Фаулер. — А все остальные злы на меня и, наверное, называют меня убийцей.

Он выпрямился и взял анкеты.

Беннет? Беннета на Земле ждет невеста.

Эндрюс? Эндрюс намерен вернуться в Марсианский технологический институт, как только заработает денег на год вперед.

Олсон? Олсону скоро на пенсию, и он всем рассказывает, какие будет выращивать розы, когда удалится на покой.

Фаулер медленно положил анкеты на стол.

Он приговаривает людей к смерти. Так сказала мисс Стэнли, и ее бледные губы на пергаментном лице едва шевелились. Посылает людей умирать, а сам отсиживается в безопасности на станции.

Наверное, они все говорят так, особенно теперь, когда и Аллен не вернулся. Прямо ему они, конечно, этого не скажут. Даже тот — или те, — кого он вызовет сюда, чтобы послать наружу, не скажет ему ничего подобного.

Они только спросят: «Когда мне выходить?», потому что у них на станции принята именно эта фраза.

Но он прочтет невысказанное в их глазах.

Фаулер снова взял анкеты. Беннет, Эндрюс, Олсон. Есть еще и другие, но что толку продолжать!

Кент Фаулер знал, что не сможет этого сделать, не сможет посмотреть им в глаза, не сможет послать еще кого-то на смерть.

Он наклонился и нажал клавишу селектора.

— Я слушаю, мистер Фаулер.

— Позовите, пожалуйста, мисс Стэнли.

Он ждал, чтобы мисс Стэнли подошла к аппарату, и слушал, как Таузер вяло грызет кость. Зубы Таузера стали совсем уже никудышными.

— Мисс Стэнли слушает, — раздался ее голос.

— Будьте добры, мисс Стэнли, приготовьтесь к посылке еще двоих.

— А вы не боитесь, что слишком быстро истощите весь свой запас? — осведомилась мисс Стэнли. — Если посылать их поодиночке, вы израсходуете их вдвое медленнее и получите вдвое больше удовольствия.

— Одним будет собака.

— Собака?!

— Да. Таузер.

Фаулер уловил в ее голосе нотки ярости.

— Ваша собственная собака. Она же была с вами всю свою жизнь.

— В том-то и дело, — сказал Фаулер. — Таузер очень огорчится, если я не возьму его с собой.

Это был совсем не тот Юпитер, который он привык наблюдать на телевизионном экране. Он ждал, что увидит планету по-новому, но только не такой! Он ждал, что будет брошен в ад аммиачного дождя, воюющих газов и оглушительного рева урагана. Он ждал клубящихся туч, непроницаемого тумана, зловещих вспышек чудовищных молний.

Но он не ждал, что хлещущий ливень превратится в легкую лиловатую дымку, тихо плывущую над розово-лиловым дерном. И он не мог бы даже вообразить, что змеящиеся молнии окажутся нежным сиянием, озаряющим многоцветные небеса.

Ожидая Таузера, Фаулер напряг мышцы своего полого тела и поразился его мощи и легкости. «Отличное тело!» — подумал он и пристыженно вспомнил, с какой жалостью наблюдал за пластунами на экране телевизора.

Ведь почти невозможно было вообразить себе живой организм, построенный не из воды и кислорода, а из аммиака и водорода, и еще труднее было поверить, что подобное существо способно не хуже человека наслаждаться физической радостью бытия. Жизнь в бесшумной мутной тьме за стенами станции представлялась немислимой — ведь они не знали, что для глаз обитателей Юпитера этой мутной тьмы вообще не существует.

Ветер ласково поглаживал его, и он растерянно вспомнил, что по земным нормам этот ветер был неистовым ураганом, мчащим смертоносные газы со скоростью двести миль в час.

Его тело впитывало приятные ароматы. Но можно ли было назвать их ароматами? Ведь он воспринимал их не с помощью обоняния, не так, как раньше. Казалось, все его существо пронизано ощущением лаванды, но только это была не лаванда. Он понимал, что для обозначения такого восприятия в его распоряжении нет слов — это, без сомнения, была первая из бесчисленных терминологических трудностей, ожидающих его. Ведь слова и мысленные символы, которыми он обходился как землянин, не могли уже служить ему, когда он стал юпитерианином.

В стене станции открылась дверь тамбура, и оттуда выскочил Таузер, то есть, по-видимому, это был Таузер.

Фаулер хотел позвать собаку, и в его мозгу уже возникли нужные слова, но он не смог их произнести. Никак. Ему нечем было их произносить.

На мгновение им овладел ужас, слепой панический страх.

Как разговаривают юпитериане? Как...

Внезапно он ощутил Таузера где-то невероятно близко, ощутил неуклюжую жаркую любовь лохматого зверя, который странствовал с ним по многим планетам. Ему вдруг показалось, что существо, которое было Таузером, очутилось внутри его черепа.

И из буйной радости встречи родились слова:

— Привет, друг!

Нет, не слова, а что-то лучше слов. Мысленные символы в его мозгу, прямо им воспринимаемые и передающие оттенки смысла, которые недоступны словам.

— Привет, Таузер, — сказал он.

— А я отлично себя чувствую, — объявил Таузер. — Будто опять стал щенком. Последнее время я что-то совсем расклеился. Лапы не слушаются, от зубов одни пеньки остались. Уж такими зубами кости

не разгрызешь. И блохи допекают. Раньше-то я на них никакого внимания не обращал. В молодости я их и не замечал вовсе.

— Но... по... — мысли Фаулера путались. — Ты со мной разговариваешь!

— А как же! — сказал Таузер. — Я-то с тобой всегда разговаривал, только ты меня не слышал. Я старался, но у меня не получалось.

— Иногда я тебя понимал, — заметил Фаулер.

— Не очень, — возразил Таузер. — Ты, конечно, разбирался, когда я хотел есть, или пить, или прогуляться. Но ничего больше до тебя не доходило.

— Извини, — сказал Фаулер.

— Да чего там! — успокоил его Таузер. — Давай побежим наперегонки воп к тому утесу!

Только сейчас Фаулер заметил этот утес, сверкавший удивительным хрустальным блеском в тени цветных облаков — до него было несколько миль.

— Очень далеко... — перешпительно заметил Фаулер.

— Да ладно тебе! — отозвался Таузер и побежал к утесу.

Фаулер побежал за ним, проверяя свои ноги, проверяя мощь своего нового тела — сначала неуверенно, затем с изумлением. Но уже несколько секунд спустя он бежал, упиваясь восторгом, ощущая себя единым целым с розово-лиловым дерном, с дымкой дождя, плывущей над равниной.

Внезапно он ощутил музыку — музыку, которая вливалась в его бегущее тело, пронизывала все его существо и уносила все дальше на крыльях серебряной быстроты. Музыка, чем-то похожая на перезвон колоколов, разносящийся в солнечное весеннее утро с одинокой колокольни на холме.

Он приближался к утесу, и музыка становилась все более властной, заполняя всю Вселенную брызгами

магических звуков. И тут он понял, что это звенит водопад, легкими клубами низвергаясь с крутого склона сверкающего утеса.

Только, конечно, не водопад, а аммиакопад, и утес был ослепительно белым потому, что слагался из твердого кислорода.

Он резко остановился рядом с Таузером там, где над водопадом висела мерцающая стоцветная радуга. Стоцветная в буквальном смысле слова, потому что тут первичные цвета не переходили один в другой, как их видят люди, но были четко разложены на всевозможные оттенки.

— Музыка... — сказал Таузер.

— Да, конечно. И что?

— Музыка, — повторил Таузер, — это вибрация. Вибрация падающей воды.

— Но, Таузер, ты же ничего не знаешь о вибрациях!

— Нет, знаю, — возразил Таузер. — Это мне только что вскочило в голову.

Фаулер мысленно ахнул.

— Только что вскочило!

И внезапно ему самому пришла в голову формула... формула процесса, с помощью которого можно было бы создать металл, способный выдерживать давление юпитерианской атмосферы.

Фаулер в изумлении уставился на водопад, и его сознание мгновенно восприняло все множество цветов и в точной последовательности распределило их по спектру. Это случилось как-то само собой. На пустом месте — ведь он ничего не знал ни о металлах, ни о цветах.

— Таузер! — вскричал он. — Таузер, с нами что-то происходит!

— Ага, — сказал Таузер. — Я знаю.

— Это наш мозг, — продолжал Фаулер. — Мы используем его весь, до последнего скрытого уголка. Используем, чтобы узнать то, что должны были бы знать с самого начала.

И новообретенная ясность мысли подсказала ему, что дело не ограничится только красками водопада или металлом, способным выдержать давление атмосферы Юпитера, — он уже предвидел многое другое, хотя пока еще не мог точно определить, что именно. Но, во всяком случае, то, что должен был бы знать любой мозг, если бы он полностью использовал свои возможности.

— Мы все еще принадлежим Земле, — сказал Фаулер. — Мы только-только начинаем постигать начатки того, что нам предстоит узнать, того, что мы не сможем узнать, оставаясь просто людьми, так как наш прежний мозг был плохо приспособлен для интенсивного мышления и не обладал некоторыми свойствами, необходимыми для полноты познания.

Он оглянулся на станцию — ее темный купол отсюда казался совсем крохотным.

Там остались его сотрудники, которые не были способны увидеть красоту Юпитера. Они считали, что клубящийся туман и струи ливня скрывают от их взглядов поверхность планеты. Тогда как виноваты в этом были только их глаза. Слабые глаза, не способные увидеть красоту облаков, не способные различить что-либо за завесой дождя. И тела, не воспринимающие упорительную музыку, которую рождают падающие с обрыва струи.

И он, Фаулер, тоже ждал встречи с ужасным, трепетал перед неведомыми опасностями, готовился смириться с тягостным, чуждым существованием.

Но вместо всего этого он обрел многое, что было ему недоступно в человеческом обличье. Более сильное

и ловкое тело. Бьющую ключом радость жизни. Более острый ум. И мир более прекрасный, чем тот, какой когда-либо грезился мечтателям на Земле.

— Идем же! — теребил его Таузер.

— Куда ты хочешь идти?

— Да куда угодно! — ответил Таузер. — Просто отправимся в путь и посмотрим, где он окончится. У меня такое чувство... ну, просто такое чувство.

— Я понимаю, — сказал Фаулер.

Потому что и у него было это чувство. Чувство какого-то высокого предназначения. Ощущение величия. Уверенность, что за гранью горизонта их ждут удивительные приключения... Нет, нечто большее, чем самые захватывающие приключения!

И он понял, что пять его предшественников также испытали это чувство. Их тоже охватило властное стремление отправиться туда — навстречу более полной жизни, более совершенным знаниям.

Вот почему ни один из них не вернулся.

— Я не хочу назад! — сказал Таузер.

— Но нас там ждут, — ответил Фаулер, направился было к станции и вдруг остановился.

Вернуться в стены купола. Вернуться в прежнее больное тело. Раньше оно не казалось ему больным, но теперь он понял, что такое настоящее здоровье.

Назад — к затуманенному мозгу, к спутанности мыслей. Назад — к шевелящимся ртам, которые образуют звуки, воспринимаемые другими. Назад — к зрению, которое хуже, чем слепота. Назад — к связанности движений, назад к познанию.

— Нам столько надо сделать и столько увидеть! — настаивал Таузер. — Мы еще должны многому научиться. Узнать, открыть...

Да, они могут многое открыть. Возможно, они найдут тут цивилизацию, по сравнению с которой земная цивилизация покажется ничтожной. Они найдут здесь

красоту и — что еще важнее — настоящее восприятие красоты. И дружбу, какой еще никто не знал — ни один человек и ни одна собака.

И жизнь — такую полную, что по сравнению с ней его прошлое казалось лишь прозябанием.

— Я не могу вернуться, — сказал Таузер. — Они опять сделают меня псом.

— А меня — человеком, — ответил Фаулер. — Но мы вернемся, когда узнаем то, что должны узнать.

Айзек Азимов

Непреднамеренная победа

Космический корабль протекал как решето.

Так было заранее запланировано.

В итоге получилось, что во время полета с Ганимеда на Юпитер внутри корабля было столько же воздуха, сколько в самом жестком космическом вакууме. А поскольку на нем к тому же еще отсутствовали и обогревающие установки, этот вакуум имел и соответствующую температуру: лишь на долю градуса выше абсолютного нуля.

И это тоже не расходилось с задуманным планом. Такие пустяки, как отсутствие тепла и воздуха, никого не раздражали на этом космическом корабле специального назначения.

Уже за несколько тысяч миль до Юпитера в корабль начали просачиваться газы, из которых состояла юпитерианская атмосфера. Это был в основном водород, хотя, по-видимому, более тщательный газовый анализ мог бы обнаружить и следы гелия. Стрелки манометров медленно поползли вверх.

Когда корабль перешел на спиральный облет планеты, стрелки полезли вверх еще быстрее. Указатели ступенчато включенных приборов (каждая последующая ступень — для более высокого давления) двигались до тех пор, пока не достигли уровня миллиона или более атмосфер, и тут показания манометров уже утратили свой смысл. Температура, фиксируемая по-

средством термопар, поднималась как-то вяло, будто ошущью, и наконец замерла где-то возле семидесяти градусов ниже нуля по Цельсию.

Корабль медленно приближался к цели, с трудом прокладывая путь сквозь месиво газовых молекул, сбитых друг с другом столь плотно, что сжатый водород перешел в жидкое состояние. Атмосфера была насыщена парами аммиака, поднимавшимися из невообразимо огромных океанов этой жидкости. Ветер, который начал дуть где-то в тысяче миль от поверхности, теперь дул с такой силой, о которой земные ураганы дают лишь отдаленное представление.

Еще задолго до посадки на сравнительно большой остров (раз в семь превышающий Азиатский материк) было абсолютно ясно, что Юпитер — не самый лучший из миров.

Однако три члена экипажа думали иначе. Они были уверены, что Юпитер — планета, вполне подходящая. Впрочем, эти трое были не совсем людьми, но и не совсем юпитерианами.

Это были просто роботы, сконструированные землянами для посылки на Юпитер.

Третий робот заявил:

— Место, кажется, довольно пустынное.

Второй согласился с ним и начал тоскливо разглядывать открытую всем ветрам местность.

— Вот там, вдали, виднеется что-то вроде искусственно возведенных строений, — сказал он. — Я полагаю, нам надо подождать, пока к нам не заявится кто-нибудь из местных обитателей.

Первый робот, сидя в дальнем углу кабины, выслушал двух других, но промолчал. Из них троих его сконструировали первым, так что он был наполовину экспериментальным. Вот почему он высказывался намного реже, чем его товарищи.

Ждать пришлось недолго. Откуда-то сверху выпрыгнул воздушный лайнер весьма странной конструкции. За ним еще. Затем подошла колонна наземных машин. Они заняли оборонительную позицию. Из машин вылезли какие-то живые существа, привезшие с собой множество непонятных предметов, по-видимому оружие. Некоторые из них юпитеряне перетаскивали в одиночку, другие — группами, третьи шли своим ходом — видно, внутри находились водители.

Но роботы не могли ручаться за это.

Наконец Третий сказал:

— Кажется, мы окружены со всех сторон. Быть может, самое разумное сейчас выйти наружу и этим показать, что мы пришли к ним с миром. Согласны?

— Разумеется.

Первый робот распахнул тяжелую дверь, которая, кстати сказать, не была ни сильно армирована, ни особенно герметизирована.

Их появление послужило сигналом к началу суматохи среди обступивших корабль юпитериан. Они закопошились возле самых крупных установок, и Третий робот заметил, как наружная оболочка его берилло-придириево-бронзового тела стала нагреваться.

Он посмотрел на Второго.

— Чувствуешь? По-моему, они направили на нас тепловой излучатель.

Второй недоуменно спросил:

— Интересно, зачем?

— Наверняка какие-то тепловые лучи. Смотри!

По непонятной причине луч одного из тепловых генераторов отклонился и ударил по ручейку сверкающего чистого аммиака — тот яростно забурился.

Третий обратился к Первому:

— Возьми это на заметку, слышишь?

— Ладно,

В обязанности Первого входила будничная секретарская работа, а его обычай все брать на заметку заключался в аккуратном внесении собственных умствований в имеющийся у него памятный свиток. Он уже собрал и записал час за часом показания каждого мало-мальски важного прибора на борту корабля в ходе полета на Юпитер.

— А как объяснить подобную реакцию? — с готовностью спросил он. — Наши хозяева, люди, видимо, предпочитают это знать.

— Да никак. Или вот как, — поправился Третий, — укажи: без всякой видимой причины. И добавь: максимальная температура луча около плюс тридцати градусов по Цельсию.

Второй робот прервал их:

— Попробуем вступить в переговоры?

— Пустая трата времени, — отвечал Третий, — на этой планете лишь несколько жителей знают радиотелеграфный код, разработанный для связи между Юпитером и Ганимедом. Они вынуждены будут послать за одним из них, и, как только тот прибудет, он быстро наладит с нами контакт. А пока что давайте-ка понаблюдаем за ними. Откровенно говоря, я не понимаю, что они делают.

Он понял это не сразу. Тепловое облучение прекратилось, и были пущены в ход новые установки. К погам наблюдавших роботов с необыкновенной быстротой и силой, вызванной мощным гравитационным полем Юпитера, упало несколько капсул. Они с треском раскололись — потекла голубая жидкость; образовались лужи, которые начали быстро испаряться и высыхать.

Свирепый вихрь понес испарения прочь, и юпитериане стали разбегаться от них в разные стороны. Вот один чуть замешкался, отчаянно заметался, захромал и, наконец, затих.

Второй робот наклонился, окунул палец в одну из луж и уставился на стекавшую каплями жидкость.

— Сдается мне, это обычный кислород, — промолвил он.

— Твоя правда, — согласился Третий. — Час от часу не легче. Опасные же они выкидывают номера, ведь я бы сказал, что кислород для них отравя. Один из них уже мертв!

Наступила пауза, а затем Первый робот, чрезмерная наивность которого подчас приводила к излишней простоте мышления, выдал из себя:

— Может быть, эти странные существа с помощью таких вот детских штучек пытаются нас уничтожить?

Второй робот, потрясенный этой догадкой, воскликнул:

— А знаешь, Первый, мне кажется, ты прав!

В рядах юпитериан наступило временное затишье, а потом они притаили какую-то новую установку с тонким стержнем, устремленным вверх, в черный непроницаемый мрак, окутывающий планету. Под невероятным напором ветра стержень стоял неподвижно, что ясно свидетельствовало о его удивительной конструктивной прочности. Но вот на конце его раздалось потрескивание, а затем что-то сверкнуло, разгоняя мрак в густом тумане.

На мгновение роботы как бы погрузились в спяние, а затем Третий глубокомысленно заметил:

— Высоковольтное напряжение, и мощность довольно приличная. Пожалуй, ты не ошибся, Первый. Ведь нас на Земле предупреждали, что эти создания хотят уничтожить все человечество. А существа, настолько порочные, что могут затанть зло на человека, — при этом голос его задрожал, — вряд ли станут особо церемониться, пытаясь уничтожить нас.

— Какой позор иметь такие дурные наклонности, — сказал Первый. — Бедняги!

— Все это, конечно, весьма печально, — подтвердил Второй. — Давайте вернемся обратно на корабль. Думаю, с нас на сегодня хватит.

Они вернулись на корабль и уселись в ожидании. Как заметил Третий, Юпитер — планета огромная, так что надо набраться терпенья, прежде чем дождешься, когда доставят к кораблю специалиста по радиокоду. Но терпенья роботам не занимать стать.

И в самом деле Юпитер, согласно показанию хронометра, успел трижды обернуться вокруг своей оси, пока прибыл эксперт. Разумеется, слой плотной атмосферы толщиной в три тысячи миль создавал на поверхности планеты тьму кромешную, где восход и заход солнца ничего не означали и говорить о дне и ночи было бессмысленно. Но поскольку ни юпитерианам, ни роботам, чтобы видеть, свет был не нужен, то это никого не волновало.

На протяжении этих тридцати часов юпитериане непрерывно штурмовали корабль с неутомимым терпением и настойчивостью, относительно которых Первый робот сделал немало замечаний. Корабль каждый час атаковали различными способами, и роботы внимательно следили за каждой атакой, изучая виды оружия по мере того, как их распознавали, что отнюдь не всегда удавалось.

Но люди строили на славу.

Пятнадцать лет ушло на то, чтобы построить корабль и этих роботов, и их можно было охарактеризовать одним словом — сверхпрочные. Штурм окончился ничем: ни корабль, ни роботы от него не пострадали.

— По-моему, в этой атмосфере им не развернуться. Они не могут применить атомный заряд, так как только дырку прожгут в этом густом газовом супе, да и себя подорвут, — сказал Третий.

— Да, сильнодействующей взрывчатки они совсем не применяли, — заметил Второй, — и это хорошо. Нам-

то она, конечно, не повредила бы, но могла расшвырять в разные стороны.

— Взрывчатка отпадает. Где нет расширения газов, там взрыв невозможен. А какой газ станет расширяться при таком атмосферном давлении?

— Хорошая атмосфера, — пробормотал Первый. — Мне она очень нравится.

И это вполне естественно, ибо он был сконструирован специально для нее. Компания «Юнайтед стейтс роботс энд мекэникел мен корпорейшн» впервые выпустила роботов, даже отдаленно не напоминавших людей. Они были приземистые, квадратные, с центром тяжести меньше чем в футе над землей. Шесть ног, массивных и толстых, даже на этой планете с ее гравитацией, в два с половиной раза большей, чем на Земле, могли поднять тонны груза. Чтобы компенсировать возросшее притяжение, в них вложили быстроту реакции, в сотни раз превосходящую реакцию нормального человека. Они были сконструированы из берилло-придиево-бронзового сплава, способного противостоять любой коррозирующей среде и выдержать взрыв любой разрушительной силы (исключая разве тысячемега-тонную бомбу) в каких бы то ни было условиях.

Короче, они были непробиваемы и обладали такой мощностью, что стали единственными из всех выпущенных фирмой роботов, которым роботехники фирмы так и не решились приклепать именной серийный номер. Один головастый малый как-то предложил (и то шепотом) назвать их Робик Первый, Второй, Третий, но это предложение больше ни разу не повторялось.

Последние часы ожидания роботы провели за решением головоломной задачи — как, хотя бы приблизительно, описать внешний вид юпитериан. Первый отметил наличие щупалец и радиальной симметрии... и на этом застрял. Второй и Третий буквально вылезли из кожи воп, но так ни до чего и не додумались.

— Нельзя дать правильное описание, не прибегая к помощи сравнений, — заявил наконец Третий. — Эти существа ни на что не похожи... Они — за пределами позитронных связей моего мозга. Это все равно что пытаться описать гамма-лучи роботу, у которого нет прибора для их обнаружения.

В эту минуту шквал огня снова прекратился. Роботы переключили свое внимание на то, что происходило за стенами корабля.

К кораблю на редкость странным образом приближалась группа юпитериан, но даже при самом внимательном осмотре было трудно сказать, с помощью чего они передвигаются. Как они при этом используют свои щупальца, оставалось загадкой. Иногда они делали какие-то скользящие движения, а затем перемещались необыкновенно быстро, возможно за счет ветра, поскольку они двигались с наветренной стороны.

Роботы вышли наружу, чтобы встретить юпитериан. Те остановились в десяти футах от корабля. Обе стороны замерли в молчании.

Второй сказал:

— Они, должно быть, рассматривают нас, но вот как — не могу понять. Кто-нибудь из вас замечает у них фоточувствительные органы?

— Я нет, — проворчал Третий. — Я у них вообще не вижу ничего похожего на органы чувств.

Вдруг со стороны юпитериан послышался металлический клекот, и Первый робот удовлетворенно отметил:

— Радиотелеграфный код. Приехал специалист по связи.

Так оно и было. Роботы добились своего. Сложная система точек и тире, тщательно разработанная юпитерианами и землянами на Ганимеде, за двадцать пять лет превратилась в исключительно гибкое средство

связи, наконец впервые использованное для непосредственного общения.

Один юпитерианин остался впереди, остальные отступили назад. Он повел переговоры. Клекочущий голос спросил:

— Откуда вы прилетели?

Третий робот, как наиболее развитый в интеллектуальном отношении, естественно, выступил в роли руководителя экспедиции.

— Мы с Ганимеда, спутника Юпитера.

— Что вам нужно? — задал юпитерианин следующий вопрос.

— Информацию. Мы хотим исследовать вашу планету и увезти с собой новые сведения. Если бы мы могли надеяться на сотрудничество с вами...

Трескучая речь юпитерианина оборвала его:

— Вас надо уничтожить!

Третий помолчал, а потом задумчиво сказал своим товарищам:

— Они к нам относятся именно так, как нас об этом предупреждали люди на Земле. Странные все-таки существа. — Затем, обратившись к юпитерианину, он спросил по простоте душевной: — Почему?

Юпитерианин, очевидно, считал некоторые вопросы чересчур наглыми, чтобы на них отвечать. Он заявил:

— Если вы покинете Юпитер в течение наших суток, мы пощадим вас... до той поры, пока не выйдем в космос и не очистим Ганимед от всякого неюпитерианского сброда.

— Я хотел бы указать, что мы не с Ганимеда, а с одной из планет Сол... — начал было Третий.

Юпитерианин прервал его:

— Нашим астрономам известно о существовании Солнца и наших четырех спутников. Никаких других планет нет и быть не может!

Не желая ввязываться в спор, Третий робот согласился с этой точкой зрения.

— Ну, пусть с Ганимеда. Мы ничего худого против вас не замыслиаем. Мы готовы предложить вам дружбу. Двадцать пять лет вы охотно поддерживали связь с людьми на Ганимеде. Зачем же вдруг начинать войну против землян?

— Все эти двадцать пять лет мы стремились сделать жителей Ганимеда юпитерианцами, — холодно ответил тот. — Когда же мы выяснили, что они не хотят этого, и установили, что они ниже нас по своему умственному развитию, тогда мы решили предпринять кое-какие шаги, чтобы смыть наш позор. — И он закончил внушительно, чеканя каждое слово: — Мы, юпитериане, не потерпим присутствия всякого сброда!

Повернувшись лицом к ветру, юпитерианин торжественно отступил назад. Очевидно, беседа на этом закончилась.

Роботы возвратились на свой корабль.

Второй робот сказал:

— Кажется, дела наши плохи. — И задумчиво добавил: — Все именно так, как нам говорили наши конструкторы. У этих юпитериан чрезмерно развитый комплекс превосходства да плюс к тому крайняя нетерпимость ко всему, что затрагивает этот комплекс.

— Нетерпимость проистекает отсюда же, — заметил Третий. — Беда в том, что эта нетерпимость подкреплена силой. У них есть оружие, а наука шагнула далеко вперед.

— Так вот почему нас специально инструктировали не обращать внимания на приказы юпитериан! Теперь я не удивляюсь! Это же просто пародия на высшие существа! — воскликнул Первый и добавил с присутствующими роботам доверием и преданностью людям: — Ни один человек никогда таким не станет.

— Все это верно, но сейчас речь не об этом, — сказал Третий. — Ясно одно: над нашими хозяевами нависла смертельная опасность. Юпитер — гигантская планета, а юпитериане и по количеству населения, и по ресурсам в тысячи раз превосходят землян. Если им удастся создать силовое поле, чтобы использовать его в качестве оболочки межпланетного корабля, как это сделали на Земле, то при желании они в два счета захватят всю Солнечную систему. Вопрос лишь в том, как далеко они продвинулись в этом направлении, какое еще оружие у них есть, что за приготовления они ведут. Вернуться с этими сведениями — вот наша задача, и нам следует подумать, что делать дальше.

— Трудненько же нам придется, — заметил Второй. — Юпитериане вряд ли пожелают нам помочь. Это было сказано еще довольно мягко.

Третий робот призадумался на минутку, а затем сказал:

— Мне кажется, нам нужно только выждать. За эти тридцать часов они уже несколько раз пытались уничтожить нас, но ничего не добились. Они наверняка сделали все что могли. В комплекс превосходства всегда входит пзвечное стремление спасти свой престиж, и предъявленный нам ультиматум доказывает, что в нашем случае дело обстоит именно так. Они бы никогда не позволили нам убраться восвояси, если бы могли нас уничтожить. Так что, если мы не улетим, они наверняка сделают вид, будто, преследуя какие-то свои цели, сами захотели, чтобы мы остались.

И роботы снова принялись ждать. Прошел день. Атака не возобновлялась. Роботы не улетали. Угроза не подействовала. И тогда перед роботами вновь предстал юштернанский специалист по коду.

Если бы роботам этой модели было присуще чувство юмора, то они бы посмеялись от души. Ну а сейчас

они просто испытывали законное чувство удовлетворения.

Юпитерианин заявил:

— Мы решили позволить вам остаться на очень короткий срок для того, чтобы вы лично смогли убедиться в нашем могуществе. Затем вам надлежит вернуться назад на Ганимед и передать всему вашему сброду, что его неизбежно постигнет ужасный конец, едва Юпитер успеет один раз обернуться вокруг Солнца.

Первый робот отметил про себя, что юпитерианский год равен двенадцати земным.

Третий робот небрежно ответил:

— Спасибо. Давайте мы с вами отправимся в ближайший город. Нам бы хотелось о многом разузнать. — И, подумав, добавил: — Надеюсь, наш корабль будет в целости и сохранности?

Последняя фраза прозвучала скорее как просьба, чем как угроза, ибо роботы этой модели никогда не были агрессивными. В их конструкции была полностью устранена всякая возможность даже малейшего раздражения. В ходе многолетних испытаний на Земле решающим требованием у столь мощных роботов являлось нейссякаемое хорошее настроение.

Юпитерианин заявил:

— Нас не интересует ваш корабль. Ни один юпитерианин не приблизится к нему, дабы не осквернять себя. Вы можете сопровождать нас, но ни в коем случае не должны подходить к кому-либо ближе чем на десять футов, иначе будете немедленно уничтожены.

— Ну не спесивы ли они? — добродушно заметил Второй, когда они двинулись вперед, преодолевая ветер.

Город был портовый. Он стоял на берегу невообразимо огромного аммиачного озера. Яростный ветер вздымал свирепые пенистые волны, которые мчались с лихорадочной поспешностью, усиливаемой мощным притяжением планеты. Сам по себе порт не был ни

большим, ни особо впечатляющим, и казалось совершенно очевидным, что основная часть сооружений находится под землей.

— Сколько жителей в этом городе? — спросил Третий робот.

— Город маленький, всего десять миллионов, — ответил юпитерианип.

— Понятно. Первый, возьми-ка это на заметку.

Первый робот автоматически выполнил приказ, а затем опять повернулся к озеру, на которое и раньше смотрел как зачарованный. Он тронул за локоть Третьего робота.

— Послушай, как ты считаешь, в нем водится рыба?

— А тебе не все равно?

— Я думаю, мы должны это узнать. Наши хозяева на Земле приказали нам выяснить все, что можно.

Из трех роботов Первый был простейшей моделью и, значит, относился к разряду тех, кто любой приказ воспринимал буквально.

Второй робот сказал:

— Да пусть его сходит и посмотрит, коль ему так хочется. Беды большой не будет от того, что мы позволим этому дитяти слегка порезвиться.

— Что ж, я не возражаю, пусть идет, но он просто зря потратит время. Рыба — это, конечно, не то, за чем мы сюда прилетели. Давай, Первый, валяй!

В сильном возбуждении Первый робот побежал на берег и с плеском плюхнулся в озеро. Юпитериане внимательно следили за ним. Разумеется, они ничего не поняли из предыдущего разговора.

Специалист по коду отстучал:

— Кажется, ваш приятель при виде нашего могущества решил с горя покончить с собой.

Третий робот с удивлением ответил:

— Да что вы! Он просто решил исследовать вашу

фауну, хочет узнать, могут ли живые организмы существовать в аммиачном озере. — И добавил, как бы извиняясь: — Наш друг временами бывает чрезмерно любопытен. Он не столь сообразителен, как мы, но это его единственный недостаток. Мы это понимаем и стараемся потакать ему по мере возможности.

Наступила длинная пауза, затем юпитерианцы замечли:

— Оп, наверное, утонул!

Третий робот возразил:

— Нам это не грозит. Мы не можем утонуть. Давайте, как только он вернется, сразу отправимся в город.

В эту минуту на расстоянии нескольких сот футов от берега поднялся огромный столб жидкости. Он бесшумно взметнулся вверх и рассыпался на мелкие брызги, уносимые ветром. Второй столб, третий, затем белый пенистый гребень побежал к берегу, оставляя за собой след и постепенно замедляя скорость.

Роботы на берегу с удивлением взирали на происходящее, а полная неподвижность юпитериан свидетельствовала о том, что они также смотрели с не меньшим интересом.

Потом на поверхность озера выпрыгнула голова Первого робота и наконец он сам начал медленно выползать на берег. Но что там тянулось за ним вслед?! Какое-то чудовище гигантских размеров, казалось, все состоящее из клыков, челюстей и игл. Через минуту стоявшие на берегу уразумели, что огромное страшное существо следует за роботом не по своей охоте, его тащит Первый робот. Все так и присели.

Первый, слегка робея, подошел к юпитерианам и сам повел переговоры. Он взволнованно отступал юпитерианину:

— Весьма сожалею о случившемся, но эта тварь попала на меня. Я только делал о ней заметки. Надеюсь, это не ценный экземпляр?

Поскольку появление чудовища внесло замешательство в ряды юпитериан, ответ был получен не сразу. Они медленно приходили в себя, и после тщательного осмотра, подтвердившего, что животное на самом деле мертво, порядок наконец был восстановлен. Некоторые смельчаки из любопытства пинали распростертое тело.

Третий робот просительным тоном сказал:

— Надеюсь, вы извините нашего друга. Он временно бывает очень неуклюж. Мы совсем не собирались причинять вред вашим животным.

— Он напал на меня, — оправдывался Первый. — Укусил без всякого повода. Посмотрите! — и робот ткнул пальцем в двухфутовый клык со сломанным острием. — Он сломал его о мое плечо и чуть меня не поцарапал. Я только слегка шлепнул его, чтобы отогнать прочь... а он взял да и умер. Простите меня!

Наконец юпитерианин, слегка заикаясь, заговорил трескучим голосом:

— Э-т-то дикое животное редко подходит так близко к берегу, хотя здесь и достаточно глубоко.

Третий робот обеспокоенно сказал:

— Если вы можете использовать его для еды, то мы будем только рады...

— Нет. Мы добудем пищу без помощи разного сбро... других. Ешьте его сами.

Услышав это, Первый робот одним движением руки поднял чудовище и бросил его назад в озеро. Третий небрежно проронил:

— Спасибо на добром слове, но нам не нужна пища. Мы вообще ничего не едим.

Роботы в сопровождении примерно двухсот вооруженных юпитериан спустились по ряду наклонных плоскостей в подземный город. Если на поверхности город можно было счесть маленьким, незаметным, то под землей он оказался огромным мегалополисом.

Их тотчас же посадили в вагон, управляемый на расстоянии, — ибо ни один добропорядочный, уважающий себя юпитерианин не стал бы подвергать риску свое достоинство, усевшись рядом с каким-то сбродом, — и отправили со страшной скоростью к центру города. Они видели достаточно, чтобы прийти к выводу: город простирается миль на пятьдесят и уходит под землю на глубину не менее восьми миль.

— Если это типичный образчик развития юпитерианской цивилизации, то как можно привезти людям обнадеживающий отчет? — безрадостно констатировал Второй робот. — По сути говоря, мы наудачу высадились на огромной территории Юпитера; у нас был один шанс на тысячу, что мы окажемся вблизи действительно большого населенного центра. А это, как сказал эксперт по коду, всего лишь заштатный городишко.

— Десять миллионов жителей, — задумчиво молвил Третий робот. — А всего юпитериан должно быть несколько биллионов — много, слишком много даже для Юпитера. Цивилизация у них, видимо, полностью урбанистическая, а значит, наверняка неимоверно развита наука. Если у них уже есть силовые поля, то...

У Третьего робота не было шеи, ибо ради прочности голова в этих моделях была утоплена в грудную клетку и там намертво приклепана к корпусу, а нежный позитронный мозг защищен тремя отдельными слоями придневого сплава толщиной в дюйм. Но если бы таковая у него имелась, то он бы горестно закивал головой.

Но вот вагон остановился на открытом месте. Повсюду вокруг были видны широкие проспекты и большие здания с толпящимися юпитерианами, не менее любопытными, чем толпы землян в аналогичных обстоятельствах.

К роботам приблизился эксперт по коду и отступал:

— Сейчас мне пора удалиться от дел до следующего рабочего цикла. Мы настолько пошли вам навстречу, что подыскиали жилье, хотя последнее сопряжено для нас с большими неудобствами, ибо, как вы сами понимаете, здание потом придется снести и на его месте построить другое. Тем не менее вы пока можете спать в нем.

Третий робот протестующе замахал руками и отступал:

— Большое спасибо, но вы зря беспокоились. Мы ничего не имеем против того, чтобы расположиться прямо здесь. Если вам хочется спать, пожалуйста, не стесняйтесь. Мы подождем. Что же касается нас, — небрежно бросил робот, — то мы вообще никогда не спим.

Специалист по коду ничего не ответил, но, будь у него лицо, интересно было бы на него взглянуть.

Он ушел, а роботы остались в вагоне, окруженные отрядами хорошо вооруженных стражников, стоявших сомкнутыми рядами.

Прошло много часов, пока стража, наконец, не расступилась, чтобы пропустить эксперта и двух незнакомых юпитериан, которых тот представил роботам:

— Это два члена центрального правительства, они милостиво согласились поговорить с вами.

Один из вновь прибывших, очевидно, знал код, ибо его треск резко оборвал эксперта.

Он обратился к роботам:

— Эй вы, скоты! Ну-ка, живо вылезайте из вагона! Дайте нам посмотреть на вас!

Роботы с такой готовностью поспешили выполнить приказание, что, пока Второй и Третий выпрыгивали с правой стороны вагона, Первый робот рванулся сквозь левую. Слово «сквозь» здесь использовано с умыслом, ибо, поскольку робот не обратил внимания на механизм, опускающий вниз часть стены для выхода, то он снес ее своим корпусом, прихватив и два

колеса с осью впридачу. Вагон рухнул. Первый робот стоял в замешательстве и не знал, что сказать, с удивлением разглядывая обломки.

Наконец он отстучал слова извинения:

— Я очень сожалею... Надеюсь, это не очень дорогая машина.

Второй робот добавил извиняющимся тоном:

— Наш приятель часто бывает неуклюж. Простите его, пожалуйста.

А Третий робот сделал робкую попытку починить вагон.

Первый робот попытался еще раз извиниться:

— Стенка вагона была не очень прочная. Глядите...— Он поднял метровую плиту трехдюймовой толщины из армированного металлом пластика и слегка надавил ее пальцем. Плита тотчас раскололась пополам.— Я учту это впредь, — пообещал он.

Представитель юпитерианского правительства, немного сбавив тон, сказал:

— Все равно вагон был бы уничтожен после того, как вы осквернили его своим пребыванием. — Он помолчал, а затем продолжал: — Жалкие создания. Нам, юпитерианам, чуждо вульгарное любопытство касательно низших существ, но наши ученые нуждаются в фактах...

— Мы целиком согласны с вами, — приветливо отвечал ему Третий робот, — мы тоже интересуемся фактами.

Юпитерианин игнорировал его слова.

— У вас, видимо, нет органов ощущения массы. Каким же образом вы опознаете отдаленные предметы?

Третий робот сразу заинтересовался:

— Вы хотите сказать, что вы ощущаете массу тела непосредственно?

— Я здесь не затем, чтобы отвсчать на ваши во... на ваши наглые вопросы относительно нас.

— Я понял так, что предметы с очень малой массой для вас прозрачны даже при отсутствии излучения. — Третий робот обернулся ко Второму и сказал: — Так вот как, оказывается, они видят. Их атмосфера так же прозрачна для них, как космическое пространство.

Юпитерианин вновь начал отстукивать:

— Отвечайте на мой первый вопрос, или мое терпение истощится и я прикажу вас уничтожить.

Третий робот тотчас сказал:

— О юпитерианин, мы ощущаем лучистую энергию и при желании можем настроиться на любую длину волны по всему электромагнитному спектру колебаний. В настоящий момент мы видим на далекое расстояние путем излучения радиоволн, а на близкое — посредством... — он замолчал и обратился ко Второму роботу: — В коде есть обозначение для гамма-лучей?

— Насколько мне известно, нет, — отвечал Второй.

Третий робот опять обратился к юпитерианину:

— На близком расстоянии мы используем другой вид излучения, для которого в коде нет соответствующего слова.

— Из чего состоит ваше тело? — спросил тот.

Второй робот шепнул Третьему:

— Он, видимо, хочет узнать, почему его орган ощущения массы не может проникнуть сквозь нашу кожу. Ты же знаешь, высокая плотность. Следует ли сообщать ему об этом?

Третий робот неуверенно ответил:

— Люди нам ничего не говорили о том, какие сведения нам нужно держать в секрете. — А потом отступал юпитерианину: — Мы состоим главным образом из припая. Кроме того, в нас есть и медь, и олово, немало бериллия и масса других элементов.

Юпитериане отшатнулись, и по еле уловимому трепету различных сегментов их невыразимо страшных

тел было видно, что они о чем-то оживленно переговариваются, хотя никто не издал ни звука.

Затем правительственный чиновник вновь обратился к роботам.

— Существа с Ганимеда! Мы решили провести вас по некоторым нашим фабрикам, чтобы показать вам хотя бы ничтожную часть наших величайших достижений. Потом мы отпустим вас назад на Ганимед, с тем чтобы вы там сеяли уныние и страх среди остального сбро... остальных живых существ.

Третий робот шепнул Второму:

— Заметь особенность их психического склада. Им обязательно нужно доказать свое превосходство. И все лишь ради поддержания собственного престижа.

А затем он отстучал с помощью кода:

— Благодарим за предоставленную возможность.

Однако престиж был поддержан, в чем роботы довольно быстро убедились.

Демонстрация сил была похожа на поездку и осмотр Всемирной выставки. Юпитериане показывали каждую мелочь и объясняли буквально все, охотно отвечая на вопросы, так что Первый робот сделал сотни заметок, весьма неутешительных для землян.

Военный потенциал только этого, так называемого захолустного города в несколько раз превышал потенциал Ганимеда. Десяток таких городов мог произвести столько продукции, сколько не производило все межпланетное государство землян. А ведь это была ничтожная часть той военной силы, которую мог выставить весь Юпитер.

Первый робот толкнул Третьего локтем, и тот повернулся:

— Ну что тебе?

Первый серьезно спросил:

— Если у них есть силовые поля, то людям на Земле несдобровать, ведь так?

— Боюсь, что так. А почему это тебя вдруг заинтересовало?

— Да потому, что они не показали нам правое крыло здания. Может быть, именно там изготавливаются силовые поля. Если так, то, видимо, они хотят сохранить это в тайне. Хорошо бы выяснить. Ведь, ты сам понимаешь, это основное.

Третий мрачно посмотрел на Первого.

— Может, ты и прав. Во всяком случае, упускать ничего нельзя.

Они как раз шли по огромному сталеплавильному заводу, разглядывая стофутковые балки из стойкой к воздействию аммиака кремнистой стали, которые завод выдавал по двадцать штук в секунду.

Третий робот равнодушным тоном спросил юпитерианина:

— Скажите, а что находится в том крыле?

Правительственный чиновник проконсультировался у администратора завода и сказал:

— Там термический цех. Множество технологических процессов требует высоких температур, которых не выдержит ни один живой организм. Вот почему этими процессами управляют дистанционно.

Он направился к перегородке, от которой так и несло жаром, и показал на маленькие круглые отверстия, закрытые каким-то прозрачным материалом. Сквозь эти отверстия проникали дымчато-красные нити света — за стеной сквозь густой, мглистый воздух цеха виднелись пылающие горны.

Первый робот бросил недоверчивый взгляд на юпитерианина и отступал:

— Ничего, если я зайду внутрь и посмотрю все как следует? Меня это очень заинтересовало.

Третий робот сказал:

— Брось дурить. Они не соврали. Впрочем, если

хочешь, то валяй, только не задерживайся, нам надо еще многое успеть посмотреть.

— Вы, видимо, не представляете, какая там жара, — сказал юпитерианин. — Вы же там сгорите.

— О нет, — пренебрежительно заявил Первый робот. — Нам жара нипочем.

Юпитериане немного посоветовались между собой, затем ритмичная работа завода была нарушена столь непредвиденным случаем и началась суматоха. Установили экраны из теплопоглощающих материалов и открыли заслонку, которую до этого во время работы горнов ни разу не открывали. Первый робот вошел внутрь, и за ним тут же закрыли заслонку. Юпитериане прильнули к прозрачным окопечкам. Робот подошел к ближайшей плавильной печи и пробил летку. Поскольку он ростом немного не вышел и не мог сверху заглянуть в печь, то он наклонил ее и выпустил часть жидкого металла в разливочный ковш. Он с любопытством взглянул на содержимое ковша, затем погрузил в него руку по локоть и начал мешать расплавленный металл, желая установить его консистенцию. Покончив с этим, он вытащил руку из ковша, стряхнул капли сверкающего металла на пол и обтер кисть руки об одно из своих шести бедер. Затем медленно прошелся вдоль рядов плавильных печей и просигналил, чтобы его выпустили.

Когда он вышел из термического цеха, юпитериане отступили на приличное расстояние и обдали его струей жидкого аммиака, который, шипя и пенясь, испарялся до тех пор, пока температура тела у робота не снизилась.

Первый робот, не обращая ни малейшего внимания на аммиачный душ, сказал:

— Они не соврали. Никаких силовых полей там нет.

Третий робот начал было отчитывать его:

— Понимаешь ли... — но Первый немедленно прервал его:

— Не зря же я старался. Люди приказали нам выяснить все, разве не так? — И, обратившись к юпитерианину, он отстучал решительно: — Послушайте, а юпитерианская наука получила силовые поля?

Прямота Первого робота была естественным следствием менее развитых умственных способностей. Два его товарища знали об этом и потому решили, что возражать бесполезно.

Юпитерианский чиновник постепенно выходил из состояния транса; невольно создавалось впечатление, что он тупо уставился на руку робота, ту самую, которую тот опускал в расплавленную сталь. Наконец он медленно произнес:

— Силовые поля?! Так это они вас главным образом интересуют?

— Да, — отчеканил Первый робот.

К юпитерианину прямо на глазах возвратилась самоуверенность, и он резко отстучал:

— Эй, вы, сброд, пошли!

Третий робот заметил Второму:

— Ну вот, мы опять сброд. Похоже, что нас ждут неприятные вести.

Второй с грустью согласился.

События разворачивались на самой окраине города — в той части жилого массива, которую на Земле называли бы пригородом, — в одном из взаимосвязанных между собой зданий, весьма отдаленно напоминавших земной университет.

Никаких вопросов и объяснений не давалось. Официальный представитель юпитерианского правительства быстро шел впереди, а роботы следовали за ним в полном убеждении, что сейчас они увидят самое худшее.

Конечно, не кто иной, как Первый робот, остановился перед раздвинутой частью стены, после того как остальные прошли.

— Что это такое? — спросил он.

Помещение было заставлено низкими маленькими скамейками, юпитерпане крутились возле странных приборов, основную часть которых составлял мощный электромагнит длиной в дюйм.

— Что это такое? — опять спросил Первый робот.

Юпитерпанни нетерпеливо обернулся.

— Это учебная биолaborатория для студентов. Вам она ни к чему.

— Но чем они тут занимаются?

— Изучают микрофлору. Вы что, микроскопа никогда не видели?

В разговор вмешался Третий робот.

— Видел, но другого типа. Наши микроскопы помогают органам зрения, чувствительным к энергии, и действуют за счет преломления лучей. Ваши же, очевидно, основаны на принципе расширения массы. Весьма остроумно.

Первый робот спросил:

— Можно я посмотрю некоторые ваши образцы?

— Да что в этом проку? Вы не можете пользоваться нашими микроскопами из-за своих сенсорных ограничений, и нам придется выкинуть образцы. Бросьте срундить.

— Но мне и не нужен микроскоп, — удивленно возразил робот. — Я легко могу перестроиться и буду видеть не хуже, чем в микроскоп.

Он подошел к ближайшей скамейке, а все студенты отступили в дальний угол, чтобы не осквернить себя. Первый робот отодвинул юпитерианский микроскоп в сторону и начал внимательно разглядывать предметное стекло. Озадаченный, он отошел, взял второе стекло, третье... четвертое...

Вернувшись к ожидающим, он спросил юпитерианина:

— Я полагаю, образцы под микроскопами — живые, не так ли? Я имею в виду тех маленьких червячков.

Юпитерианин ответил:

— Разумеется.

— Страшно, стоит мне на них взглянуть, как они тут же подымаются.

Третий робот обратился к двум своим товарищам:

— Мы же забыли, что испускаем гамма-лучи. Первый, пойдем-ка отсюда поживей, а то все образцы под микроскопом передохнут. — И он повернулся к юпитерианину: — Боюсь, что наше дальнейшее пребывание здесь может оказаться губительным для более слабых форм жизни. Лучше нам уйти отсюда. Надеюсь, образцы не слишком трудно будет заменить. И если на то пошло, вам тоже лучше держаться подальше от нас, а то как бы наше излучение не подействовало и на вас. Как вы себя чувствуете, нормально?

Юпитерианин двинулся прочь в гордом молчании, однако следует заметить, что с этого момента он стал держаться от них подальше.

Больше не было сказано ни слова, пока роботы не вошли в огромный зал. В самом центре его, несмотря на мощные силы притяжения Юпитера, висели в воздухе без всякой поддержки (точнее, с невидимой поддержкой) огромные бруски металла.

Правительственный чиновник отступал:

— Вот вам ваше словесное поле в его окончательном виде. Внутри этой сферы вакуум, так что поле выдерживает давление нашей атмосферы плюс такое количество металла, вес которого равен массе двух больших космических кораблей. Ну, что вы на это скажете?

— Скажу, что теперь вы получили возможность выйти в космос, — ответил Третий робот.

— Правильно. Ни один пластик, ни один металл не удержат вакуум при нашем атмосферном давлении, а силовое поле — пожалуйста. И сфера силового поля будет нашим космическим кораблем. В течение года мы построим сотни тысяч таких кораблей. Затем тучей двинемся на Ганимед и расправимся с так называемыми разумными тварями, которые претендуют на мировое господство.

— Люди на Ганимеде никогда не претендовали... — начал было Третий робот.

— Молчать! — цыкнул на него юпитерианин. — А теперь возвращайтесь на свой Ганимед и расскажите всем, что вы тут видели. Те маломощные силовые поля, какие, к примеру, имеются на вашем корабле, не устоят против наших, потому что самый маленький наш корабль по величине и мощи будет в сотни раз превосходить ваши корабли.

— Тогда нам ничего больше не остается, как вернуться с этим сообщением, — ответил Третий робот. — Пожалуйста, доставьте нас обратно к нашему кораблю, и мы распрощаемся. Но, между прочим, да будет вам известно, вы кое-что недопоняли. У нас на Ганимеде, конечно, есть силовое поле, но на нашем корабле его нет. Нам оно просто не нужно.

Робот повернулся и знаком приказал своим товарищам следовать за ним. Некоторое время они молчали, а потом Первый робот удрученно пробормотал:

— Давайте попробуем разрушить эту установку.

— Не поможет, — ответил Третий робот. — Они задают нас числом. Так что бесполезно. В течение ближайшего десятилетия с нашими хозяевами будет покончено. Устоять против юпитериан невозможно. Их слишком много. Пока они были привязаны к Юпитеру, человечество находилось в безопасности. А сейчас, когда у них силовые поля... Мы можем лишь доставить людям эту печальную весть. Часть людей,

конечно, сможет еще продержаться некоторое время в тайных убежищах, ну а потом...

Город остался позади. Роботы вышли на открытую равнину неподалеку от озера, туда, где на горизонте темным силуэтом вырисовывался их космический корабль, когда юпитерианин вдруг произнес:

— Эй, вы, сброд! Вы сказали, что ваш корабль не имеет силового поля?

Третий робот равнодушно ответил:

— Нам оно не нужно.

— Как же тогда ваш корабль выдерживает космический вакуум? Ведь разность давлений должна разорвать его на куски!

И он изогнул щупальце, словно желая этим немым жестом дать понять, какова юпитерианская атмосфера, которая давит на вас с силой двадцать миллионов футов на квадратный дюйм.

— Все это очень просто, — ответил ему Третий робот. — Наш корабль не герметизирован. Давление — что внутри, что снаружи — одинаково.

— Даже в космосе?! В вашем корабле вакуум?! Вы лжете!

— Подите и убедитесь сами. Ни силового поля, ни герметичности. Что же в том удивительного? Мы не дышим. Свою энергию мы получаем прямо из атомной. Есть воздух, нет его — нам это безразлично, и в вакууме мы чувствуем себя не хуже, чем рыба в воде.

— Но абсолютный ноль?!

— Какое это имеет значение? Мы стабилизируем температуру своего тела. Окружающая температура нас не интересует. — Он помолчал, а затем добавил: — Ну, мы пойдем на корабль. Прощайте. Мы передадим людям на Гахимеде ваше заявление: война не на жизнь, а на смерть!

Однако юпитерианин сказал:

— Подождите немного. Я скоро вернусь.

Он повернул назад и поспешил в город.

Роботы остановились и стали молча ждать.

Прошло не меньше трех часов, прежде чем вернулся представитель центрального правительства Юпитера, а вернулся он запыхавшись. Он остановился, как обычно, в десяти футах от роботов, а затем пал ниц и в такой униженной позе пополз к ним. Он ничего не говорил до тех пор, пока его резиноподобная серая кожа не коснулась их, а затем отстучал покорно и уважительно:

— Досточтимые сэры! Я связался с главой нашего центрального правительства, который лишь теперь узнал обо всех обстоятельствах дела, и, смею вас заверить, Юпитер хочет только мира.

— Прошу прощения, что вы сказали? — безучастно спросил Третий робот.

— Мы готовы возобновить контакты с Ганимедом и рады сообщить вам, что никаких попыток выйти в космос мы предпринимать не будем. Наши силовые поля будут использованы только для нужд самого Юпитера.

— Но... — заикнулся было Третий робот.

— Наше правительство охотно примет любого человека, которого наши досточтимые братья, люди на Ганимеде, пожелают к нам послать. Милостивые государи, если вы теперь удостоите нас чести и поклянетесь жить в мире...

К Третьему роботу протянулось покрытое чешуей щупальце юпитерианина, и тот, совершенно ошеломленный, пожал его. То же самое сделали Второй и Первый, когда им были протянуты два других щупальца.

Юпитерианин торжественно провозгласил:

— Да здравствует вечный и нерушимый мир между Юпитером и Ганимедом!

Космический корабль, протскавший как решето, вновь находился в открытом космосе. Давление и температура опять упали. Роботы все смотрели на огромный, постепенно уменьшающийся шар под названием Юпитер.

— Они, конечно, искренне предлагали мир, — заметил Второй робот, — и мне очень приятно, что они повернули на 180°, но я никак не могу понять, в чем тут дело.

— Я думаю, юпитериане вовремя опомнились и поняли, сколь пагубна мысль о причинении зла людям, нашим хозяевам, — заметил Первый робот. — Так что все объясняется весьма просто.

Третий робот глубоко вздохнул и сказал:

— Видите ли, тут проблема чисто психологическая. Эти юпитериане обладают комплексом превосходства толщиной в милю, так что, когда им не удалось уничтожить нас, они пошли на все, только бы спасти свой престиж. Всякие их выверты, объяснения и рассказы были типичным бахвальством, чтобы пустить нам пыль в глаза, чтобы мы смирились перед их мощью и превосходством.

— Все это понятно, — прервал его Второй робот, — и все же почему...

Третий продолжал:

— Но получилось совсем не так, как они рассчитывали. Они преуспели только в том, что убедились — мы их во всем превосходим: мы не тонем, не едим и не спим, расплавленный металл нам не вредит. А отсутствие герметичности на нашем корабле потрясло их, сыграло роковую роль. Их последним козырем было силовое поле. Но когда выяснилось, что мы в нем вообще не нуждаемся и можем жить в вакууме при абсолютном нуле, — это их совсем доконало, тут все и рухнуло.

Третий робот помолчал, а потом философски изрек:

— Когда комплекс превосходства так вот рушится, то это уж павсегда.

Второй робот после некоторого раздумья сказал:

— Но все это еще ничего не объясняет. Чего им беспокоиться о том, что мы можем или не можем? Ведь мы всего лишь роботы. Воевать-то им придется с людьми.

— В этом-то все дело, приятель, — мягко ответил Третий робот. — Мне это пришло в голову, только когда мы покинули Юпитер. Ты знаешь, по своей оплошности, совершенно непреднамеренной, мы совсем забыли им сказать, что мы только роботы.

— Так никто же нас об этом не спрашивал, — сказал Первый робот.

— Правильно. Поэтому они считали, что мы и есть настоящие люди и что остальные земляне подобны нам.

Он взглянул еще раз на Юпитер и глубокомысленно заметил:

— Не удивительно, что они решили поджечь хвост.

Гарри Гаррисон

Давление

Напряженность внутри корабля нарастала по мере того, как снаружи увеличивалось давление, и с той же скоростью. Вероятно, это происходило потому, что Ниссиму и Альдо совершенно нечем было заняться. Времени на размышления у них было более чем достаточно. То и дело они поглядывали на манометры, тут же отводили глаза в сторону и затем вновь, будто пехотя, возобновляли эту процедуру — опять и опять. Альдо сплетал и расплетал пальцы, с досадой ощущая холодный пот на ладонях, а Ниссим курил сигарету за сигаретой. Один лишь Стэн Брэндон — человек, на котором лежала вся ответственность, — оставался спокойным и сосредоточенным. В те минуты, когда он вглядывался в показания приборов, он, казалось, полностью расслаблялся, но стоило ему протянуть руку к панели управления, как в его движениях появлялась скрытая энергия. Непонятно почему, но это раздражало его спутников, хотя ни один из них не решился бы признаться в этом.

— Манометр вышел из строя! — обескураженно воскликнул Ниссим, подавшись вперед из тугих объятий предохранительного пояса. — Он показывает нуль!

— А это ему и положено, док, так уж он устроен, — улыбнувшись, ответил Стэн. Он протянул руку к панели и перебрал тумблер. Стрелка дрогнула, а на

шкале появились новые цифры. — Единственный способ измерять подобные давления. В наружной обшивке у нас — металлические и кристаллические блоки, прочность у них у каждого своя; когда под давлением один из них разрушается, мы переключаем на следующий...

— Да, да, я знаю...

Ниссим взял себя в руки и снова глубоко затянулся. Ну, конечно же, на инструктаже им говорили о манометрах. Просто сейчас это вдруг вылетело у него из головы. Стрелка уже снова ползла по шкале. Ниссим взглянул на нее, отвел глаза в сторону, представил себе, что творится сейчас за глухими, без иллюминаторов, стенками металлического корпуса, потом снова, вопреки собственному желанию, бросил взгляд на шкалу и почувствовал, что ладони у него вспотели. У Ниссима, ведущего физика Проекта, было слишком богатое воображение.

То же самое происходило с Альдо Габриэлли, и он отдавал себе в этом отчет: он предпочел бы заняться хоть чем-нибудь, лишь бы не таращиться на шкалу и не томиться в ожидании. Темноволосый, смуглый, носатый, он выглядел как чистокровный итальянец, хотя был американцем в одиннадцатом поколении. Его репутация в области технической электроники была по меньшей мере столь же солидной, как репутация Ниссима в физике. Его считали чуть ли не гением — из-за работ по сканотронному усилению, которые революционизировали всю технику телепортации материи. Альдо испытывал страх.

«Христиан Гюйгенс» погружался во все более плотные слои атмосферы Сатурна. «Христиан Гюйгенс» — таково было официальное название корабля, но монтажники на базе «Сатурн-1» окрестили его попросту Шаром. В сущности он и был шаром — сплошной металлической сферой со стенками десятиметровой

толщины и довольно небольшой полостью в середине. Его огромные клиновидные секции были отлиты на заводах Астероидного Пояса и отправлены для сборки на станцию-спутник «Сатурн-1». Здесь, на удаленной орбите, откуда открывался невероятной красоты вид на кольца и нависшее над ними массивное тело планеты, Шар приобрел свой окончательный вид. С помощью молекулярной сварки отдельные секции были соединены в сплошное, без швов, целое, а перед тем как ввести на место последний клин, внутри тщательно разместили ТМ-экраны — установку телепортации материи. После того как последняя секция была соединена с остальными, попасть внутрь Шара можно было уже только через телепортатор. Поскольку на этом сварщики с их смертоносными излучателями свое дело закончили, можно было приступать к завершающему этапу сборки. Во внутренней полости под палубой были смонтированы огромные, специально сконструированные ТМ-экраны, а на самой палубе вскоре уже громоздились запасы продовольствия, кислородный регенератор и прочая аппаратура, сделавшая Шар пригодным для жилья. Потом были установлены приборы управления, а также наружные резервуары и реактивные двигатели, которые превратили Шар в атомный космический корабль. Это был корабль, которому предстояло опуститься на поверхность Сатурна.

Восемьдесят лет назад такой корабль невозможно было построить: не были еще разработаны уплотненные давлением сплавы. Сорок два года назад его не удалось бы собрать, потому что не была еще изобретена молекулярная сварка. А еще десять лет назад нечего было и думать о сплошном, без единого отверстия корпусе — ведь именно тогда была впервые осуществлена на практике идея атомной дифференцировки вещества. Прочность металлической оболочки Шара не ослабляли ни проводники, ни волноводы. Вместо них

сквозь металл проходили капалы дифференцированного вещества — химически и физически они ничем не отличались от окружающего сплава, но тем не менее способны были проводить изолированные электрические импульсы. В целом Шар был как бы воплощением неудержимо расширявшихся человеческих познаний. А с точки зрения трех людей, которых он должен был доставить на дно сатурнианской атмосферы, на глубину 20 000 миль, это была тесная, наглухо закрытая тюремная камера.

Все они были подготовлены к тому, чтобы не ощущать клаустрофобии, тем не менее они ее ощущали.

— Контроль, контроль, как меня слышите? — сказал Стэн в микрофон, потом быстрым движением подборода переключил тумблер на прием. Несколько секунд длилась пауза, пока передаваемая лента, пощелкивая, проходила сквозь ТМ-экрап и принятая лента сматывалась в его приемник.

— Один и три, — с присвистом произнес громкоговоритель.

— Это уже сигма-эффект дает себя знать, — оживился Альдо, впервые за все время оставив свои пальцы в покое. Он деловито поглядел на манометр. — Сто тридцать пять тысяч атмосфер, обычно он возникает как раз на этой глубине.

— Я бы хотел взглянуть на ленту, — сказал Ниссим, гася окурок, и потянулся к пряжке предохранительного пояса.

— Не стоит, док. — Стэн предостерегающе поднял руку. — До сих пор спуск шел гладко, но вскоре наверняка начнется болтанка. Вы же знаете, что за ветры в этой атмосфере. Сейчас мы попали в какую-то струю, и нас сносит вбок вместе с нею. Но такое везение не может продолжаться все время. Я попрошу их прислать еще одну ленту через ваш повторитель.

— Но это же секундное дело! — возразил Ниссим, однако его рука в нерешительности задержалась на пряжке.

— Раскрыть себе череп можно еще быстрее, — учтиво напомнил Стэн, и, как бы в подтверждение его слов, всю громадную махину корабля вдруг яростно швырнуло в сторону и угрожающе накренило. Оба ученых судорожно вцепились в подлокотники кресел, пока пилот выравнивал крен.

— Вы отлично пророчите беду, — проворчал Альдо. — Может, вы и благословения раздаете?

— Только по вторникам, док, — невозмутимо ответил Стэн, переключая манометр с очередного раздавливаемого датчика на следующий, еще целый. — Скорость погружения прежняя.

— Это начинает чертовски затягиваться, — пожаловался Ниссим, закуривая новую сигарету.

— Двадцать тысяч миль до самой поверхности, док, и грохнуться об нее с разгона нам тоже ни к чему.

— Толщина сатурнианской атмосферы мне достаточно хорошо известна, — сердито заявил Ниссим. — И пользя ли избавить меня от этого обращения — «док»?

— Вы правы, док. — Пилот повернул голову и подмигнул. — Я просто в шутку. Мы тут все в одной упряжке и все должны быть друзьями-приятелями. Зовите меня Стэн, а я буду звать вас Ниссим. А как вы, док, смотрите на то, чтобы превратиться в Альдо?

Альдо Габриэлли сделал вид, будто не расслышал. Пилот мог кого угодно вывести из себя.

— Что это? — спросил инженер, почувствовав, что по корпусу Шара вдруг побежала мелкая непрерывная вибрация.

— Трудно сказать, — ответил пилот, торопливо перебросив несколько тумблеров и проверяя по шкалам

приборов, что из этого получилось. — Что-то такое снаружи — может, мы в облака вошли. Какие-то переменные воздействия на корпус.

— Это кристаллизация, — заявил Ниссим, поглядывая на манометр. — В верхних слоях атмосферы температура минус двести десять по Фаренгейту, но там, наверху, низкое давление газов препятствует их замерзанию. Здесь давление намного больше. Надо полагать, мы проходим сквозь облака кристаллического метана и аммиака...

— А я только что потерял наш последний радар, — сообщил Стэн. — Снесло...

— Надо было нам запастись телекамерами, — сейчас бы мы могли увидеть, что там творится снаружи, — сказал Ниссим.

— Что увидеть? — переспросил Альдо. — Водородные облака с ледяными кристаллами в них? Телекамеру раздавило бы точно так же, как другие наружные приборы. Единственное, что нам действительно необходимо, — это радиоальтиметр.

— Ну, он-то работает на славу! — радостно возвестил Стэн. — Высота все еще слишком велика для отчета, но прибор в порядке. Иначе и быть не может, он же составляет одно целое с корпусом.

Ниссим сделал несколько глотков из водопроводной трубки на подлокотнике кресла. Глядя на товарища, Альдо ощутил, что и у него вдруг пересохло во рту, и последовал примеру Ниссима. Бесконечное погружение продолжалось.

— Сколько я проспал? — спросил Ниссим, удивляясь, что, несмотря на нервное возбуждение, ухитрился все-таки заснуть.

— Несколько часов, не больше, — сообщил Стэн, — зато со вкусом. Храпели, как гиппопотам.

— Жена всегда говорит: как верблюд. — Ниссим посмотрел на часы. — Слушайте, вы уже семьдесят два часа подряд бодрствуете! Вы не устали?

— Нет. Я свое наверстаю потом. Я принял таблетки да и вообще мне долгая вахта не впервой.

Ниссим откинулся в кресле и взглянул на Альдо — тот бормотал под нос числа, погруженный в решение какой-то задачи. «Никакое ощущение не может длиться бесконечно, — подумал Ниссим, — даже ощущение страха. Наверху мы оба здорово перетрусили, но это не могло продолжаться вечно».

Когда он поднял глаза на шкалу манометра, в нем было шевельнулось легкое волнение, но тут же улеглось.

— Давление не меняется, — известил Стэн, — но высота продолжает уменьшаться.

Под глазами у него были темные, будто подведенные сажей, круги, и последние тридцать часов он держался исключительно на допинге.

— Должно быть, аммиак и метан в жидком состоянии, — заметил Ниссим. — Либо в квазижидком — вещество непрерывно превращается из жидкости в пар и обратно. Видит бог, при таком давлении, как снаружи, может происходить что угодно. Почти миллион атмосфер! Просто не верится...

— А мне вполне верится, — откликнулся Альдо. — Слушайте, может, двинемся в горизонтальном направлении, чтобы отыскать какую-нибудь твердь там, внизу?

— Я уже битый час только тем и занимаюсь. Либо нам все-таки придется лезть и дальше в эту жижу, либо нужно прыгнуть вверх и поискать другое место для спуска. Лично мне не очень-то улыбается снова искать — равновесие придется поддерживать реактив-

ными толчками, а внизу нас еще ждет хорошенькая нагрузка...

— А топливо для прыжка у нас есть?

— Да, но я предпочел бы его придержать. Осталась примерно треть.

— Я голосую за погружение здесь, — сказал Ниссим. — Если атмосфера под нами жидкая, то она наверняка покрывает всю поверхность. Уверен, что при таком давлении, да еще с ветром, любые неровности на дне давным-давно сглажены.

— Не думаю, — возразил Альдо. — Но пусть это выясняют другие. Я тоже за погружение, но только ради экономии топлива.

— Итак, джентльмены, трое — за, против — ни одного. Тогда — вниз.

Неторопливое погружение продолжалось. Они приблизились к неустойчивой границе квазижидкости, и Стэн слегка притормозил громоздкую машину Шара, но изменение плотности было таким плавным, что корабль вошел в жидкость без особых толчков.

— А вот сейчас я поймал отчет! — Стэн впервые за все время казался возбужденным. — Он устойчиво держится на отметке пятнадцать километров. Может, у этой дыры и вправду есть дно, в конце-то концов!

Все оставшееся время спуска Ниссим и Альдо молчали, боясь отвлекать пилота. Но эта часть пути оказалась самой легкой. Чем глубже они погружались, тем спокойнее становилась атмосфера снаружи. На высоте одного километра не ощущалось уже ни малейших толчков, ни продольных перемещений. Они медленно скользили навстречу приближавшемуся дну. На высоте пятисот метров Стэн передал управление посадкой компьютеру, а сам замер, не отпуская рукояток, готовый в любую минуту взять командование на себя. Двигатели негромко взревели, смолкли, послышался короткий глухой скрежет — и вот они уже были на дне.

Стэн щелкнул тумблером и заглушил двигатели.

— Ну вот и все, — сказал он, потянувшись что было сил. — Мы приземлились на поверхности Сатурна. И по такому случаю не худо было бы выпить. — Он недовольно заворчал, обнаружив, что требуется чуть ли не вся его сила, чтобы подняться с кресла.

— Две целых и шестьдесят четыре сотых земного тяготения, — сказал Ниссим, читая показания тончайшего кварцевого балансира на своей приборной панели. — При такой нагрузке работать будет нелегко.

— То, что нам предстоит, не должно занять много времени, — ответил Альдо. — Давайте действительно выпьем. Потом Стэн сможет немного поспать, пока мы займемся наладкой ТМ-экранов.

— Идет. Мое дело сделано, и отныне я простой зритель — до тех пор пока вы, ребята, не доставите меня на базу.

В конструкции Шара было заранее предусмотрено, что придется работать под прессом почти тройных перегрузок. Альдо с помощью пилота развернул противоперегрузочные кресла таким образом, что открылся доступ к панели приборов и ТМ-экрану. Когда расслабили предохранительные пояса, кресло Ниссима тоже повернулось так, что теперь и он мог дотянуться до экрана. Еще не успели они окончить эти приготовления, как Стэн распластал свое кресло и вскоре уже громко храпел. Его спутники даже не заметили этого: им теперь предстояло приступить к своей части задания. Альдо, как специалист по ТМ, занялся контрольной проверкой, а Ниссим внимательно следил за ним.

— Все зонды, которые мы отправляли вниз, наткнулись на сигма-эффект, не пройдя и пятой части пути, — заговорил Альдо, подключая контрольные приборы. — Как только эффект достигал значительной величины, мы теряли всякий контроль над зондом и ни

за одним из них не сумели с точностью проследить хотя бы до половины пути. Мы попросту теряли с ними связь... — Он дважды проверил показания всех приборов и даже не стал выключать осциллограф, на экране которого луч вычерчивал синусоиду, потому что свалился в кресло, будучи уже не в силах разогнуть спину.

— Синусоида выглядит нормально, — заметил Ниссим.

— У-г-м. Остальные показания тоже в норме. Это означает, что твоя теория справедлива минимум на половину.

— Великолепно! — Ниссим впервые с начала полета улыбнулся. — Значит, погрешности не в телепортаторе?

— Абсолютно исключено.

— Тогда попробуем телепортировать и поглядим, пройдет ли сигнал. На базе уже настроились на нашу частоту и ждут.

— «Христиан Гюйгенс» вызывает «Сатурн-1». Как слышите? Прием.

Они внимательно проследили, как перфорированная лента, пощелкивая, исчезала в зеркале экрана, потом Альдо переключил ТМ на прием. Ничего не произошло. Он выждал шестьдесят секунд и снова послал сообщение; тот же результат.

— Вот тебе и доказательство, — удовлетворенно сказал Ниссим. — Передатчик в порядке. Приемник в порядке — в этом можно не сомневаться. А сигнал не проходит. Значит, срабатывает фактор пространственных искажений, о котором я говорил. Как только мы этот фактор учтем, связь будет восстановлена.

— Надеюсь, это не затянется. — Альдо удрученно поглядел на вогнутые стены каюты. — Ведь пока мы не наладим телепортацию, нам придется торчать здесь, в сердцевине этого гигантского яблочка. Да если б даже

отсюда и был выход, податься нам все равно некуда, мы как-никак торчим на самом дне аммиачного моря, а над нами двадцать тысяч миль ядовитой атмосферы.

— Отдохни. Я рассчитаю первую поправку. Если теория верна, то техническая сторона — это уже сущая безделица.

— У-г-м, — согласился Альдо, откидываясь в кресле и закрывая глаза.

Проснувшись, Стэн чувствовал себя по-прежнему обессиленным; сон в условиях такой перегрузки особого удовольствия не доставлял. Стэн зевнул, переменял позу и попробовал потянуться, но это оказалось не столько приятным, сколько мучительным делом. Повернувшись к своим спутникам, он увидел, что Ниссим сосредоточенно работает у компьютера.

— В чем загвоздка? — спросил Стэн. — Разве ТМ не работает?

— Нет, не работает, — раздраженно ответил Альдо. — И наш дорогой коллега обвиняет в этом меня, а...

— Но теория безупречна, хромает техническое воплощение!

— ...а когда я высказал предположение, что в его теорию могла затесаться парочка-другая ошибок, он чуть не кинулся на меня с кулаками...

Стэн поторопился вмешаться, чтобы предотвратить разгорающуюся ссору; его зычный командирский голос перекрыл все прочие звуки.

— Немедленно прекратите! И не говорите оба вместе, потому что я ни черта не понимаю. Не может ли кто-нибудь из вас ввести меня в курс дела и внятно растолковать, что тут происходит?

— Разумеется, — ответил Ниссим и замолчал, выжидая, когда Альдо кончит ворчать. — Что вам известно о теории телепортации?

— Попросту говоря — ничего. Мое дело — гонять космических лошадок, этого я и держусь. Одни их строят, другие — налаживают, а я — гоню. Может, вы мне объясните?

— Попытаюсь. — Ниссим задумчиво закусил губу. — Прежде всего пужно понять вот что: телепортатор ничего не сканирует и не транслирует, как, скажем, происходит в телевизионном передатчике. Никаких сигналов — в том смысле, как мы понимаем это слово, — он не передаст. Вся штука здесь в том, что поверхность передающего экрана находится в таком состоянии, что она не является больше частью нашего пространства в обычном его понимании. То же происходит и с приемным экраном, и стоит посадить эти экраны на одинаковую частоту, как между ними возникает резонанс. Они, если хотите, просто сливаются друг с другом, и расстояние, которое их разделяет, уже не играет никакой роли. Вы входите в один экран и тут же выходите из другого, не ощущая задержки ни во времени, ни в пространстве. Я очень сбивчиво объясняю...

— Да нет же, отлично, Ниссим. Ну и что дальше?

— А то, что хоть расстояние роли не играет, но вот физические условия в пространстве между экранами играют существенную...

— Я за вами не поспеваю, док!

— Попробую пояснить вам на примере, имеющем, кстати, прямое отношение к нашей телепортации. Лучи света в пространстве движутся по прямой, пока не произойдет какого-либо физического искажения: преломления, отражения и тому подобного. Но вспомните: эти же лучи можно отклонить от прямой и в том случае, когда они проходят через сильное гравитационное поле — такое, как у Солнца, скажем. Мы обнаружили такое же влияние полей на телепортацию и всегда вводим поправки, учитывающие массу Земли и других

небесных тел. В этой застывшей жиже, которая именуется сатурнианской атмосферой, возникают иные условия, тоже влияющие на состояние пространства. Невроятное давление меняет энергию связи атомов и вызывает напряжения в структуре вещества. Из-за этого в свою очередь искажаются соотношения теории телепортации. Поэтому здесь, прежде чем перемещать предмет с одного ТМ-экрана на другой, необходимо ввести допущения и поправки, учитывающие эти дополнительные искажения. Поправки эти я уже вычислил, теперь их нужно ввести.

— На словах все выглядит очень просто, — с отвращением сказал Альдо, — а на деле это ни черта не даст. Ни один сигнал не проходит. И наш уважаемый коллега никак не хочет со мной согласиться, когда я говорю, что необходимо повысить мощность телепортатора, если мы хотим что-нибудь протолкнуть сквозь это болото, которое нас окружает.

— Да не в количестве дело, а в качестве! — крикнул Ниссим, и Стэн снова поспешил вмешаться.

— Иными словами, Альдо, вы полагаете, что нам не сбойтись без того здорового экрана, который у нас под палубой?

— Вот именно. Он со всеми своими подвижными секциями как раз для этого и предназначен.

— Да одна его наладка займет месяц! — яростно воскликнул Ниссим. — И со всеми этими пробами мы себя наверняка загоняем до смерти!

— Ну-пу, так уж и месяц, — сказал Стэн, опускаясь в кресло и стараясь не застонать от боли. — А разминка будет только полезна для наших мускулов.

У них ушло четверо суток на то, чтобы расчистить и разобрать палубный настил, и под конец они были на грани полного изнеможения. Для подобных работ в конструкции были предусмотрены вспомогательные

механизмы: рым-болты, чтобы подцеплять груз, и лебедки, чтобы его поднимать, но и при этом нельзя было обойтись без ручного труда. Однако в конце концов почти вся палуба была очищена и разобрана, за исключением узенького кольцевого балкончика вдоль стены, на котором оставались только их кресла да контрольные приборы. Все остальное пространство занимал теперь огромный ТМ-экран. Лежа на окаменевших под действием силы тяжести подушках, они разглядывали его.

— Ну и громадина! — сказал Стэн. — В него может спокойно пройти посадочный космобот.

— У него есть более важные достоинства, — задыхаясь, проговорил Альдо. Кровь молотом стучала в его висках, и сердце покалывало от усталости. — Он буквально напичкан всевозможными контурами, включая запасные, а маневренная мощность у него в сотню раз больше, чем могло бы понадобиться в любых других условиях.

— Но как же вы доберетесь до его внутренностей, чтобы там ковыряться? Я тут ничего, кроме экрана, не вижу...

— Все продумано. — Альдо ткнул в сторону парезного отверстия в обшивке, откуда они только что вывернули пробку диаметром в фут. — Все операции проводятся отсюда. Прежде чем покинуть корабль, мы ввернем пробку обратно, а там уж она сама сядет в гнездо. Для наладки придется поднимать отдельные секции одну за другой, поочередно.

— То ли я отупел, то ли все из-за этой проклятой перегрузки. Я не понимаю.

Альдо был терпелив.

— В этом ТМ-экране — весь смысл нашей экспедиции. Для нас, конечно, наладить здесь телепортацию жизненно важно, но с точки зрения основной задачи Проекта — это дело второстепенное. Как только мы

отсюда телепортируемся, сюда явятся монтажники и заменят все временные контуры стандартными твердотельными блоками; потом они тоже выберутся наверх. Тем временем автоматические сверла постепенно пробуравят верхнее полушарие корабля. Подточенная сверлами оболочка треснет, провалится внутрь, прямо на зеркало экрана. Экрану это не повредит, потому что он тут же телепортирует все обломки прямо в космическое пространство. И с этого момента мы получим доступ на дно сатурнианского океана. Специалисты по сверхнизким температурам и сверхвысоким давлениям ждут не дождутся этой минуты...

Стэн кивнул, а Ниссим посмотрел на низкий свод, усеянный циферблатами приборов, и даже рот слегка приоткрыл, словно воочию увидел, как рушится эта металлическая громадина и следом за ней сюда врываются сжатые до миллиона атмосфер волны ядовитого океана.

— Давайте лучше начнем, — торопливо сказал он, делая мучительные усилия, чтобы приподняться. — Поднимем секции и произведем побыстрее наладку.

Ниссим и Стэн помогали Альдо поднимать секции экрана, по все необходимые переделки ему пришлось производить самому. Бормоча проклятия, он сосредоточенно перебирал блок за блоком, которые клал перед ним дистанционный манипулятор. Когда он совсем выбивался из сил, он останавливался и закрывал глаза, чтобы не видеть тревожных взглядов, которые Ниссим бросал то на него, то на потолок каюты. Стэн готовил для всех еду и с шуточками распределял скудный запас противоперегрузочных таблеток и прочих стимуляторов. Время от времени он рассказывал различные случаи из своей космической практики и явно получал удовольствие от этого монолога, чего нельзя было сказать об остальных.

Наконец, паладка была завершена. Были проделаны все контрольные испытания и последняя секция экрана скользнула обратно на свое место. Альдо сунул руку в нарезное отверстие и нажал рубильник: темнота на поверхности экрана сменилась знакомым мерцанием включенного ТМ.

— Телепортирует... — еле слышно пробормотал он.

— Ну-ка, пошли им вот что, — предложил Стэн, нацарапав на клочке бумаги: «Как слышите нас?» Он швырнул бумажку на самую середину экрана, и она тотчас исчезла. — А теперь прием.

Альдо переключил рубильник, и поверхность экрана снова изменила свой вид. Однако больше ничего не произошло. Какую-то долю мгновения они ждали, застыв, затаив дыхание, неотрывно глядя на пустую поверхность.

Затем из ничего вдруг возник кусок перфорированной ленты, весь в мягких изгибах, и, согнувшись под тяжестью собственного веса, стал свиваться в кольца. Ниссим был ближе всех — он дотянулся до ленты, схватил ее и стал сматывать, пока из экрана не выскочил оборванный конец.

— Работает! — выкрикнул Стэн.

— Частично, — сдержанно ответил Ниссим. — Качество телепортации наверняка не на высоте, и требуется более тонкая доводка. Но это они смогут выяснить на приемном пункте, тогда нам пошлют подбные указания.

Он заправил ленту в проигрыватель и включил его. От металлических стен каюты отразился какой-то оглушительный вопль. Лишь с огромным трудом в нем можно было распознать человеческий голос.

— М-да, тонкая доводка, — слегка усмехнувшись, сказал Ниссим, однако эта усмешка тотчас исчезла, потому что Шар вдруг накренился, а затем медленно

стал возвращаться в вертикальное положение. — Нас что-то толкнуло! — задыхаясь, проговорил он.

— Атмосферные течения, наверное, — сказал Альдо, вцепившись в подлокотники и выжидая, когда Шар остановится. — А может, плавучие льдины, трудно сказать. Самое время нам выбираться отсюда.

Теперь их одолевала бесконечная усталость, но они старались ее не замечать. Конец был так близок и база с ее уютной безопасностью казалась буквально рядом. Ниссим рассчитывал необходимые поправки, а его спутники снова поднимали секцию за секцией и переналаживали отдельные блоки. Это было худшее из занятий, которые можно придумать в условиях почти тройной перегрузки. Однако всего за сутки они добились почти идеального звучания лент, а образцы материалов, которые они телепортировали на базу, при проверке оказались нормальными с точностью до пятого знака. Время от времени Шар продолжал заваливаться, и они прилагали все усилия, чтобы не думать об этом.

— Теперь мы готовы к испытаниям на живых объектах, — произнес Ниссим в микрофон.

Альдо смотрел, как лента с запечатленными на ней словами исчезает в экране, и боролся с искушением броситься вслед за ней. Нужно ждать. Теперь уже скоро. Он переключил на прием.

— По-моему, мне еще никогда в жизни не приходилось так долго торчать на одном месте, — сказал Ниссим, уставившись, как и его спутники, на экран. — Даже из колледжа в Исландии я каждый вечер телепортировался домой.

— Мы привыкли к ТМ-экранам как к чему-то само собой разумеющемуся, — откликнулся Альдо. — Все время, пока мы на базе разрабатывали этот проект, я по вечерам отправлялся в Нью-Йорк. Мы перестаем

замечать все привычное, пока что-нибудь не разладится... как у нас здесь. Бам-то, конечно, легче, Стэн...

— Мне? — Пилот взглянул на него, удивленно подняв брови. — Я ничем не лучше. Я тоже при всяком удобном случае телепортировался к себе, в Новую Зеландию. — Его взгляд снова вернулся к пустому экрану.

— Я не это имел в виду. Просто вы уже привыкли к длительному одиночеству на корабле, во время полета. Видимо, это дает хорошую закалку. Вы как будто... ну, как будто не так всем этим напуганы, как мы.

У Стэна вдруг вырвался короткий, сухой смешок.

— Не обольщайтесь. Когда вас прошибает холодный пот — меня тоже. У меня просто подготовка другая. В моем деле стоит запаниковать — и вы уже на том свете. А в вашем это означает всего лишь пару лишних рюмочек перед обедом — для успокоения нервов. У вас не было особой нужды в самоконтроле, вот вы и не знаете, что это такое.

— Но это неверно, — возразил Ниссим. — Мы же цивилизованные люди, не какие-нибудь животные, мы умеем владеть собой...

— Что ж вы об этом не вспомнили, когда чуть не кинулись на Альдо с кулаками?

— Один — ноль в вашу пользу, — угрюмо ухмыльнулся Ниссим. — Согласен, я способен поддаться эмоциям, но ведь это же неотделимо от человеческой натуры. Но вот что касается вас, то... как бы это сказать?.. Вы, по-видимому, по складу характера не так легко возбудимы.

— Царапните меня — потечет точно такая же кровь. Это все тренировка — вот что не позволяет человеку хвататься за рубильник паники. Космонавты всегда были такими, начиная с первого дня. Надо полагать,

в их характере с самого начала заложено нечто необходимое для их будущей профессии, но только постоянная тренировка делает самоконтроль почти автоматическим. Вам не доводилось когда-нибудь слышать записи из серии «Голоса космоса»?

Не отрывая глаз от пустого экрана, Ниссим и Альдо помотали головами.

— Обязательно послушайте. Там записи за полстолетия, но вы ни за что не сумеете определить, когда именно сделана та или иная запись. Самообладание и четкость абсолютно одинаковы. И лучший пример, пожалуй, — это первый в истории космонавт Юрий Гагарин. В этой серии есть много записей его голоса, включая самую последнюю. Он летел тогда на обычном самолете и попал в аварию. Так вот, его голос до самой последней секунды звучал точно так же, как на всех других его записях, — отчетливо и спокойно.

— Но это же противоестественно! — воскликнул Ниссим. — Видимо, он был человеком совершенно иного склада, чем все остальные...

— Вы абсолютно не уловили мою мысль.

— Смотрите! — воскликнул вдруг Альдо.

Все они разом замолчали, потому что с экрана выскочила крохотная морская свинка и тут же свалилась на его поверхность. Стэн подобрал ее.

— Выглядит просто здорово, — сказал он. — Отличная шерстка, замечательные усы, еще тепленькая. И мертвая. — Он поглядел на их изможденные, испуганные лица и улыбнулся. — Не стоит волноваться. Мы ведь не обязаны сию же секунду нырять в эту электронную душегубку. Очередная наладка, не так ли? Хотите взглянуть на трупик или отпавить его обратно для анализа?

Ниссим отвернулся.

— Избавьтесь от нее поскорее и запросите сообщение. Следующая попытка должна дать результат.

Физиологи ответили быстро. Причина смерти — функциональные нарушения в синапсах аксонов, соединяющих нервные клетки. Случай, типичный для ранних экспериментов с ТМ, и поправки для него давно уже известны. Поправки были введены, хотя на этот раз в процессе наладки Альдо потерял сознание и им пришлось приводить его в чувство с помощью лекарств. Непрерывное физическое напряжение сказывалось на каждом из них.

— Не знаю, смогу ли я снова перекраивать эти секции? — почти шепотом произнес Ниссим, включая экран на прием.

На экране возникла еще одна морская свинка — без всяких признаков жизни. Потом она вдруг сморщила нос, перевернулась и стала испуганно тыкаться по сторонам в поисках убежища. Крик восторга прозвучал хрипло, слабо, но тем не менее это был крик восторга.

— До свиданья, Сатурн, — сказал Ниссим. — С меня довольно.

— С меня тоже, — присоединился Альдо и переключил экран на передачу.

— Сначала давайте послушаем, что скажут врачи об этой тварюшке, — напомнил Стэн, опуская морскую свинку на экран. Все следили за ней, пока она не исчезла.

— Ну, разумеется, — неохотно проговорил Ниссим. — Последняя проверка.

Она длилась долго и оказалась мало удовлетворительной. Они прокрутили ленту вторично.

— ...Таковы клинические данные, ребята. Похоже, что все это указывает на какое-то микроскопически ничтожное замедление первых сигналов и определенных рефлексов у нашей свинки. По правде говоря,

мы не можем утверждать наверняка, что произошло какое-то изменение, пока не проведем дополнительных опытов с контрольными животными. Не знаем, что вам и посоветовать. Решайте сами, как поступать. Тут, похоже, все сходится на том, что имеются скрытые отклонения, которые, по всей видимости, прямого влияния на животное не оказали, но какого рода эти отклонения, никто не решается гадать, пока не будут проделаны более основательные исследования. Это займет как минимум сорок пять часов...

— Не думаю, что мне удастся продержаться еще сорок пять часов, — сказал Ниссим. — Сердце у меня...

Альдо уставился на экран.

— Положим, я даже продержусь весь этот срок, но что толку? Я знаю, что эти секции мне больше не поднять. Кончено. У нас только один выход.

— Телепортироваться? — спросил Стэн. — Рано. Нужно ждать результатов исследования — сколько хватит сил.

— Если мы будем их ждать, нам крышка, — настаивал Ниссим. — Альдо прав: даже если нам сообщат новые поправки, еще одну палладку мы все равно не осилим. Это факт.

— Я думаю иначе, — начал было Стэн, но замолчал, видя, что никто его не слушает. Он и сам был на грани полного изнеможения. — Тогда давайте голосовать, пусть решает большинство.

Голосование не затянулось: двое против одного.

— Теперь остается последний вопрос, — снова заговорил Стэн, глядя в их изможденные, иссохшие лица — точные копии его собственного лица. — Кто рискнет? Кто пойдет первым? Ясно одно: Альдо должен остаться, потому что он единственный, кто может произвести наладку, если она еще потребуется. Дело не в том, сможет ли он ее произвести фактически, он все равно должен покинуть корабль последним. Так что

для роли морской свинки он не подходит. Вы тоже отпадаете, Ниссим, — как я понял из разговоров на базе, вы — главная надежда современной физики. Она в вас нуждается. А космических жокеев вроде меня сколько угодно. Значит, первым идти мне, когда бы мы ни решили это сделать.

Ниссим хотел было возразить, но не нашел убедительных аргументов.

— Отлично! Я первый — в качестве подопытной свинки. Но когда? Сию минуту? Мы все выжали из этого проклятого экрана? Вы уверены, что не сумеете больше продержаться — на случай, если понадобится еще одна наладка?

— Абсолютно уверен, — хрипло сказал Ниссим. — Я уже кончился.

— Пожалуй, несколько часов... день... — слабо произнес Альдо. — Но к тому времени мы уже не сможем работать. Это наш последний шанс.

— Я не ученый, — сказал Стэн, переводя взгляд с одного на другого, — и не мне судить о технической стороне дела. Поэтому, когда вы говорите, что сделали все, что могли, с этим экраном, я обязан верить вам на слово. Но уж об усталости-то мне кое-что известно. Мы можем протянуть гораздо больше, чем вам кажется...

— Нет! — воскликнул Ниссим.

— Послушайте меня. Мы можем затребовать сюда побольше подъемных приспособлений. Мы можем передохнуть парочку дней, прежде чем снова перейти на таблетки. Мы можем затребовать с базы готовые налаженные блоки, чтобы Альдо не пришлось много возиться. Да мало ли что можно сделать!

— Мертвым все это уже не поможет, — сказал Альдо, глядя на свои вздувшиеся вены, в которых тяжело пульсировала кровь, с трудом преодолевая повышенную гравитацию. — Сердце не может долго

работать в таких условиях. Наступает перегрузка, разрыв мышечной ткани — и конец.

— Вы и не представляете себе, до чего это могучая штука — наше сердце и вообще наш организм.

— У вас — возможно, — сказал Ниссим. — Вы тренированы и полны сил, а мы, давайте уж смотреть правде в глаза, не сказать, чтобы в отличной форме. Мы ближе к смерти, чем когда-либо. Я знаю, что больше не выдержу, и если вы не хотите — я сам пойду первым.

— А вы что скажете, Альдо?

— То же, что и Ниссим. По мне, если уж выбирать, то лучше попытаться счастья с экраном, чем оставаться здесь на заведомую гибель.

— Ну что ж, — сказал Стэн, с трудом опуская ноги с кресла. — Больше, видимо, не о чем толковать. Увидимся на базе, ребята. Мы тут славно поработали, будет о чем детишкам порассказать на старости лет.

Альдо переключил экран на транспортиацию. Стэн подполз к самому краю зеркальной поверхности. Улыбаясь, он помахал им на прощанье рукой, не ступил, а скорее упал на экран, и исчез.

Лента выпрыгнула из экрана мгновение спустя, руки у Альдо дрожали, пока он заправлял ее в проигрыватель.

— ...Да вот же он, эй, вы двое, помогите ему... Алло, «Гюйгенс», майор Брэндон уже здесь, и вид у него ужасный, впрочем, вы сами знаете, какой у него вид, а вообще-то я хотел сказать, что он в полном порядке. Сейчас возле него врачи, они с ним беседуют... подождите минутку...

Тут речь перешла в невнятное бормотание, словно говоривший закрыл микрофон рукой. Последовало

томительное молчание. Когда он снова заговорил, в голосе его что-то изменилось.

— ...Здесь у нас некоторые осложнения, должен вам сказать. Пожалуй, лучше я подключу к вам доктора Крира.

Послышался отдаленный гул голосов, и заговорил другой человек.

— Это доктор Крир. Мы обследовали вашего пилота. Похоже, что он потерял способность говорить, узнавать других людей, хотя внешне он совершенно невредим, никаких признаков телесных повреждений. Прямо не знаю, что вам сказать, но в общем его дела плохи. Если это связано с торможением рефлексов, как у свинки, то речь может идти о нарушении функций высшей нервной системы. Проверка простейших рефлексов дает нормальные результаты — с учетом физического истощения. Но высшие функции — речь, сознание — по-видимому, увы, полностью исчезли. Поэтому я запрещаю вам телепортироваться, пока не будут проделаны все без исключения анализы. Боюсь, что вам скорес всего придется побыть там еще довольно долго и предпринять дополнительную наладку.

Кончик ленты щелкнул, и проигрыватель автоматически отключился.

Двое в Шаре с ужасом посмотрели друг на друга.

— Он все равно что мертв... — прошептал Ниссим. — Хуже, чем мертв... Какая чудовищная нелепость! Ведь он казался таким спокойным, таким уверенным в себе...

— Да... А что ему оставалось делать? Или ты ждал, что он ударится в панику, как мы? Получается, что мы сами уговорили его совершить самоубийство.

— Мы не можем обвинять себя в этом, Альдо!

— Нет, можем. Мы согласились, чтобы он шел первым. И мы убедили его, что в теперешнем нашем

состоянии мы уже не можем улучшить работу телепортатора.

— Но... это ведь так и есть.

— Так ли? — Ниссим впервые посмотрел Альдо прямо в глаза. — А разве мы не намерены сейчас снова взяться за работу, а? Мы ведь не собираемся соваться в такой ТМ-экран! Нет, мы будем работать, пока не появятся надежные шансы выбраться отсюда целехонькими!

Альдо глядел на него, не отворачиваясь.

— Да, я полагаю, мы можем это сделать. Но если это так — выходит, мы его обманули, когда сказали, что готовы телепортироваться первыми?

— На этот вопрос слишком трудно ответить.

— Ах, вот как, трудно! Но если постараться ответить честно, то трудно будет жить. Нет уж, думаю, мы можем признаться себе, что своими руками убили Стэна Брэндона.

— Не умышленно!

— Верно. И это еще хуже. Мы убили его потому, что потеряли самообладание в непривычной для нас ситуации. Он был прав. У него был профессиональный опыт, и мы обязаны были к нему прислушаться.

— Великолепная это штука — рассуждать задним числом. Если б мы вот так же хоть чуточку вперед заглядывали...

Альдо затряс головой.

— Невыносимо думать, что он погиб абсолютно впустую.

— Нет, не впустую, и, может быть, он это понимал уже тогда — он хотел, чтобы мы вернулись на базу невредимыми. Он сделал для этого все что мог. Но на нас не действовали его слова. Даже если б он остался, мы бы все равно ни черта не делали, разве что ненавидели бы его. Мы бы просто свалились здесь, махнули на все рукой и подошли.

— Теперь уж нет, — сказал Альдо, заставляя себя подняться. — Теперь уж мы будем держаться, пока не наладим ТМ и не выберемся отсюда. Хотя эту малость мы обязаны сделать. Если мы хотим, чтоб его поступок приобрел хоть какой-то смысл, мы обязаны вернуться назад живыми.

— Да, мы это сделаем, — согласился Ниссим, с трудом шевеля губами. — Теперь сделаем,

Наладка началась,

Витольд Зегальский

Приключения в кольцах Сатурна

Эту историю я узнал от Джима в сто одиннадцатом году космической эры.

Друг мой Джим после тридцати лет пилотской работы на маршруте Земля — Марс (ну и, конечно, обратно) вышел на пенсию и в районе аэропорта Метрополис открыл небольшой кабачок для роботов. Это было в первые годы Великих Реформ, когда роботы стали пользоваться антропoidными правами, системой общественного страхования и многими другими социальными благами. Они уже не могли быть размонтированы без их на то согласия, а когда они ржавели, их отправляли на заслуженный отдых с небольшой месячной пенсией, которой только-только хватало на то, чтобы купить смазку для шестерен и подзарядить аккумуляторы.

В корчму Джима — это допотопное словечко пришло к роботам, потому что напоминало о доавтоматических временах, — роботы наведывались охотно. Джим мог предложить клиентам машинное масло высшего качества, кокосовую смазку, а также изумительную смесь тавота с керосином. В качестве закуски большим успехом пользовались фирменные микромагниты и порционные абразивные порошки для шлифовки проржавевших маслопроводов.

— Среди многочисленных горе-работничков, которые регулярно пропивают у меня гроши, — рассказы-

вал Джим, — особое внимание обращает на себя пара дружков, Катодий и Анодий. Катодий любит посетовать на своих бывших хозяев. За долгую службу у него сменилось семьдесят два хозяина. Ни больше, ни меньше. Если верить Катодию, это была компания суших бездельников в человеческом обличье. Один то и дело грозился размонтировать своего робота, второй постоянно менял приказы, вызывая путаницу в ассоциативных связях, третий не разрешал Катодию анализировать полученные распоряжения, четвертый скупился на смазку и тем самым ускорял процесс ржавления, а когда Катодий заметил, что-де при таком обращении недолго и на свалку попасть, он ответил, что на этом свете в роботах нет недостатка. Заржавеет один, создадут другого, более совершенного. Надо было обладать немалой поверхностно-термической закалкой и изворотливостью, чтобы выдюжить в столь неблагоприятных условиях и дожждаться эры Великих Реформ. Катодий частенько уносился мыслями в светлое будущее, мечтая о несбыточном. Ах, как было бы славно, если б не человек, а робот мог отдавать приказы, а люди превратились бы в покорных обезржавливателей бывших машин.

Но болтливый Катодий был всего лишь надоедливой шарманкой. Когда же начинал говорить Анодий, казалось, играет симфонический оркестр. Анодий некогда был пылесобирателем на межпланетных кораблях и вел свою родословную еще с докосмических времен, с тех давних пор, когда его прапрадеды именовались пылесосами. Анодий не терпел этого вульгарного слова. Себя он именовал не иначе как Абсолютным Поглотителем Отходов Хаотической Человеческой Деятельности и не соглашался ни на какие сокращения вроде АПОХЧЕД, утверждая, что время бесконечно и, стало быть, нет никакой необходимости его экономить, тем более в таком серьезном деле, как

профессиональное титулование. По его глубокому убеждению, всякие сокращения выдумали примитивные люди докибернетического периода, которые создавали поговорки типа «время — деньги», не имея по существу ни того, ни другого.

Межпланетные связи до сих пор ограничиваются маршрутами Земля — Марс и Земля — Венера. Ну и, разумеется, обратно. На Меркурий летают только жароустойчивые автоматы, а пространство между Марсом и Юпитером, заполненное осколками и обломками таинственных планет, представляет собою зону, доступную пока лишь для ультрателескопов, и не имеет никакого туристского или промышленного значения. Поэтому пылесосная деятельность Анодия была ограничена лишь хорошо изученными и абсолютно безопасными трассами. Вот уже много лет, как не было зарегистрировано ни единого даже пятиминутного опоздания кораблей, летящих на Марс, ну и, разумеется, обратно, и произошла только одна мелкая авария во время полета на Венеру. Мне это доподлинно известно.

Бессовестное вранье Анодия навело меня на мысль о том, что в хранилищах фабулярных микрофильмов у него есть какие-то знакомства. Как ты знаешь, роботам в принципе не разрешается читать с библиотечного экрана, потому что это отрицательно влияет на их работу. Был такой случай, когда робот-повар отравил целую группу электромонтеров, пообедавших в столовой. Бедняга что-то перепутал в рецептуре блюд под влиянием книгофильма о пекой Лукреции Борджиа, мифической фигуре эпохи восковых свечей. Что касается Анодия, то, решив проверить свои предположения, я однажды подбросил им на столик портативный магнитофон, а в порцию масла влил несколько капель бензина. Результат не заставил себя долго ждать. В тот вечер Анодий избрал темой приключения в кольцах Сатурна. Как ни странно, это меня успокоило. Нет,

решил я, Анодий нигде не мог прочесть ничего подобного. Вот точная запись этого героического мифа, — тут Джим нажал клавишу магнитофона.

— Нам не повезло с первых же минут. Когда суперэкспресс «Скорпион» пронизал стратосферу, одному из пассажиров приснился черный кот. Это вызвало панику среди участников полета. Между нами, роботами, говоря, привычка спать и видеть сны — отвратительна и, несомненно, указывает на низкий уровень человеческого сознания. А с тех пор как коты, разделив судьбу мастодонтов, птеродактилей и туров, окончательно вымерли, они только во сне и могут перебегать дорогу и предвещать несчастье.

Ну, как бы там ни было, а чему быть — того не миновать. И тут уж ничего не поделаешь. Ты не можешь себе представить, дорогостоящий Катокий, что тут началось. Сначала испортились фосфорические карты неба, потом пилот растерялся, сбился с пути, а когда опамятовался, оказалось, что Марс уже позади и космический корабль мчится дальше, то и дело задевая бортом за астероиды. Ну и штучки же эти межпланетные блохи, скажу я тебе. Одна микропланетка была целиком из золота, во всяком случае вся ее поверхность излучала золотое сияние. Другая, на первый взгляд простенькая такая, словно бы железная, была покрыта рубинами. Она напоминала человеческую кровь на металлическом панцире робота — смыть ее нетрудно, но потом железо ржавеет.

— Знаю. Когда мой тридцать пятый хозяин саданул голым кулаком по моему фоновыходу, то капельки крови испачкали мне приставку с универсальной головкой.

— Не прерывай, когда товарищ говорит. Так вот, летим мы сквозь этот рой недоразвитых планеток, а люди ахают и охают. Пилот грозитя сделать себе

харакири, иначе говоря, человеческий демонтаж, потому что, видите ли, он за все годы работы не опаздывал ни на минуту, а тут контрольные часы показывают опоздание уже на два часа. Механик утверждает, что нельзя выполнить маневр разворота, потому что вся наша лайба развалится, и что это просто-напросто скандал, когда такие вот гробы, как наш, годные только на то, чтобы перевозить на них роботов, все еще работают на пассажирских маршрутах Земля — Марс, ну и, разумеется, обратно. Топливщик обращает внимание на то, что топлива хватит только на двести пятьдесят часов. Какая-то дама выключает свои контуры сознания и падает в обморок.

— Знаю. Однажды я закрипел и дал такое фор-тиссимо, что на приеме у моего сорок второго хозяина четыре дамы тут же потеряли сознание. Я окропил их керосином, чтобы они пришли в себя. Где там! Хозяин в тот же вечер продал меня по дешевке.

— Кто тут из нас рассказывает? Ты или я? Я тоже полил керосином эту фифу и попробовал ее разогреть с помощью спичек. Это вызвало небольшую панику. У людей, как обычно, появились ко мне претензии. Даму потом выкинули из ракеты через запасной люк, и таким образом на трассе стало одним астероидом больше. Все карты пришлось менять. А мне хотели повыкрутить винты, но на это не хватило времени, потому что мы как раз влетели в пространство между лунами Юпитера.

— Двенадцать.

— Что двенадцать?

— Двенадцать лун у Юпитера.

— Глупости. Сразу видно, что ты читаешь одни только докосмические справочники. Этих лун сто двенадцать. Теснота, как на свалке металлолома. Толкаются, словно в футбол играют. Время от времени кусочек какой-нибудь луны отрывается и падает на

Юпитер. Сам понимаешь, в такой ситуации мы не могли опуститься. Поэтому полетели дальше. У людей подсистемы регулирования совсем уж разболтались. Они пели песенки, пытались запустить радиоультрапередатчик и посылать на Землю какие-то за-вещения. Только роботы вели себя как положено. Подметали, подметали, подметали. Все — звездную пыль, капельки, которые на пилотском жаргоне именуются слезами, клочки бумаги. А когда нечего было подметать, опять разбрасывали по палубам содержимое мусоросборников в кабинах и все начинали снова. Это и есть героизм.

— Значит, ты герой?

— Незаметный. То есть незамеченный. Ох уж эти мне люди! Чтоб их заржавевшей электробритвой ободрало, этих возмнивших о себе млекопитающих из побочной ветви обезьян. Ну, не будем забивать себе катушки. Итак я говорил, мы подметали так энергично, что и не заметили, как перед нами появились кольца Сатурна. Топливо было на исходе, и мы могли просто-таки завязнуть в пространстве, но вдруг в районе первого кольца запасы топлива сами по себе возобновились. Люди принялись верещать, у лысых проклянулись волосы на голове, у стариков прорезались зубы. Чистая комедия, как на древних телелентах. Никто не знал, как объяснить все эти чудеса. Однако мы проторчали внутри кольца достаточно долго, чтобы распутать эти загадки природы.

— Знаю. Кольца Сатурна состоят из бесчисленного множества мелких спутников...

— Не жонглируй сведениями из научно-популярных лекций! Что значит «спутники»? Первое кольцо Сатурна состоит из огромного количества муравейников. И живут там муравьи, обыкновеннейшие муравьи.

— Такие, как на Земле?

— О земных муравьях они говорят с сочувствием, как о родственниках из провинции. Муравьи Сатурна на первый взгляд ничем не отличаются от земных, но питаются они небытием.

— Чем?

— Небытием. Ты же знаешь, что любая материя сгорает дотла, что каждое бытие становится небытием, ржавеет, подвергается эрозии, разложению. Так вот, огромные массы исчезнувшего бытия образуют нематериальные потоки излучения. Муравьи первого кольца стягивают их со всей Солнечной системы и питаются ими. Тут получается то же, что с двуокисью углерода. Растения поглощают ее и очищают воздух, которым опять можно дышать. Муравьи поглощают небытие и выделяют бытие. Происходит рео... реонебы... реонебытие бытия.

— А ржавчину они тоже поглощают?

— Разумеется. Они всеядны. Поглощают даже те формы небытия, которых еще нет, которые еще только появятся после претворения в жизнь грядущих изобретений и возникновения более поздних форм органической жизни.

— Дальше, дальше.

— Так вот, в этом первом кольце люди обрастают волосами и обзаводятся зубами. К ним возвращаются не только воспоминания детских лет, но и эмоции рап-ных биологических фаз. И на месте одного человека возникает целый муравейник. Какой скандал! В кабинетах теснота, склоки! Фантом-сосунок нашего пилота пицтит, требуя молока, а фантом-студент того же пилота требует водки. В языке роботов просто нет достаточно ярких слов, чтобы описать кутерьму, которая была вызвана отравлением мира процессами реонебытия.

— Ну и чем же все кончилось?

— Избыток неизрасходованного топлива с силой вытолкнул нас из первого кольца Сатурна во второе.

— О химически чистый святой Железий! Смилуйся над нами!

— Не прикидывайся святошей! Нет никаких святых Железиев. Тем более химически чистых. Все это человеческая выдумка.

— Да я просто по привычке. Я и сам не верю ни в святую железную руду, ни в благословенный алюминий. Разве что в перекись водорода, да и то самую малость.

— Ну, ладно, ладно. Вот второе кольцо действительно состоит из небольших спутников, которые вращаются то в одну, то в другую сторону. Вращаясь в одну сторону, они поглощают избыток материи, воссоздаваемой муравьями первого кольца, вращаясь в другую — возвращаются в первоначальное состояние. Таким образом сохраняется равновесие. Наш корабль, попав в область переменного вращения, то разбухал от избытка форм бытия, то сжимался до самых границ энтропии. В сущности это было достаточно нудно, потому что течение цикла можно было предвидеть. То мы не успевали справляться с подметанием, то вообще нечего было подметать. Это расшатывало обратные связи роботов.

— А люди?

— Совсем походили с ума. Когда салон заполнялся, они начинали просачиваться во внекорабельное пространство. Когда пустел — пытались увеличить количество бытий.

— И сколько времени это продолжалось?

— Долго ль, коротко ль — эти определения не имеют смысла там, где налицо замкнутая монотонная повторяемость явлений. Кольцо колебалось, а я то подметал, то полировал пустой пол салона и все думал, как бы освободиться. Наконец мне удалось разрабо-

тать рискованный план. Когда маятник максимально отклонился в сторону уменьшения количества бытия, я пробил стену космолета и вывалился в пространство, попав в третье кольцо Сатурна.

— Третье кольцо!

— Да. До него тоже доходит избыток реуничтожений, выделяемых муравьями из первого кольца. Но они уже не вызывают состояния равновесия, как это происходит во втором кольце. Их слишком мало. Однако достаточно умный робот может использовать эти волны в своих целях.

— Как?

— Создавая из них такой мир, который пожелает и который хочет вообразить. Так вот, из этого хрупкого материала я построил себя, тебя, этот кабак, магнитофон, который нас подслушивает, прогорклое масло, которым нас потчует старина Джим, и эти прокисшие закуски.

— Не понимаю.

— Эх ты, растяпа. Заруби себе на носу — тебя нет. Ты и твои воспоминания о семидесяти двух хозяевах, так же как и этот задавака Джим, хозяин корчмы, — все это взято со свалки у третьего кольца Сатурна. Есть только я — Абсолютный Поглотитель Отходов Хаотической Человеческой Деятельности, я, Анодий, неизвестный герой и непризнанный поэт. А люди, которым я служил, подметая кабины и салоны, кружат во втором кольце, и в их судьбе ничего не изменится отныне и во веки веков.

— Алюминь!

Джим выключил магнитофон.

— И подумать только, — сказал он, — что эта наглая металлическая метла, которую списали с корабля, так как она уже не в состоянии была толком подметать, считает себя демиургом, создателем меня и тебя,

не говоря уж о планетной системе, в которой мы живем.

— Прости, — скромно заметил я. — Разговор шел только о тебе. Магнитофон свидетель, что Анодий не знает о моем существовании, а стало быть, он меня не создавал.

— Постой, постой. Сегодня опять выплачивают пенсию роботам. Анодий и Катокий придут опрокинуть по масляшке. Может, на этот раз мы узнаем что-нибудь о внегалактических туманностях. Кто знает, что еще способна выкинуть ржавеющая система информации нахального робота. Он там, кажется, что-то пищал относительно того, что я-де ему всучиваю эрзац-масло?

— А какое масло ты ему всучиваешь?

Джим промолчал.

В течение нескольких дней я никак не мог отделаться от ощущения, что где-то уже слышал или читал о кольцах Сатурна. Решив проверить свою догадку, я отправился в библиофильмотеку, в которой просмотрел уйму книг и фильмов докибернетической эпохи, и наконец напал на фантастический рассказ, который мог послужить источником идей для Анодия. Разумеется, в рассказе не было муравейников, зато речь шла о следах какой-то цивилизации, которая окружила свою планету кольцами пространственных циклотронов и мощных магнитов двойного действия, притягивающих и отталкивающих в зависимости от направления полета космические объекты. Герои фантастической новеллы переживали различные приключения, тревоги сменялись у них надеждами, периоды депрессии — энтузиазмом. В то время в литературе существовала определенная дидактическая повествовательная схема, которой авторы придерживались, сочиняя

в огромном количестве приключенческие истории для иллюстрированных журналов.

Пользование библиофильмотеками было автоматическим, и читателям предоставлялась абсолютная свобода при одном условии: надо было расписаться в древней книге посещений. Люди, как известно, ленивы и предпочитают перепосить страницы книги на экран домашнего телевизора, нежели копаться в каталогах, поэтому книга посещений была тоненькой. Тем скорее мне на глаза попало повторяющееся чаще других имя Данте Уэллс.

Однажды, когда я вышел на минутку передохнуть в небольшой сад, вдалеке мелькнула какая-то странная фигура. Тело окутывала длинная пелерина, лицо скрывалось за темными очками и высоким старинным воротником, который теперь в ходу только в театрах, когда там ставят что-нибудь античное. Действуя скорее инстинктивно, я решил поближе приглядеться к человеку в очках, однако он успел скрыться. Несколько днями позже я наткнулся на этого незнакомца у выхода из здания библиофильмотек. Он хотел пропустить меня вперед, но я начал разговор.

— Простите, вы случайно не Данте Уэллс?

— К вашим механическим услугам.

Меня удивил несколько устаревший оборот речи. Я внимательно присмотрелся. Неужели? Ну, конечно! Что скрывается под одеждой и маской? Я решил рискнуть.

— Мы, кажется, знакомы?

— С вашего разрешения, это ошибка.

Теперь я был совершенно уверен, что видел его в корчме Джима.

Я пошел в атаку.

— Анодий?

Послышалось отчаянное:

— Т-с-с-с...

Я вспомнил, что под угрозой вывинчивания пятого юстировочного винта роботам вход в библиофильмотеку запрещен. Однако мне удалось успокоить Анодия и пригласить его на интимную беседу в кафе. Я пил коньяк, он — бензин. Несмотря на это, нам удалось отлично сговориться.

— Почему ты назвал себя Уэллсом? Ты знаешь, кто это такой?

— Знаю. Весьма совершенный робот докосмической эры, — без колебаний ответил Анодий. — Я видел его фильмы «Машина времени», «Человек-невидимка».

— Хм! Робот? Впрочем, не в этом дело. А Данте?

— О, это был ужасный дракон. Он жил в долине, именуемой Флоренция, а когда люди изгнали его оттуда, спрятался в темном лесу и выкопал в нем три ямы: ад, чистилище и рай. В аду были калориферы, правда старого типа, но зимой грели неплохо. В чистилище подавали отличное мороженое с керосинированным наполнителем. А рай — это была библиофильмотека, в которую впускали только драконов и роботов.

Если б не изумление и не боязнь прервать беседу, я рассмеялся бы во весь голос. Анодий не избавился от подозрительности, его линзы в объективах время от времени мутнели, что явно указывало на большие колебания напряжения. Поэтому я прикинулся, что его знания вызывают у меня удивление.

Однако Анодий быстро освоился, я бы сказал, внутренне развинтился. И тут я без всякого труда перевел разговор на кольца Сатурпа. Робот упорно твердил, что был там лично, а вот рассказа о магнитах никогда не читал.

— Вы мне явно не верите, — с грустью сказал он. — Ну что ж. Тем не менее я утверждаю, что ничего не выдумал, скорее многое утаил.

— Утаил? Но почему?

— Потому что мне бы никто не поверил. Никто бы

не понял. Катодий только на то и годен, чтоб масло жрать. С этими своими семьюдесятью двумя хозяевами стал совсем идиотом. Для робота общение с людьми очень вредно. Это деморализует и оглушает.

Хм, признаться, некоторые золотые мысли Анодия не очень-то пришлись мне по душе.

— А ты не преувеличиваешь? — спросил я довольно резко.

— Нисколько. Вы, разумеется, исключение, а другие? Даже говорить не хочется.

— Что же ты утаил?

— А то, что третье кольцо Сатурна — это огромная кузница. В ней есть металлы, о которых на нашей провициальной Земле даже понятия не имеют. Есть металлы тверже алмаза и легче алюминия. Есть прозрачнее воздуха и эластичнее резины. Вы не поверите, есть металлы мыслящие и металлы вечноживущие, которые не берет ржавчина. Есть металлы, сваривающие материю с антиматерией. Все это колеблется, самоконструируется. Третье кольцо Сатурна — это центр нашей Солнечной системы, а может, и всей Галактики. Я нашел там металлические священные книги о предыстории роботов.

— Да ну?

— Слушайте внимательно. Планета Сатурн была планетой роботов, самых мудрых существ во Вселенной. Когда она стала им тесна, они переселились на квазары, где нашли неисчерпаемые источники энергии. Однако небольшая группа молодых любителей приключений перед тем, как окончательно покинуть нашу систему, решила посетить ее планеты. Они спустились на Землю и попали в мир амёб, гиппопотамов и пауков. Атмосфера Земли была вредна для двигателей трансгалактической ракеты. Что-то там заело. Экспедиция затягивалась. Тогда самый юный из роботов от скуки придумал себе дело. Сформовал роботообразное существо-

во, биологию которого скопировал с пресмыкающихся улиток и земнобелковых млекопитающих. Это были отличные игрушки. Разумеется, они не должны были самостоятельно размножаться, но робот-недоучка забыл убрать соответствующие приспособления. Так началась история человечества.

— А роботы?

— Исправили машину и улетели. На третьем кольце Сатурна оставили дневник полета.

— А ты, Анодий? Ведь ты-то на Земле!

— Это уж совсем другой фортель. Вы не слышали об эволюции? Роботообразные — скользкие водянистые млекопитающие, именуемые людьми, — спустя много веков начали наконец изготавливать сменные детали, потом научились все заменять, и таким образом опять появились роботы, пока еще менее совершенные, чем те, с Сатурна, но с каждым поколением все более прекрасные. Еще каких-нибудь полмиллиона лет — и они полетят на квазары.

Анодий потряс меня своей верой, роднившей его с человеком. Мне захотелось поговорить с этим электронным мозгом честно и откровенно.

— Анодий, ты ошибаешься. Все было иначе...

Я осекся. Анодий сбросил очки, и его железная маска — можно ли назвать ее лицом? — неожиданно покрылась ржавчиной от гнева.

— Катодий — дурак, хоть и робот. Ему нельзя говорить всей правды о Вселенной, но и вы не лучше. Мне все известно. Вы называете меня наглой метлой, потому что всю свою автоматную жизнь я проработал на вас. Вы не верите ни в третье кольцо Сатурна, ни в вечность металлов, ни в то, что своим существованием вы обязаны роботам, потому что самостоятельное развитие земной фауны остановилось на мартишках и дальше без нашей помощи бы не пошло. И вдобавок ко всему вы еще подаете в корчме эрзац-масло!

Последние слова Анодий выкрикнул с таким отчаянием, что я от имени Джима торжественно поклялся улучшить качество масла. Больше того, я пообещал поговорить где надо, чтобы Анодию в порядке исключения разрешили пользоваться библиофильмотекой без ограничений. Так что ему уже не нужны будут псевдонимы и переодевания. Может быть, это положительно скажется на системе самообучения «Данте Уэллса» и ему не понадобится больше обращаться к мифологии, а кольца Сатурна не будут уже предметом идолопоклоннической влюбленности, а станут реальной темой астрономической работы? Разве что Анодий — робот-поэт, тогда уже ничто не в состоянии спасти его...

Стэнли Вейнбаум

Планета сомнений

Гамильтон Хэммонд вздрогнул от неожиданности, когда Каллен, химик экспедиции, крикнул из заднего отсека, где он стоял на посту:

— Я что-то вижу!

Хэм нагнулся к иллюминатору в полу и начал всматриваться в зеленовато-серую мглу, которая окутывает Уран неисчислимые миллионы лет. Он торопливо покосился на стрелку электролота — пятьдесят пять футов, непоколебимо объявила та и солгала, так как стояла на этой цифре в течение всего шестидесятимильного медленного спуска. Сигнал отражался не от поверхности планеты, а от тумана.

Барометр показывал 862 миллиметра. Он был очень ненадежным проводником, но меньше уклонялся от истины, чем электролот, — во всяком случае, сорок лет назад, в 2060 году, неустрашимый Янг во время своего романтического полета с Титана на южный полюс затянутой облаками планеты установил, что атмосферное давление на ее поверхности равно 860 миллиграмм. Однако «Гея» опускалась теперь на северный полюс, в сорока пяти тысячах миль от места посадки Янга, и неведомые могучие горы или бездонные провалы могли лишить сообщенные им цифры всякого практического смысла.

— Я ничего не вижу, — пробормотал Хэм.

— И я, — подтвердила Патриция Хэммонд, его жена, а по служебной линии — биолог «Ген». — Ниче... Нет-нет! Там что-то движется. — Она прищурилась. — Вверх! Вверх! — вскрикнула она. — Скорее!

Харборд был прекрасным астролетчиком; не переспрашивая, даже не отведя взгляда от приборной доски, он резко рванул ручку. Двигатели взревели, и ускорение прижало экипаж «Ген» к полу.

Как раз вовремя! Гигантский серый водяной вал прокатился под пижним иллюминатором так близко от ракеты, что удар раскаленных газов вырыл глубокую яму, а брызги долетели до корпуса.

— Фью-у-у! — присвистнул Хэм. — Чутьочку пониже, и от этого холодного душа все сопла разнесло бы к черту, они ведь раскалены добела.

— Океан! — со злостью сказала Патриция. — А Янг видел сушу!

— Да. В сорока пяти тысячах миль отсюда.

— Ты считаешь, что туман везде доходит до самой поверхности? — спросила она, задумчиво сдвинув брови.

— Так утверждает Янг.

— А на Венере облака образуются только на границе верхних и нижних воздушных течений.

— Да, но Венера ближе к Солнцу. А здесь тепло распределяется равномерно, так как от Солнца оно практически не зависит. Большая часть тепла поступает к поверхности изнутри, как на Юпитере и на Сатурне, но Уран холоднее, потому что он меньше. И в отличие от расплавленных планет-гигантов у него твердая кора, которая нагрета гораздо слабее, чем сумеречная зона Венеры.

— Но ведь Титан холоден, как десяток земных северных полюсов, а на нем все время бушуют ураганы. Хэм улыбнулся.

— Хочешь меня подловить? Ветер зависит не от абсолютной температуры, а от разницы температур на

разных участках поверхности. Титан с одного бока подогревается Сатурном. А на Уране теплота распределена абсолютно равномерно — во всяком случае, с практической точки зрения, — потому что она поступает из недр планеты. Но чего мы ждем? — вдруг спросил он, повернувшись к Харборду.

— Твоих распоряжений, — буркнул астролетчик. — Теперь командуешь ты. Мои полномочия кончились, когда мы увидели поверхность планеты.

— Верно! — воскликнул Хэм.

— И ты, конечно, знаешь, куда нам лететь, — насмешливо фыркнула Патриция.

— А как же! — Он повернулся к Харборду и приказал: — Курс юго-восток, — а потом добавил, повысив голос, чтобы перекрыть усилившийся рев двигателей: — Высота тридцать тысяч метров, чтобы не врезаться в горы.

«Гея», носившая имя древнегреческой богини Земли, супруги бога Урана, рванулась сквозь туман прочь от полюса. В одном отношении полюсы Урана не имеют себе подобных среди планет Солнечной системы: в отличие от Юпитера, Сатурна, Марса или Земли он вращается не как волчок, а напоминает катящийся шар, и его полюсы лежат в плоскости орбиты. Поэтому в одной точке орбиты к Солнцу бывает обращен его южный полюс, а сорок два года спустя на противоположной стороне этого гигантского эллипса на Солнце смотрит уже северный полюс.

За сорок лет до «Геи» Янг совершил посадку в районе южного полюса, и только через сорок лет на этом полюсе вновь настанет полдень.

Уран вращается на самом краю Солнечной системы — от абсолютной пустоты межзвездных пространств его отделяют только орбиты ледяного Нептуна и крохотного Плутона, а расстояние между ним и Сатурном, его ближайшим внутренним соседом, превышает

сумму расстояний от Сатурна до Юпитера, от Юпитера до астероидов, от астероидов до Марса и от Марса до Земли. О прямом полете с Земли до Урана не может быть и речи, так как даже при максимальном сближении их разделяет более полутора миллиардов миль. И летать приходится в два приема — сперва на спутник Сатурна Титан, где земляне устроили постоянную базу, а оттуда уже на Уран.

Но это условие резко сокращает число возможных полетов, поскольку, хотя у Земли и Сатурна противостояние наступает через интервалы около года с небольшим, противостояние Урана и Сатурна наступает лишь раз в сорок лет. И только тогда людям открывается возможность добраться до огромной, таинственной, закутанной в туманы планеты.

— Послушай, почему ты выбрал именно этот курс? — требовательно спросила Патриция. — Юго-восток! Сказал первое, что тебе пришло в голову, верно?

— Беда женщин в том, что они всегда задают слишком много вопросов! — проворчал Харборд.

— Шопенгауэр! — прошипела Патриция.

— Почему Шопенгауэр? — удивился астролетчик.

— Потому что он был женоненавистником. Вроде тебя!

— Вот как? Значит, неплохой философ. Надо бы его почитать!

— Да ладно вам! — вмешался Хэм, ухмыляясь. — А этот курс я выбрал потому, что хочу сэкономить время. Мы ведь не можем задерживаться здесь долго, если не хотим сорок лет ждать следующего противостояния.

— Но почему именно юго-восток?

— Если ты когда-нибудь смотрела на глобус Земли, может быть, заметила, что все материки и все крупнейшие полуострова сужаются к югу? Другими словами,

большая часть земной суши расположена к северу от экватора. Арктический океан окружен почти замкнутым кольцом суши, а в южном полушарии от полярного круга во все стороны простираются огромные водные пространства. То же относится и к Марсу, если глубокие болотистые впадины в самом деле прежнее океанское дно, и к замерзшим океанам ночной стороны Венеры. И я исхожу из того, что на Урапе вода и суша распределяются сходным образом. Янг нашел остров, аналогичный нашей Антарктиде, я же ищу что-нибудь аналогичное Европе и Азии.

— Искать еще не значит найти, — возразила Пат. — Ну, а почему ты выбрал курс юго-восток, а не прямо на юг?

— Потому что мы идем по спирали, стало быть, меньше шансов промахнуться по материку. Когда видимость не превышает пятидесяти футов, даже неширокий пролив можно принять за море.

Примерно через час «Гея» снова начала медленно и осторожно опускаться на поверхность планеты. Когда атмосферное давление достигло 850 миллиметров, Хэм приказал почти полностью погасить скорость, и ракета продолжала спускаться со скоростью несколько дюймов в минуту.

Барометр показывал 858 миллиметров, когда из заднего отсека, где выхлопные газы не застилали иллюминатор, донесся голос Каллена:

— Вижу что-то внизу!

Да, там несомненно что-то было. Туман казался более темным, и в нем можно было различить подобие рельефа. Хэм долго вглядывался в сумрак, а затем резко приказал идти на посадку, и «Гея», слегка вздрогнув, замерла на сером песке голой равнины, огороженной стенами и сводами непроницаемой мглы.

Доступное взгляду замкнутое туманом пространство казалось невообразимо диким и чужим. В тишине,

воцарившейся, едва смолк рев двигателей, люди молча смотрели на мертвенно свинцовые пары за иллюминаторами.

Венера, родина Пат, была достаточно странной планетой — узкая сумеречная зона, пригодная для человеческого обитания, кипящие жизнью жаркие нагорья и таинственная почная сторона, — по все-таки это была сестра Земли.

Марс, планета пустынь с великой, но давно пришедшей в упадок цивилизацией, был не так близок землянам, но и не казался абсолютно чужим. На лунах Юпитера обитали странные существа, как и на холодном Титане, вращающемся вокруг Сатурна. Но все это были маленькие миры. Теперь же людям открылся Уран, принадлежащий к гигантским планетам, всего лишь сводный брат малых ближайших к Солнцу планет и весьма дальний родственник крохотных спутников. Он был таинственным и чужим, до ужаса чужим. Они нарушили его покой вслед за Янгом и его товарищами, которые сорок лет назад обследовали всего один квадратный километр поверхности планеты в сорока пяти тысячах миль от того места, где сейчас стояла «Гея». А весь остальной Уран был колоссальной загадкой, и мысль об этом заставила притихнуть даже неугомонную Патрицию.

Однако ненадолго.

— Ну, — сказала Пат, — по-моему, очень похоже на Лондон. Вот я сейчас выйду наружу и окажусь на Пикадилли!

— Ты выйдешь только после того, как будет взята проба атмосферы! — отрезал Хэм.

— А зачем? Янг и его спутники дышали этим воздухом... да-да, ты, конечно, скажешь, что это было в сорока пяти тысячах миль отсюда, но ведь даже биолог вроде меня знает, что по закону диффузии газов атмосфера планеты должна быть всюду одинаковой.

— Да? — осведомился Хэм. — Диффузия диффузией, но ты не подумала о том, что этот туманный шарик получает свое тепло изнутри? А это означает чрезвычайно бурную вулканическую деятельность, и отнюдь не исключено, что где-нибудь совсем рядом с «Геей» на поверхность выходят ядовитые газы. Погоди, пока Каллен не возьмет пробу.

Патриция покорилась и принялась наблюдать за тем, как молчаливый Каллен пабирает в пробирку уранианский воздух. Но вскоре она присела, снова выпрямилась и спросила:

— А почему тут так мала сила тяжести? Уран же в пятьдесят четыре раза больше Земли, а его масса в пятнадцать раз превосходит ее массу, но я чувствую себя здесь совсем как дома. («Домом» для Патриции был город Венобль в умеренной зоне Венеры.)

— Ты уже сама ответила на свой вопрос. Если Уран больше Земли или Венеры в пятьдесят четыре раза, а его масса превосходит их массу только в пятнадцать раз, значит, он имеет гораздо меньшую плотность — 0,27 земной, если быть совсем точным. То есть сила тяжести здесь должна быть равна девяти десятым земной, но я не замечаю никакой разницы. Позже мы взвесим килограммовую гиру на пружинных весах и установим ее вес.

Тем временем Каллен закончил анализ, и Пат спросила:

— Ну, как, годится для дыхания?

— Вполне. Многовато аргона, но он абсолютно безвреден для человека.

— А я что говорила! Ну, я иду...

— Погоди! — потребовал Хэм. — Сколько раз твоя поспешность доводила тебя до беды! — Он посмотрел на наружный термометр — девять градусов тепла, как поздней английской осенью. — Вот и объяснение этого

вечного тумана, — заметил он. — Поверхность планеты тут всегда теплее воздуха.

Пат уже набросила на плечи куртку, и Хэм последовал ее примеру. Затем он повернул ручку двери переходного тамбура. Раздалось легкое шипение — это чуть более плотный воздух Урана ворвался в ракету, и Харборд с довольной улыбкой извлек из кармана трубку. Во время полета курить строжайше запрещалось, но теперь он мог позволить себе эту роскошь: воздуха вокруг было сколько угодно.

— Поглядывай в иллюминатор, — сказал ему Хэм. — И если нам понадобится помощь...

— Нам? — проворчал Харборд. — Твоей жены уже и след простыл.

Хэм, охнув, оглянулся. Наружная дверь тамбура была распахнута, и в проеме повис клочок тумана, почти неподвижный в сонном воздухе Урана.

— Сумасшедшая!.. — Он быстро застегнул пояс, в двух кобурах которого покоились автоматический пистолет и ручной огнемет, затем сунул в карман какой-то сверток и нырнул в вечный туман.

Ему показалось, что он очутился внутри перевернутой чаши из тусклого серебра, наполненной зеленоватым сумрачным полусветом. Пат нигде не было видно.

— Пат! — позвал он и удивился тому, как глухо прозвучал его голос в холодном сыром воздухе.

Он закричал изо всех сил и выругался, почувствовав внезапное облегчение, когда из серой пелены допелся приглушенный ответ.

Несколько секунд спустя появилась Патриция, размахивавшая чем-то длинным и извилистым.

— Вот посмотри! — воскликнула она с торжеством. — Первый образчик уранианской растительности! Рыхлая структура, размножается почкованием и... Что случилось?

— Что?! Да ведь ты могла заблудиться! Как ты собиралась искать обратный путь?

— По компасу, — невозмутимо ответила она.

— Откуда ты знаешь, будет ли он работать? А может, мы находимся на самом магнитном полюсе Урана, если он у него есть.

Пат посмотрела на свое запястье.

— Да, кстати, компас и правда не действует. Стрелка вертится туда-сюда...

— А кроме того, ты выскочила без оружия! Такой глупости...

— Но Янг сообщил, что на Уране нет животных, ведь так? И... погоди! Я знаю, что ты собираешься сказать — «в сорока пяти тысячах миль отсюда»...

Хэм смерил ее злобным взглядом.

— С этой минуты изволь подчиняться официальному приказу начальника экспедиции. Ты будешь выходить из ракеты только с кем-нибудь, причем вы будете связаны веревкой, — с этими словами он извлек из кармана толстый шелковый шнур и привязал один конец к ее поясу, а другой — к своему.

— Ну вот! Я чувствую себя щеночком на поводке, — пожаловалась Пат.

Хэм пропустил ее слова мимо ушей.

— Теперь мы можем заняться исследованием окрестностей, — сказал он.

В их распоряжении была подробная инструкция, которую Янг составил для будущих исследователей этого негостеприимного мира, где человека на каждом шагу подстерегают почти непреодолимые трудности.

К поясу Хэма была прикреплена катушка с тонкой стальной проволокой. Он защелкнул ее собачку на скобе, вделанной в корпус ракеты возле тамбура. Теперь они могли отойти от ракеты на тысячу футов, зная, что без труда найдут дорогу назад сквозь мглу. Это было единственное надежное средство связи на планете, где

туман приглушал все звуки, а радио не работало. Проволока же служила не только путеводной нитью, но и средством сообщения с «Геей» — стоило дернуть за нее, и в ракете звонил колокольчик.

Хэм помахал Харборду, попыхивавшему трубкой возле иллюминатора, и они двинулись вперед. Им предстояло обследовать поверхность Урана, сделав круг радиусом в тысячу футов и время от времени меняя местоположение ракеты.

— Колоссальная задача, тем более что у нас так мало времени! — заметил Хэм. — Пожалуй, Уран никогда не будет исследован по-настоящему. Во всяком случае, пока экспедиции будут посылать только раз в сорок лет.

— То есть пока командовать этими экспедициями будут ревнители безопасности вроде тебя! — поправила Патриция. — Неужели ты не понимаешь, что мы будем описывать жалкие кружочки с тысячефутовым радиусом и самое главное, самое интересное, возможно, будет каждый раз оставаться за их пределами? Если бы мы исследовали таким способом Землю, сколько было бы у нас шансов обнаружить в таком кружочке городскую улицу, дом или даже человека?

— Ты абсолютно права, Пат, но что нам остается делать?

— Ну, мы могли бы отказаться от некоторых излишних предосторожностей и расширить обследуемую площадь.

— А вот этого мы не сделаем. Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось!

— О! — раздраженно воскликнула она, отворачиваясь. — Ты... ты... — ее голос затих в тумане, потому что она отбежала от него на полную длину шелкового шнура. Теперь они не видели друг друга, и только когда шнур туго натягивался, они вспоминали, что еще связаны.

Хэм медленно шел вперед, внимательно вглядываясь в безжизненные россыпи мелких камешков, между которыми иногда тускло поблескивали лужи конденсированной влаги. Изредка он перешагивал через извилистые плети растений, похожих на то, которое Пат бросила около ракеты. Безветренный Уран, по-видимому, не знал дождей, и влага здесь конденсировалась в холодном воздухе, потом испарялась от соприкосновения с более теплой почвой, и так без конца.

Внезапно Хэм увидел перед собой впадину с кипящей грязью, из которой время от времени вырывались струи пара, тут же растворявшиеся в тумане, — свидетельство гигантского внутреннего жара, обогревавшего планету. Он хотел было повнимательнее рассмотреть этот грязевой котел, как вдруг шнур дернулся с такой силой, что Хэм чуть было не упал.

Он стремительно повернулся. Из тумана возникла Патриция, волочившая плетеобразное растение. Увидев мужа, она бросила свою ношу и испуганно уцепилась за его руку.

— Хэм! Скорее вернемся! Я боюсь.

— Но чего? — Он хорошо знал ее характер: страшная, даже легкомысленная, когда дело касалось конкретных опасностей, Пат обладала излишне живым воображением и, столкнувшись с чем-либо непонятным, мгновенно рисовала себе такие ужасы, что ее охватывал безотчетный страх.

— Не знаю... — растерянно сказала она. — Я... я что-то видела...

— Где?

— В тумане! Повсюду вокруг!

Хэм высвободился из ее объятий и сжал рукоятки пистолетов за поясом.

— Но все-таки что тебя напугало?

— Чудовища! Какие-то фигуры в тумане. Гиганты с человеческими лицами. Химеры, демоны, порождения

бредовых кошмаров! Я нагнулась над лужицей, рассматривая споры. Кругом было тихо, как-то мертвенно тихо... И вдруг в лужице что-то мелькнуло — тень чего-то, что возникло надо мной. Я взглянула вверх и ничего не увидела. Но затем я различила в тумане жуткие фигуры — они окружали меня со всех сторон. Я закричала, но вспомнила, что ты меня не услышишь. Тогда я дернула шнур, закрыла глаза и кинулась сквозь этот строй к тебе.

— Они окружали тебя со всех сторон? — переспросил Хэм. — Стояли между мной и тобой?

Она кивнула.

Хэм усмехнулся.

— Они тебе почудились, Пат. Шнур ведь довольно короткий, и если бы кто-то оказался между нами, мы увидели бы его оба. А я ничего не видел — абсолютно ничего.

Его снисходительная усмешка взбесила Пат, и она негодующе воскликнула:

— Ну хорошо! Давай постоим совсем неподвижно. Может быть, они вернутся, и тогда посмотрим, что ты скажешь!

Он кивнул, и они замерли под матовым сводом тумана. Нигде ничего, кроме бездонной, бесконечной серости и извечной тишины. Хэм даже не представлял себе, что такая тишина возможна: на Земле ни день, ни ночь не бывают совершенно безмолвными — шелестят листья, шуршит трава, где-то журчит ручей, жужжат насекомые и даже в самой сухой пустыне еле слышно шепчет песок, нагреваясь и остывая. На Земле, но не здесь. Здесь тишина была настолько безмерной и всепроникающей, что ее, казалось, можно было слышать.

Или это просто кровь стучит у него в висках? Неясный ропот, слабый-слабый шорох, смутное бормотание. Он нахмурился, напрягая слух, и почувствовал, как вздрогнула Патриция.

— Вон там! — прошептала она. — Там!

Он вгляделся в серую мглу. Ничего... нет, как будто... Что-то вроде тени... Но откуда возьмется тень в лишенном света царстве тумана? Просто сгущающиеся пары. Но ведь она движется! А туман не движется, если не дует ветер. Ветра же нет.

У него заболели глаза — так отчаянно он их прищуривал. И он увидел — или это ему почудилось? — огромную, нависающую над ними фигуру. А может быть, десяток фигур. Они были вокруг них. Окружали их со всех сторон. Одна беззвучно проплыла в вышине, а десятки других покачивались и пзгивались где-то на границе видимости. Бормотание, шushуканье, звуки, похожие на вздохи и перешептывания, легкий топот и похрустывание. Туманные фигуры были зыбкими, переменчивыми — они возникали из мелких темных пятен, вздымались призрачными колоссами, рассеивались и сгущались, точно клубы дыма.

— Бог мой! — ахнул Хэм. — Что это?..

Он попытался задержать взгляд на одной из фигур и не мог — они все время сливались, переходили одна в другую, приближались, удалялись или просто возникали из пустоты и тут же таяли. Но внезапно он окаменел, обнаружив, что у них есть... лица!

Не совсем человеческие. Скорее похожие на лица химер или демонов, как сказала Пат. Они гримасничали, злобно ухмылялись, скалились в идиотских усмешках и корчили скорбные рожи. Рассмотреть их как следует не удавалось — они были смутными, ускользающими, как бредовые видения.

Пат простонала:

— Вернемся на ракету, Хэм. Пожалуйста!

— Послушай, — сказал он. — Это ведь иллюзия. Во всяком случае, отчасти.

— Почему ты так думаешь?

— Из-за их сходства с людьми. Тут не может быть

существ с почти человеческими лицами. Значит, наше воображение создает то, чего нет. На самом деле мы видим просто более плотные пятна в тумане — и все. И это нетрудно доказать. Мы снимем их на инфракрасную пленку и увидим такими, какие они есть!

— Не знаю, хватит ли у меня духу посмотреть на снимки! — призналась Пат, с дрожью вглядываясь в мглу. — А вдруг... а вдруг на снимках выйдут лица? Что ты тогда скажешь?

— Я скажу, что благодаря странному и практически невероятному совпадению живые организмы на Уране (если только это живые организмы) развивались примерно так же, как земные. Во всяком случае, их внешний вид...

Пат пронзительно вскрикнула. Они стояли боком друг к другу, и он, стремительно повернувшись посмотрел туда же, куда и она. Ему не сразу удалось сфокусировать взгляд, и он отчаянно замигал. Мгновение спустя он увидел то, что напугало ее. Это была гигантская почти черная тень, которая, начинаясь где-то у самой поверхности, вздымалась почти вертикально и изгибалась над их головами, словно бьющая вверх струя смоляного фонтана.

Хотя Хэм и пытался высмеять порожденные страхом фантазии Пат, нервы у него самого были напряжены до предела. Теперь он, почти не отдавая себе отчета в действиях, схватил пистолет и спустил курок. Пуля прочертила в тумане огненную кривую. Звук выстрела раздался словно из-под подушки, и вновь наступила полная тишина.

Да, полная тишина. Шорохи и похрустывания пропали, как и туманные фигуры. Они видели перед собой только мрачное вечное облако и слышали только тяжелое дыхание друг друга да легкий звон в ушах.

— Они исчезли! — прошептала Пат.

— Конечно. Я же говорил... Иллюзия — и больше ничего.

— Иллюзии не убегают от выстрела, — возразила Пат, к которой вернулось ее обычное мужество. — Это что-то вполне реальное и не пугает меня, как... как непонятное.

— А это ты считаешь понятным? — спросил он. — К тому же выстрел вполне может рассеять иллюзию! Предположим, мы внушили себе, что видим какие-то фигуры, или просто у нас устали глаза, а выстрел заставил нас очнуться.

— Ну, может быть... — с сомнением протянула Пат. — Во всяком случае, я их больше не боюсь. Даже если они реальные, их, по-видимому, нечего опасаться.

Она нагнулась, разглядывая странные перистые выросты, которые покачивались над пузырящейся грязью.

— Тайнобрачные, — определила она. — Вероятно, только такие растения и могут существовать на Уране, поскольку тут нет опылителей вроде земных пчел или других насекомых.

Хэм ничего не ответил, взгляды в серую мглу. Внезапно оба вздрогнули — звонок на катушке с проволокой резко звякнул. Предупреждение с «Геп»!

Пат выпрямилась, а Хэм дернул проволоку, подавая ответный сигнал.

— Нам лучше вернуться, — пробормотал он. — Харборд и Каллен что-то заметили. Возможно, то же, что почудилось нам. Но все-таки вернемся.

Они пошли назад под тихое пение проволоки, которая наматывалась на пружинную катушку, подвешенную к поясу Хэма. Только этот звук да хруст песка под их подошвами нарушали безмолвие; в зеленовато-сером тумане не было никаких теней. Однако, когда они прошли две трети пути, положение изменилось.

Первой их заметила Патриция.

— Опять они! — прошептала она на ухо Хэму, но теперь в ее голосе не было страха.

Он тоже увидел их. На этот раз тени не плясали вокруг, а неслись от «Геи» к ним двумя параллельными потоками, так что теперь они с Пат словно шли по проходу, ограниченному с обеих сторон летящими теньями.

Они теснее прижались друг к другу и почти побежали. До ракеты оставалось не более полтора-два шагов, когда в тумане впереди них возникло что-то темное и плотное — гораздо плотнее тумана и теней.

Они замерли. Неясное пятно приближалось. Теперь они уже могли его рассмотреть: темный круг футов шесть в диаметре, повернутый к ним плоской стороной. Круг приближался со скоростью быстро идущего человека, и очертания его стабовились все более четкими.

Хэм и Патриция смотрели как заворуженные. Это нечто было лишено каких-либо отличительных черт — только тускло-черный круг и червеобразное, длинное, теряющееся в тумане туловище. Впрочем, нет! Теперь они увидели, что в центре круга выпячивается что-то, похожее на блин, прикрепленный к толстому стеблю. Края «блина» трепетали и загибались в их сторону, словно ловя звуки или запах. Неведомое существо было слепо, но обладало неким чувством, позволявшим ему обнаруживать отдаленные предметы. В тридцати шагах от людей «блин» на стебле потянулся к ним, и, слегка изменив направление, кинулся прямо на них.

Но Хэм был готов к этому. Его пистолет глухо хлопнул раз, другой. Нападающий словно вдвинулся сам в себя и откатился в сторону, а из-за него появилось точное его подобие — такой же черный круг с трепещущим диском в центре. При этом в тумане раздался пронзительный визг.

Это была понятная угроза, и Патриция хладнокровно вытащила огнемёт из кобуры на поясе мужа и

сбросила предохранитель. Зная, однако, что единственный губительный заряд огнемета следует использовать только как последнее средство, она не стала стрелять и трижды дернула проволоку, ведущую к «Гее». Три рывка, потом еще три — сигнал, который покажет Каллену и Харборду, что им нужна помощь.

Второе существо — или это был сегмент первого? — снова бросилось на них. Хэм послал еще две пули в плоский круг, и вновь раздался пронзительный визг. Чудовище свернуло в сторону и упало, но к ним уже приближался третий черный диск. На этот раз Хэму не удалось свалить неведомое чудовище, однако после его выстрела оно повернуло и пренеслось мимо них, черное и громоздкое, как железнодорожный состав. Оно состояло из десятков восьмифутовых сегментов с тремя парами ног каждый — вернее, это были отдельные звенья, соединенные гибкими тяжами. Но двигались они как единое существо, ритмично перебирая бесчисленными ногами, как сороконожка. Хэм послал три пули в одно из средних звеньев. Это было ошибкой — из сегмента брызнула темная жидкость, и он отделился от «туловища», однако следовавший за ним сегмент внезапно повернул стебель с диском в сторону людей и кинулся на них, а тем временем где-то в тумане первая половина разорванного чудовища поворачивала назад.

Хэм услышал рев огнемета. Пат выждала, пока второе чудовище не приблизилось к ней почти вплотную, и выстрелила в самую последнюю секунду. Хэм на мгновение отвел взгляд от своего противника — посмотреть, что же произошло. Страшный разряд буквально испепелил пять сегментов, и единственный оставшийся в живых с трудом уползал в туман.

— Молодчина! — пробормотал Хэм и выстрелил. Его последняя пуля поразила передний сегмент — тот упал, но лишь для того, чтобы открыть дорогу следующему.

Хэм швырнул бесполезный пистолет в мясистый круг, увидел, как он отскочил от черной кожи, и встал перед Пат, заслоняя ее.

Совсем рядом пронеслась ревущая молния. Огнемёт! Сзади из тумана возникли фигуры Каллена и Харборда, которые нащупывали дорогу по проволоке, а перед Хэмом извивались опаленные сегменты черного чудовища.

По-видимому, уцелевшая его часть утратила охотничий пыл — во всяком случае, она повернула и, топоча, исчезла в тумане. В ней осталось всего десять сегментов. Еще несколько секунд вокруг людей продолжали жестикулировать и гримасничать туманные образы, а затем исчезли и они.

Четверо людей пошли назад, к ракете. Когда за ними закрылась дверь тамбура, Патриция облегченно вздохнула и начала стягивать мокрую куртку.

— Вот это приключение! — сказала она.

— Ах, приключение! — фыркнул Хэм. — Я категорически требую, чтобы ты больше не уходила от «Геи»! Эта планета — не место для легкомысленных девчонок, которые притягивают опасность, как мед — мух.

— Как будто это моя вина! — фыркнула Пат. — Пожалуйста, отдавай приказ оставаться всем на борту, если ты считаешь, что это принесет хоть какую-нибудь пользу!

Хэм повернулся к Харборду.

— Спасибо. Вы подоспели как раз вовремя! — сказал он. — Да, кстати, о чем вы нас предупреждали? О тенях в тумане?

— Ты говоришь про здешний карнавал? — спросил Харборд. — Или это сектантские проповедники? Нет, мы решили, что это просто оптическая иллюзия, а сигнал подали, когда мимо ракеты в вашу сторону прошмыгнула тварь, с которой вы потом сцепились.

— Тварь или твари?

— А вы видели не одну?

— Я сам сделал из одной чуть ли не четыре. Первую я разорвал на две половины, и обе кинулись на нас. Одну Пат спалила огнеметом. Но мои пули вышибали сегменты и только умножали эту пакость. — Он недоуменно сдвинул брови. — Пат, ты разобралась, в чем тут дело?

— Конечно! — отрезала она, все еще сердясь на него. — Хороша была бы ваша экспедиция без биолога!

— Потому-то я тебя и берегу! — ухмыльнулся он. — Боюсь, как бы наша экспедиция не осталась без столь необходимого ей биолога. Но все-таки, что ты думаешь об этих сборно-разборных червячках?

— Множественное животное. Ты когда-нибудь слышал об Анри Фабре?

— Насколько я помню, нет.

— Это великий французский натуралист, живший два века назад. В частности, он изучал очень интересных маленьких гусениц, которые сплетают себе уютное шелковое гнездышко и каждую ночь выползают из него кормиться.

— Ну, и что?

— Не торопись, — сказала Пат. — Они выползают цепочкой, причем каждая гусеница касается головой хвоста ползущей перед ней. Видишь ли, они лишены зрения. Первая гусеница — вожак, она выбирает путь и ведет остальных к подходящему дереву. Там цепочка распадается, и гусеницы начинают кормиться. На рас свете они собираются в маленькие цепочки, из которых составляется одна большая...

— Но все-таки я не вижу...

— погоди! Гусеница, которая оказывается первой в цепочке, становится вожаком. Если ты возьмешь прутик и разорвешь цепочку, та гусеница, что идет первой после разрыва, продолжает вести остальных к гнезду так же уверенно, как и прежний вожак. А если

ты отделишь от цепочки одну гусеницу, она тоже найдет дорогу, поскольку будет вожаком в цепочке, состоящей из одной особи.

— Кажется, начинаю понимать... — пробормотал Хэм.

— Вот именно. Встретившаяся нам тварь... вернес, твари похожи на этих гусениц. Они тоже слепы — ведь на Уране зрение куда менее полезно, чем на Земле, и, возможно, у здешних животных глаза вообще не развились... Разве что они есть у туманных теней! А черные цепи ушли куда дальше земных гусениц, потому что те обеспечивают контакт с помощью паутинки, эти же, по-видимому, устанавливают связь через нервные ганглии.

— Каким образом? — спросил Хэм.

— Разве ты не обратил внимания на то, что они были соединены дисками на стеблях, которые, возможно, действуют как присоски? Ведь каждый сегмент прижимается диском к находящемуся впереди. А когда ты застрелил одного из средних, я увидела, что присоска прижималась к пишке на заднем конце того, который был впереди. И еще... — она умолкла.

— Что еще?

— Видишь ли... Разве тебе не показалось странным, что вся цепь действовала так согласованно? Их ноги двигались в едином ритме, точно ноги одного животного, точно это многоножка. Ни привычкой, ни тренировкой, ни дисциплиной нельзя объяснить того, как эта цепь кидалась вперед, останавливалась, сворачивала в сторону. Нет, каждое звено должно находиться под прямым нервным контролем вожака — слышать и обонять то же, что и он, и даже разделять его эмоции: испытывать голод вместе с ним, приходить в ярость вместе с ним и, наконец, ощущать страх вместе с ним!

— А, пожалуй, ты права! — воскликнул Хэм. — Эта шайка и правда вела себя как единое существо!

— Пока ты по неосторожности не создал из одного два, разорвав цепь, — уточнила Пат. — Понимаешь...

— Я создал нового вожака! — возбужденно воскликнул Хэм. — Тот, который оказался первым после разрыва, тоже стал вожаком, способным к независимым действиям. Послушай, а не могут ли они таким образом объединять и мыслительные способности, если таковые у них есть, с доминирующим мозгом вожака?

— Бряд ли. В этом случае они должны были бы создать колоссальный интеллект путем простого сложения. Как бы глупа ни была отдельная особь, им было бы достаточно набрать определенное число сегментов, и возник бы поистине богоподобный разум. Но в этом случае они не бегали бы в поисках добычи без оружия и плана. У них, безусловно, развилась бы какая-то цивилизация, ведь так? Впрочем, — добавила она, — возможно, они способны объединять свой опыт. Тогда в распоряжении вожака оказался бы весь индивидуальный опыт остальных особей, но это ни на йоту не увеличило бы его интеллекта.

— Звучит правдоподобно, — заметил ее муж. — Ну, а туманные фигуры? Ты нашла им какое-нибудь объяснение?

Пат вздрогнула и поморщилась.

— Нет, — призналась она. — Но мне кажется, между ними и этими тварями существует некая связь.

— Почему?

— Потому что перед самым нападением они пронеслись мимо нас. Конечно, они могли просто убегать от многоножки, но тогда они бросились бы врассыпную. Однако они двигались двумя четкими вереницами, а во время схватки продолжали оставаться на заднем плане. Неужели ты не заметил?

— Мое внимание было отвлечено, — сухо ответил Хэм. — Но даже если и так, что из того?

— Ты когда-нибудь слышал про медоуказчиков?

— Что со смутно припоминаю.

— Это африканская птица из отряда удонов. Она приводит людей к гнездам диких пчел. Человек забирает мед, а птицам остаются личинки, — Патриция помолчала. — Я думаю, что туманные фигуры служат многоножкам чем-то вроде медоуказчиков. Они привели их к нам либо потому, что твой выстрел их рассердил, либо потому, что рассчитывали поживиться объедками, либо просто по злобе. Но, возможно, все это лишь мой вымысел.

— Если они материальны, то нужно будет спать на инфракрасную пленку следующую группу, стадо, рой, стаю... как еще можно назвать их сборище? Но я все-таки склонен считать их оптической иллюзией.

— Надеюсь, что ты прав, — пробормотала Пат, вздрогнув.

— Ха! — внезапно сказал Харборд. — Женщинам нечего делать в подобных местах. Слишком уж они боязливы.

— Да? — осведомился Хэм, готовый защищать Патрицию от любых обвинений. — У нее хватило мужества заметить мелкие подробности во время схватки с этими жуткими тварями!

— А теней она боится! — проворчал Харборд.

Однако это были не тени. Через несколько часов Каллен сообщил, что в тумане «Гею» окружили пляшущие, меняющие форму существа, и начал таскать фотоаппарат от иллюминатора к иллюминатору.

Хотя воздух, насыщенный аргоном, хорошо поглощал длинные световые волны, инфракрасная пленка оказалась все же чувствительней человеческого глаза, пусть детали на ней и смазывались. Но пленки не поддаются самовнушению и не видят настоящее в преломлении прошлого опыта, а холодно и бесстрастно фикс-

сируют попадающие на них световые лучи в соответствии с их интенсивностью.

Когда Каллен занялся проявлением пленки, Патриция, измученная бурными событиями первого дня пребывания на Уране, еще спала, и Хэм, позевывая, устроился рядом с химиком посмотреть, что получится.

Возможно, Патриция была готова к чему-то более ужасному, но Хэм не ожидал и такого результата. Он долго рассматривал негатив на свет, потом взял у Каллена отпечатки и принялся их изучать.

— Хм! — пробормотал он. На отпечатках, несомненно, что-то было, однако почти столь же неопределенное, как и то, что они наблюдали в тумане самп. Бесспорно, туманные фигуры существовали в действительности, но, во всяком случае, их сходство с людьми было иллюзией.

Демонические рожи, ухмыляющиеся морды, сардонические лица объектив не уловил. В этом смысле люди все-таки оказались жертвами галлюцинации, наделив туманные образы чертами, возникавшими в их собственном сознании. Но за всеми фантастическими личинами, несомненно, скрывалось нечто вполне реальное. Только вот какие физические тела были способны так менять форму и величину, так внезапно исчезать и возникать из ничего?

— Не показывай их Патриции, пока она сама не попросит, — задумчиво сказал Хэм. — И пожалуй, я не разрешу ей выходить из ракеты. Судя по тому, что мы тут успели увидеть, это отнюдь не самое безопасное место во Вселенной.

И все же он не учел особенностей характера своей жены. Когда «Гея» села милей южнее и он приготовился к новому выходу в туман, Пат встретила его решение бурей протестов.

— Зачем, собственно, была отправлена сюда эта экспедиция? — негодуя спросила она. — Самое важ-

пое на любой планете — населяющие ее живые организмы, а они находятся в ведении биолога, разве не так? Зачем, по-твоему, институт назначил меня на эту должность? Чтобы я сидела сложа руки в железной бочке, пока два профана исследуют местность? Инженер и химик, не способные отличить эпифит от сифонофоры!

— Но мы будем приносить в ракету образчики, — слабо парировал Хэм.

Это вызвало новый взрыв.

— Если уж на то пошло, то не я здесь благодаря тебе, а ты здесь благодаря мне! Они могли бы найти еще сотни инженеров, химиков и астролетчиков, а вот специалисты по внеземной биологии все наперечет!

Хэм ничего не ответил, потому что это было правдой. Несмотря на молодость, Патриция, родившаяся на Венере и учившаяся в Париже, считалась в своей области светилом. И в сущности он не имел права удерживать ее в ракете — она должна была выполнять свои обязанности, как и все остальные члены экспедиции. Поэтому он вздохнул и уступил.

— Ты проявляешь, хотя и слабые, но все же обнадеживающие признаки здравого смысла, — похвалила его Пат. — Неужели ты думаешь, что эти связки сосисок меня пугают? Во всяком случае, я поостерегусь резать их посередине! Ну, а гримасничающие тени, по твоим же собственным словам, — всего лишь оптическая иллюзия... Да, кстати, а где фотографии? На них что-нибудь получилось?

Каллен заколебался, но Хэм кивнул, и он протянул ей пачку снимков.

— Значит, они настоящие! — воскликнула Пат, едва взглянув на снимки, а затем принялась сосредоточенно их изучать.

— Ну, что ты о них думаешь? — с любопытством спросил Хэм, радуясь, что ее страх исчез,

Но она только слегка улыбнулась ему и ничего не ответила.

Хэм, по-видимому, опасался за Патрицию совершенно напрасно. Дни спокойно шли за днями без каких-либо чрезвычайных происшествий. Каллен делал анализы пород, систематизировал полученные результаты и без конца брал пробы зеленоватого воздуха Урана. Хэм проверял и перепроверял двигатели «Геи», от которых зависела их жизнь, а Патриция собирала и классифицировала свои образцы. Харборд, которому до взлета делать было нечего, выполнял обязанности кока и помогал тем, кому требовалась помощь.

«Гея» четырежды взмывала над поверхностью планеты и вновь опускалась на нее сквозь вечные туманы, и Хэм с Патрицией обследовали новый круг с тысячефутовым радиусом. А где-то за серым непроницаемым покровом невидимый Сатурн миновал точку противостояния и начал удаляться от медлительного Урана. Время пребывания экспедиции на планете истекало: с каждым часом расстояние, которое им предстояло покрыть на обратном пути, заметно возрастало.

Когда они перебрались на пятый участок, Харборд объявил, что пора улетать.

— Пятьдесят часов, и ни минутой больше, если вы не хотите провести здесь еще сорок лет, — предупредил он.

— Ну, что здесь коротать свой век, что в Лондоне — разница невелика, — заметил Хэм, надевая куртку. — Пойдем, Пат, бросим последний взгляд на милые уранианские пейзажи!

Она вышла с ним из ракеты и, пока он пристегивал проволоку к скобе и шелковый шнур к ее поясу, сказала жалобно:

— Мне бы хотелось еще раз встретиться с сосисками. У меня появилась одна идея.

— Как-нибудь обойдешься, — проворчал он. — С меня достаточно шапочного знакомства.

«Гея» скрылась в зеленоватых испарениях. Вокруг них опять мелькали и гримасничали туманные фигуры, но Хэм и Пат уже настолько привыкли к ним, что перестали их замечать.

На этот раз «Гея» опустилась в слегка холмистой местности, и Патриция бродила среди каменистых пригорков, собирая, рассматривая, отбрасывая или тщательно укладывая в сумку образчики уранианской флоры. Почти все время шнур был натянут до предела, и Хэм не видел и не слышал жены.

Наконец он истерпеливо дернул шнур.

— Словно вывожу щенка в лес на поводке! — проворчал он, когда Патриция появилась из тумана. — Проволока размоталась вся. Дальше пойдем по кругу.

— Но здесь рядом какие-то новые формы! — воскликнула она (шнур позволил ей отойти еще на пятьдесят футов). — Я должна посмотреть, что это такое!

— Не делай этого. Мы можем вернуться к ракете, немного удлинить проволоку и попробовать еще раз...

— Всего несколько шагов... — Она повернулась и пошла в туман. — Я отстегну шнур, только погляжу — и обратно.

— Не смей! — крикнул он. — Пат, вернись! Вернись сейчас же! — и Хэм с силой потянул шнур на себя. Раздалось раздраженное восклицание, и внезапно шнур подался, так что Хэм чуть было не упал. Патриция отстегнула шнур!

— Пат! — завопил он. — Иди сюда! Немедленно вернись!

По-видимому, она что-то крикнула в ответ, но туман почти совсем заглушил ее голос. Потом наступила тишина. Он снова позвал, но не услышал ничего, кроме шелеста смутных фигур.

Хэм не знал, как поступить. Через несколько секунд он начал стрелять в воздух. Десять выстрелов через краткие промежутки. Немного подождав, он разрядил еще одну обойму в равнодушный мертвенный туман. И снова напрасно. Хэм крепко выругался, злясь на упрямство Патриции, собственную беспомощность и гримасничающие туманные фигуры.

Что делать? Вернуться на «Гею», чтобы Харборд и Каллен могли принять участие в поисках? А время? Ведь с каждой секундой Патриция, возможно, уходит вслепую все дальше и дальше! Вытащив карандаш и блокнот, он написал на листке: «Пат заблудилась. Принесите запасную катушку и подсоедините ее к проволоке. Постараюсь остаться в радиусе двух тысяч футов. Ищите нас, двигаясь по кругу».

Он отцепил проволоку от пояса, наколол на нее листок, придавил его камнем и трижды дернул проволоку, вызывая помощь, а сам повернулся и углубился в туман без путеводной нити.

Хэм не знал, долго ли он бродил в поисках жены и далеко ли ушел. Туманные фигуры издевательски бормотали вокруг, влага осаждалась на его лице и стекла по носу и подбородку, туман становился все непроницаемее. Он кричал, стрелял из пистолета и даже свистел в надежде, что более высокие звуки разнесутся на большее расстояние. Он описывал петли и зигзаги. Он уговаривал себя, что Пат не станет бесцельно блуждать — она ведь выросла на Венере и знает, что, заблудившись, нужно оставаться на месте, иначе есть риск уйти слишком далеко.

Он и сам заблудился. Он не имел ни малейшего представления, в какой стороне находится «Гейя» или путеводная проволока. Иногда ему казалось, что он различает ее серебряный блеск, но каждый раз он обнаруживал вместо проволоки либо лужицу, либо камень с блестящими вкраплениями и шел дальше наугад

под плотным балдахином тумана. В конце концов именно эти бесцельные блуждания и спасли его — он споткнулся о проволоку, описав полный круг.

Рядом с ним внезапно появились Каллен и Харборд, связанные шелковым шнуром. Он с трудом выговорил:

— Ну как... нашли?..

— Нет, — угрюмо ответил Харборд. Его иссеченное морщинами лицо было безмерно усталым. — Но мы ее найдем.

— Вернись на ракету и отдохни, — посоветовал Каллен, — а мы будем искать.

— Нет, — отрезал Хэм.

Харборд сказал с неожиданной мягкостью:

— Не бойся. Она достаточно благоразумна и хладнокровна, чтобы ждать на одном месте, пока мы ее не найдем. Не могла же она уйти на полную тысячу футов от конца проволоки!

— Если только ее не вынудили бежать дальше или не утащили! — с отчаянием ответил Хэм.

— Мы ее найдем! — повторил Харборд.

Но десять часов спустя, после того как они несколько раз прочесывали пространство возле «Ген» вдоль и поперек, пришлось признать, что Патриции в радиусе двух тысяч футов от ракеты нет. Десятки раз за время их бесплодных поисков Хэм испытывал почти непреодолимое желание освободиться от проволоки и отойти чуть дальше в дразнящий туман. Ведь она могла ожидать спасения совсем рядом — только-только за пределами видимости и слышимости... А вдруг она лежит с вывихнутой ногой всего в десятке шагов от границы круга, который они описывают, а они так об этом и не узнают? Но уйти от единственного указателя, который связывал их с ракетой, было бы почти навверное бесцельным и бессмысленным самоубийством.

Когда они добрались до колышка, который вбил Каллен, чтобы отметить место, откуда они начали обход, Хэм остановился.

— Вернемся на ракету, — мрачно сказал он. — Перелетим на четыре тысячи футов в этом направлении и снова пойдем в обход. Дальше чем на милю от того места, где я ее потерял, Пат уйти не могла.

— Мы ее найдем, — упрямо повторил Харборд.

Но они ее не нашли. После бесплодных мучительных поисков «Гея» по указанию Хэма села в точке, позволяющей описать круг, соприкасающийся с уже обследованными двумя, и они снова вышли на розыски.

С момента исчезновения Пат прошло тридцать часов, и все трое валились с ног от усталости. Первым сдался Каллен и, пошатываясь, побрел к ракете. Когда остальные двое вернулись на «Гею», чтобы перелететь на новое место, они увидели, что он спит одетый, положив голову на стол возле чашки с недопитым кофе.

Часы медленно уходили в вечность. Сатурн продолжал непрерывно удаляться от туманной планеты, прощаясь с ней до следующей встречи через сорок лет. Харборд молчал, и о том, что назначенный им последний срок истекает, сказал Хэм.

«Гея» опускалась на новую исходную точку, когда он заговорил:

— Время на исходе. Я не хочу, чтобы вы с Калленом застряли на Урапе. Если мы и на этот раз не найдем Пат, вы улетите. Ясно?

— Нет, — ответил Харборд. — Эти слова мне непонятны.

— Вам незачем тут оставаться. Хватит и меня одного. Я возьму часть продовольствия и все оружие и боеприпасы.

— Ха! — проворчал Харборд. — Что такое сорок лет?

Ему шел шестой десяток.

— Я приказываю вам лететь, — тихо сказал Хэм.

— Во время полета командир — я. И мы не улетим. Мы найдем ее.

Но, в сущности, не оставалось никакой надежды. Когда они приготовились выйти из ракеты, Каллен проснулся и присоединился к ним. Они заняли позиции вдоль проволоки на расстоянии шестьсот пятьдесят футов друг от друга и двинулись в обход. Хэм еле передвигал ноги. Уже сорок часов он не спал и ничего не ел, если не считать нескольких кусочков шоколада с чашкой кофе во время кратких перелетов. Туманные фигуры теперь представлялись его усталым глазам жуткими чудовищами — они словно подбирались все ближе и усмехались все более злобно.

И поэтому, когда они прошли примерно четверть пути и он увидел в тумане какое-то более плотное пятно, ему пришлось долго щуриться и вглядываться, прежде чем он убедился, что глаза его не обманывают.

Он дернул проволоку, подавая остальным сигнал остановиться, и различил новый звук — ровный, глухой топот, совсем непохожий на призрачные шорохи и шелест туманных фигур. И тут же до его ушей донесся еще один странный, заглушенный, но несомненно реальный звук. Хэм трижды дернул проволоку и, когда его товарищи подошли, кивнул на темное пятно и сказал:

— Мы можем дойти туда, если свяжем два шнура. Этого вполне хватит.

Все трое осторожно углубились в туман. Позади осталось пятьдесят футов... шестьдесят... Внезапно Хэм понял, что перед ним проходит цепь множества тварей — по-видимому, гигантская цепь, так как ей не было видно конца. Безнадёжно махнув рукой, он медленно повернулся и пошел назад, но вдруг остано-

вился как вкопанный. Он услышал резкий сухой звук — звук кашля!

Не думая об опасности, Хэм бросился к цепи и закричал:

— Пат! Пат!

Какое невыразимое облегчение! Из-за черной цепи донесся слабый дрожащий голос:

— Хэм! Это ты?

— С тобой... с тобой ничего не случилось?

— Н-нет.

Между мелькающими сегментами он разглядел Патрицию, зеленоватую, как туман.

— Пат, — скомандовал он, — как только эта цепь пройдет, беги прямо ко мне. Не сворачивая ни на шаг!

— Она никогда не пройдет, — ответила Патриция еле слышно. — Это не колонна, это кольцо.

— Кольцо?! — с ужасом повторил Хэм. — Но тогда как же... как же ты выберешься?

Он растерянно умолк. Сейчас, лишенная вожака, эта странная процессия была безопасна. Но стоит ее разорвать, как она превратится в свирепую тварь и... Вдруг Пат не успеет добежать до них?

— Встаньте рядом, — приказал он Харборду и Каллену, хватая последний шнур. — Я прыгну к ней.

Он взобрался к ним на плечи. С этой высоты у него был шанс перепрыгнуть через чудовищную многопожку. Либо ему удастся, либо...

И он перепрыгнул — Харборд и Каллен даже застонали под тяжестью его ста восьмидесяти уранианских фунтов.

На мгновение прижав Патрицию к груди, Хэм сразу же повернулся и бросил конец шнура друзьям снарядом.

— Если мы поднимем шнур повыше, ты сумеешь перебраться по нему? — спросил он со страхом, потому

что Пат, казалось, вот-вот готова была лишиться сознания.

— Конечно, — пробормотала она.

Цепляясь за шнур руками и ногами, Пат начала медленно двигаться по нему на манер южноамериканского ленивца. Прямо над цепью она вдруг задержалась, и Хэма охватил невыносимый ужас, но секунду спустя Пат благополучно упала на руки Харборда.

— Хэм! А как же ты? — воскликнула она.

— Перепрыгну!

Не раздумывая, он отступил насколько мог для разбега и, собрав оставшиеся силы, перелетел через шестифутовый смертоносный барьер, едва коснувшись ладонями черной пузырчатой кожи.

Патриция судорожно прильнула к нему. Он сказал хрипло:

— Если бы мы тебя не отыскиали...

— Но вы же отыскиали! — прошептала она и вдруг начала истерически смеяться и надрывно кашлять. — Почему ты так долго не шел? Я думала, что ты придешь раньше... — она растерянно оглянулась на кружащую цепь. — Я... я устроила им короткое замыкание!

И она лишилась чувств. Хэм поднял ее на руки и следом за Калленом и Харбордом побрел вдоль проволоки к «Гее». Позади них продолжала бесцельно кружить замкнутая цепь обреченных сегментов.

Зеленоватый шар — Уран — висел за пеленой раскаленных газов, вырывавшихся из главных сопел, а слева от крохотного, но слепящего кружка Солнца голубоватой звездой блестел Сатурн. Патриция, которая в чистой сухой атмосфере «Геи» почти перестала кашлять, полулежала во вращающемся кресле. Она улыбнулась Хэму,

— Видишь ли, после того как я отцепила шнур... Погоди! Не надо читать мне нотаций! Так вот: я отошла всего на несколько шагов и убедилась, что ничего нового там нет — все то же извилистое растение, которое я назвала криптогамией уранианской. Я вернулась, но ты уже ушел.

— Как ушел? Я не трогался с места.

— Во всяком случае, тебя там не было, — невозмутимо сказала она. — Я прошла немного вперед и закричала, но голос в тумане сразу же глох. Потом я услышала выстрелы в другой стороне и направилась туда... И тут ко мне подскочили сосиски!

— Что же ты сделала?

— А что я могла сделать? Времени вытаскивать пистолет не было, и я бросилась бежать. Они бегают быстро, но не быстрее меня. Потом я начала уставать и обнаружила, что, резко меняя направление, я выигрываю время — ведь они не сразу сворачивают с выбранного пути. Я лавировала несколько минут и только боялась, что споткнусь в этом проклятом тумане. И тут меня осенило! Помнишь, я рассказывала тебе, как Фабр изучал гусениц, которые передвигаются цепочкой? Ну, так во время одного опыта он повел целую процессию вокруг основания садовой вазы и замкнул круг. Таким образом они остались без вожака, и знаешь, что произошло?

— Догадываюсь!

— Вот именно. Они продолжали кружить несколько часов, а может быть, и суток — не помню, сколько времени это длилось. Потом некоторые гусеницы умерли от истощения, и цепочка получила вожака. Когда я вспомнила про этот эксперимент, я решила его повторить и бросилась к последнему сегменту, а первый бросился за мной...

— Понимаю, — пробормотал Хэм.

— Да. Я собиралась замкнуть кольцо и остаться снаружи, но, когда я добежала до последнего сегмента, я, наверное, упала от усталости. Не знаю точно, что произошло, но когда я опомнилась, то оказалось, что их ноги топают почти рядом с моим лицом, а я лежу внутри кольца.

— Вероятно, ты потеряла сознание от усталости.

— Я никогда не теряю сознания, — с достоинством произнесла Патриция.

— То-то я принес тебя к «Гее» на руках!

— Это совсем другое дело, — объяснила она. — Просто я сразу же уснула, потому что сорок часов провела без сна и еды. А потеря сознания или обморок вызываются тем, что в мозг поступает меньше крови...

— Ну, ладно, ладно, — перебил ее Хэм. — Если для обморока требуется мозг, ты, конечно, не способна лишиться сознания.

— Стрелять я не могла, — словно не расслышав, продолжала Патриция, — так как они сразу напали бы на меня, а к тому же я не знала, в какой стороне находится «Гейя». Поэтому я просто сидела там — неделю, десять дней, месяц...

— Сорок часов.

— А туманные фигуры шелестели над сосисками, все время шелестели, мелькали, пока мне не начало казаться, что я вот-вот сойду с ума. Это было ужасно! Хотя я и знала, что они такое, все равно было ужасно!

— Хотя ты знала, что они такое? Откуда?

— Догадалась. Собственно говоря, я заподозрила это, когда увидела снимки.

— И что же они такое?

— Видишь ли, у меня было достаточно времени, чтобы изучить сегменты в цепи, и я убедилась, что они — не полностью развитые существа. Другими словами, это личинки, которые, если мое предположение

верно, развиваются потом в туманные фигуры. Ну, как гусеницы и бабочки.

— Да, пожалуй, это возможно. Но как эти фигуры меняют форму и размеры?

— Они их вовсе не меняют. Ведь свет на эту часть Урана падал почти вертикально, не правда ли? И следовательно, любая тень отбрасывалась прямо вниз. Вот их-то мы и видели — все эти пляшущие, мелькающие химеры были отброшенными на туман тенями каких-то существ, летавших и паривших у нас над головой. Эти существа следовали за нами и наводили на нас своих личинок, понимаешь?

— Выглядит достаточно правдоподобно. Ну, что же, через восемьдесят лет, когда северный полюс Урана опять будет освещен Солнцем, кто-нибудь слетает туда и проверит, насколько верна твоя теория. Может быть, Харборд не откажется еще раз побывать там, а, Харборд?

— При условии, что на борту не будет ни одной женщины, — проворчал астролетчик.

Ларри Найвен

Дождусь

На Плутоне ночь. Линия горизонта, резкая и отчетливая, пересекает поле моего зрения. Ниже этой изломанной линии — серовато-белая пелена снега в тусклом свете звезд. Выше — космический мрак и космическая яркость звезд. Из-за неровной цепи зубчатых гор звезды выплывают и поодиночке, и скоплениями, и целыми россыпями холодных белых точек. Медленно, но заметно движутся они — настолько заметно, что неподвижный взгляд может уловить их движение.

Что-то здесь не так. Период обращения Плутона велик: 6,39 дня. Течение времени, видимо, замедлилось для меня.

Оно должно было остановиться совсем.

Неужели я ошибся?

Планета мала, и горизонт поэтому близок. Он кажется еще ближе, потому что расстояния здесь не скрадываются дымкой атмосферы. Два острых пика воззаются в звездную россыпь, словно клыки хищного зверя. В расщелине между ними сверкает неожиданно яркая точка.

Я узнаю в ней Солнце — хотя оно и без диска, как любая другая тусклая звезда. Солнце сверкает, словно ледяная искорка между замерзшими вершинами; оно выползает из-за скал и слепит мне глаза...

...Солнце исчезло, рисунок звезд изменился. Видимо, я на время потерял сознание.

Нет, тут что-то не так.

Неужели я ошибся? Ошибка не убьет меня. Но она может свести меня с ума...

Я не чувствую, что сошел с ума. Я не чувствую ничего — ни боли, ни утраты, ни раскаяния, ни страха. Даже сожаления. Одна мысль: вот так история!

Серовато-белое на серовато-белом: посадочная ступень, приземистая, широкая, коническая, стоит, наполнив погрузившись в ледяную равнину ниже уровня моих глаз. Я стою, смотрю на восток и жду.

Пусть это послужит вам уроком: вот к чему приводит нежелание умереть.

Плутон не был самой далекой планетой — он перестал ею быть в 1979 году, десять лет назад. Сейчас Плутон в перигелии — настолько близко к Солнцу (и к Земле), насколько это вообще возможно. Не использовать такую возможность было бы нелепо.

И вот мы полетели — Джером, Сэмми и я — в надувном пластиковом баллоне, с двигателем на ионной тяге. В этом баллоне мы провели полтора года. После такого долгого совместного пребывания без всякой возможности остаться наедине с самими собой мы должны были бы возненавидеть друг друга. Но этого не случилось. Психометристы хорошо подбирают людей.

Только бы уединиться хоть на несколько минут. Только бы иметь хоть какое-то не предусмотренное программой дело. Новый мир мог таить бесчисленное множество неожиданностей. И наша посадочная ступень, эта металлическая рухлядь, тоже могла их таить. Наверное, никто из нас до конца не полагался на нашу «Нерву».

Подумайте сами. Для дальних путешествий в космосе мы используем ионную тягу. Ионный двигатель развивает малые ускорения, но зато его хватает

надолго — наш, например, проработал уже десятки лет. Там, где тяготение много меньше земного, мы садимся на безотказном химическом топливе; чтобы сесть на Землю или Венеру, мы используем тепловой барьер и тормозящее действие атмосферы; для посадки на газовых гигантах... но кому охота там садиться?

На Плутоне нет атмосферы. Химические ракеты были слишком тяжелы, чтобы тащить их с собой. Для посадки на Плутон нужен высокоманевренный атомно-реактивный двигатель. Типа «Нервы» на водородном горючем.

И он у нас был. Только мы ему не доверяли.

Джером Гласс и я отправились вниз, оставив Сэмми Гросса на орбите. Он ворчал по этому поводу, да еще как! Он начал ворчать еще на мысе Кеннеди и продолжал в том же духе все полтора года. Но кто-то должен был остаться. Кто-то всегда должен оставаться на борту возвращаемого на Землю аппарата, чтобы отмечать все неполадки, чтобы поддерживать связь с Землей, чтобы сбросить сейсмические бомбы, которые помогут нам разрешить последнюю загадку Плутона.

Эту загадку мы никак не могли разрешить. Откуда взялась у Плутона его огромная масса? Планета была в десятки раз тяжелее, чем ей положено. Мы собирались решить вопрос с помощью бомб — точно так же, как еще в прошлом веке выясняли строение Земли. Тогда построили схему распространения сейсмических волн сквозь толщу нашей планеты. Только эти волны были естественного происхождения, например от извержения Кракатау. На Плутоне больше толку будет от сейсмических бомб.

Между клыками-пиками внезапно сверкнула яркая звезда. Интересно, разгадают ли эту тайну к тому времени, как кончится моя вахта?..

...Небосвод вздрогнул и замер, и...

Я смотрю на восток, мой взгляд скользит по равнине, где мы опустили посадочную ступень. Равнина и горы за ней тонут, словно Атлантида, — это звезды, поднимаясь, порождают иллюзию, будто мы непрерывно скользим вниз, падая в черное небо, — Джером, и я, и замурованный во льдах корабль...

«Нерва» вела себя великолепно. Несколько минут мы висели над равниной, чтобы проложить себе путь сквозь пласты замерзших газов и найти опору для посадки. Летучие соединения испарялись вокруг нас и кипели под нами, и мы опускались в бледном, белесом ореоле тумана, рожденного водородным пламенем.

В просвете посадочного кольца появилась влажная черная поверхность. Я опускал корабль медленно, медленно — и вот мы сели.

Первый час ушел у нас на то, чтобы проверить системы и подготовиться к выходу. Кому выйти первым? Это не был праздный вопрос. Еще многие столетия Плутон будет самым дальним форпостом Солнечной системы, и слава первого человека, ступившего на Плутон, не померкнет вовеки.

Жребий вытянул Джером. Монета решила спор: его имя будет стоять в учебниках истории первым. Помню улыбку, которую я выдавил; хотел бы я улыбнуться сейчас. Выбирался через люк, он смеялся и острил насчет мраморных памятников. Можете видеть в этом иронию судьбы.

Я завинчивал шлем, когда Джером начал изрыгать в шлемофон ругательства. Я торопливо проделал все положенные процедуры и вылез наружу.

Все стало ясно с первого взгляда.

Хлюпающая черная грязь под нашей посадочной ступенью была грязным льдом, заледеневшей водой,

перемешанной с легкими газами и скальными породами. Огонь, вырвавшийся из двигателя, расплавил этот лед. Скальные обломки, вмёрзшие в него, стали тонуть, наша посадочная ступень тоже стала тонуть, и когда вода снова замерзла, она охватила корпус выше средней линии. Наша посадочная ступень намертво вмёрзла в лед.

Мы, конечно, могли бы провести кое-какие исследования, прежде чем приниматься за освобождение корабля. Когда мы позвали Сэмми, он предложил нам именно такой план. Но Сэмми был наверху в аппарате, который мог вернуться на Землю, а мы — внизу, и наша посадочная ступень вмёрзла в лед на чужой планете.

Нас охватил страх. Мы не способны были ничего предпринять, пока не освободимся, — и мы оба знали это.

Странно, почему я не помню страха.

У нас была возможность. Посадочная ступень рассчитана для передвижения по Плутону, поэтому вместо посадочных опор она снабжена кольцом. Половинная мощность двигателя превращала ступень в корабль на воздушной подушке. Это безопаснее и экономичнее, чем совершать прыжки с помощью реактивной тяги. Под кольцом, как под колоколом, должны были сохраниться остатки испарившихся газов, и, значит, двигатель оставался в газовой полости.

Мы могли расплавить лед нашей «Нервой» и открыть себе путь.

Помню, мы были так осторожны, как только могут быть осторожны два насмерть испугавшихся человека. Мы поднимали температуру двигателя мучительно медленно. Во время полета водородное горючее обтекает реактор и само охлаждает его; здесь этого не было, зато в газовой полости вокруг двигателя стоял ужасающий холод. Он мог скомпенсировать искусственное охлажде-

ние либо... Внезапно стрелки словно взбесились. Под влиянием чудовищной разности температур что-то выпило из строя. Джером вдвинул замедляющие стержни — никакого результата. Быть может, они расплавились. Быть может, проводка вышла из строя или резисторы превратились в сверхпроводники в этом ледяном мире. Быть может, сам реактор... — но теперь это уже не имело значения.

Странно, почему я не помню страха.

...Снова сверкнуло Солнце...

Ощущение тяжелой дремоты. Я снова очнулся. Те же звезды восходят роем над теми же мрачными вершинами.

Что-то тяжелое наваливается на меня. Я ощущаю его вес на спине и ногах. Что это? Почему меня это не пугает?

Оно скользит вокруг меня, переливаясь, словно чего-то ищет. Оно похоже на огромную амёбу, бесформенную и прозрачную, и внутри него видны какие-то черные зерна. На вид оно примерно моего веса.

Жизнь на Плутоне? Сверхтекучая жидкость? Гелий-41 с примесью сложных молекул? Тогда этому чудищу лучше убраться подальше — когда взойдет Солнце, ему понадобится тень. На солнечной стороне Плутона температура на целых пятьдесят градусов выше нуля! Выше абсолютного нуля.

Нет, вернись! Но оно удаляется, переливаясь, как капля, оно уходит к ледяному кратеру. Неужели моя мысль заставила его уйти? Нет, чепуха. Ему, наверно, не понравился мой запах. Как ужасающе медленно оно ползет, если я замечаю его движение! Я вижу его боковым зрением, как расплывчатое пятно, — оно спускается вниз, к посадочной ступени и крохотной застывшей фигурке первого человека, который погиб на Плутоне.

После аварии двигателя один из нас должен был спуститься вниз и взглянуть, насколько велики разрушения. Кто-то должен был струей ранцевого двигателя прожечь туннель во льду и проползти по нему в полость под посадочным кольцом. Мы старались не думать о возможных осложнениях. Мы все равно уже погибли. Тот, кто вползет под кольцо, погибнет наверняка; что ж из этого? Смерть есть смерть.

Я не чувствую себя виноватым: если бы жребий пал на меня, вместо Джерома пошел бы я.

Двигатель выбросил расплавленные обломки реактора прямо на ледяные стенки полости. Мы здорово попались, вернее, попался я. Потому что Джером был уже все равно что мертв. В газовой полости был настоящий радиоактивный ад.

Джером, вползая в туннель, тихо шептал проклятия, а выполз молча — наверно, все подходящие слова он израсходовал раньше, на более мелкие неприятности.

Помню, что я плакал, отчасти от горя, отчасти от страха. Помню, что я старался говорить спокойно, несмотря на слезы. Джером не увидел моих слез. Если он догадывался, это его дело. Он описал мне ситуацию, сказал: «Прощай», а потом шагнул на лед и снял шлем. Туманное белое облако окружило его голову, потом оно взорвалось и опустилось на лед крошечными снежинками.

Но все это кажется мне бесконечно далеким. Джером так и стоит там, сжимая в руках шлем: памятник самому себе, первому человеку на Плутоне. Иней лежит на его лице.

Солнце восходит. Надеюсь, эта амеба успела...

...Это дико, невероятно. Солнце на мгновение остановилось — ослепительно белая точка в просвете между двумя вершинами-близнецами. Потом оно метнулось

вверх — и вращающийся небосвод вздрогнул и застыл. Вот почему я не заметил этого раньше! Это происходит так быстро!

Чудовищная догадка... Если повезло мне, то могло повезти и Джерому. Неужели...

Там наверху оставался Сэмми, но он не мог спуститься ко мне. А я не мог подняться к нему. Системы жизнеобеспечения были исправны, но рано или поздно я бы замерз или остался без кислорода.

Я провозился часов тридцать, собирая образцы льда и минералов, анализируя их, сообщая данные Сэмми по лазерному лучу, отправляя ему возвышенные прощальные послания и испытывая жалость к самому себе. Каждый раз, выбираясь наружу, я проходил мимо статуи Джерома. Для трупа, да еще не приукрашенного бальзамировщиком, он выглядел чертовски хорошо. Его промерзшая кожа была совсем как мраморная, а глаза были устремлены к звездам в мучительной тоске. Каждый раз, проходя мимо него, я гадал, как буду выглядеть сам, когда придет мой черед.

— Ты должен найти кислородную жилу, — твердил Сэмми.

— Зачем?

— Чтобы выжить! Рано или поздно они вышлют спасательную экспедицию. Ты не должен сдаваться.

Я уже сдался. Кислород я нашел, но не такую жилу, на которую надеялся Сэмми. Всего лишь крохотные прожилки кислорода, смешанного с другими газами, — вроде прожилок золотоносной руды в скале. Они были слишком малы, они пронизывали лед слишком тонкой паутиной.

— Тогда используй воду! Ты можешь добыть кислород электролизом!

Но спасательный корабль прилетит через годы. Им придется строить его совершенно заново, да еще

переделывать конструкцию посадочной ступени. Для электролиза нужна энергия, для обогрева тоже. А у меня были только аккумуляторы.

Рано или поздно мои запасы энергии кончатся. Сэмми этого не понимал. Он был в еще большем отчаянии, чем я. Я не исчерпал списка своих прощальных посланий — просто перестал их посылать, потому что они сводили Сэмми с ума.

Видно, я слишком много раз проходил мимо статуи Джерома — и вот она пришла, надежда.

В Неваде, в трех миллиардах миль отсюда, в склепах, окруженных жидким азотом, лежит полмиллиона трупов. Полмиллиона замороженных людей ждут своего воскрешения, ждут того дня, когда врачи научатся размораживать их без риска для жизни, научатся устранять те нарушения, что вызваны ледяными кристалликами, пробившими стенки клеток в их мозгах и телах, научатся лечить те болезни, что убили их.

Полмиллиона кретин? А что им оставалось делать? Они умирали.

И я умираю.

В полном вакууме человек может прожить какие-нибудь десятые доли секунды. Если двигаться быстро, за это время можно сбросить скафандр. Без его защиты черная плутонова ночь за считанные мгновения высосет все тепло из моего тела. И при пятидесяти градусах выше абсолютного нуля я буду стоять замороженный и ждать второго пришествия — врачей или господ бога.

...Солнце сверкнуло...

...И снова звезды. Нигде не видно той гигантской амебы, которой я не понравился вчера. А может, я смотрю не в ту сторону.

Мне бы хотелось, чтобы она успела спрятаться.

Я смотрю на восток, мой взгляд скользит по искореженной равнине. Боковым зрением я вижу посадочную ступень — целехонькую и неподвижную.

Скафандр лежит рядом со мной на льду. Я стою в серебристом одеянии на вершине черной скалы, неотрывно и вечно глядя на горизонт. Я успел принять эту героическую позу, прежде чем холод коснулся мозга. Лицом к востоку, молодой человек! Правда, я немного спутал направление. Но пар от моего дыхания заслонял тогда от меня мир, и я все делал в безумной спешке.

Сейчас Сэмми Гросс, должно быть, уже на обратном пути. Он расскажет им, где я.

Звезды выплывают из-за горных вершин. Вершины гор, и волнистая равнина, и Джером, и я бесконечно погружаемся в черное небо.

Мой труп будет самым холодным за всю историю человечества. Даже исполненных надежды мертвецов на Земле хранят всего лишь при температуре жидкого азота. Это кажется страшной жарой после ночей на Плутоне, когда пятьдесят градусов абсолютного дневного тепла рассеиваются в пространство.

Сверхпроводник — вот что я такое. Каждое утро лучи Солнца поднимают температуру и выключают меня, словно какую-нибудь обыкновенную машину. Но по ночам сеть моих нервов превращается в сверхпроводник. По ней текут токи, текут мысли, текут ощущения. Медленно, безумно медленно. Стопятидесяти-трехчасовые сутки Плутона сжимаются в какие-нибудь пятнадцать минут. При таком темпе я, пожалуй, дождусь.

Я и статуя, и наблюдательный пункт. Ничего удивительного, что у меня нет эмоций. Но кое-что я все-таки ощущаю: тяжесть, навалившуюся на меня, боль в ушах, растягивающее усилие вакуума, приложенное к каждому квадратному миллиметру моего тела. Моя

кровь не вскипает в вакууме. Но внутри моего ледяного тела заморожено напряжение, и мои нервы непрерывно говорят мне об этом. Я ощущаю, как ветер скользит по моим губам, словно легкий сигаретный дымок.

Вот к чему приводит нежелание умереть. Занятно будет, если я все-таки дождусь!

Неужели они не найдут меня? Плутон — небольшая планета. Правда, для того чтобы затеряться, даже маленькая планета достаточно велика. Но ведь есть еще посадочная ступень.

Впрочем, она, кажется, скрыта инеем. Испарившиеся газы снова сконденсировались на ее корпусе. Серовато-белое на серовато-белом: сахарная голова на неровном ледяном подносе. Я могу простоять здесь вечность, пока они не отыщут мой корабль среди бесконечной равнины.

Перестань!

Опять Солнце...

...Опять выкатываются на небо звезды. Те же созвездия все снова и снова восходят в тех же местах. Теплится ли в теле Джерома такая же полужизнь, как и в моем? Ему следовало бы раздеться. Господи, как бы я хотел смахнуть иней с его глаз!

Хоть бы этот сверхтекучий шар вернулся...

Проклятье! Как холодно здесь.

Джон Кемпбелл

Трансплутон

Блейк скептически разглядывал странную конструкцию.

— Так вот ты чем занимался на вахте? Протономет? Ну, и что ты собираешься с ним делать? У него же отдача, как у пушки.

Пентон покачал головой, потирая ушибленное запястье.

— Ты преувеличиваешь. Я просто упустил из виду — с этими лучевыми ружьями забываешь об отдаче.

— Удивительно, что ты еще самого себя не прошил насквозь... Не пойму все-таки, чем тебе не нравится обыкновенный электронный луч? Он даст сто очков вперед любой молнии...

Блейк поднял несуразное на вид оружие, направил его на стальную мишень и недоверчиво пажал разрядную кнопку. Ослепительный луч протянулся к мишени, и сила, которая разогнала протоны до 100 000 миль в секунду, отбросила разряженный протономет назад.

Стальная пластина внезапно подернулась фиолетовой дымкой. Из нее ударили длинные искры, металл зашипел, словно вода на раскаленной сковородке. Полыхая невыносимым жаром, сталь тут же превратилась в светящийся газ.

Блейк опустил ружье:

— Не так уж плохо. Если ждать удара заранее, то отдача не сильнее, чем у сорок пятого калибра. Не пойму все-таки, в чем тут преимущество? Радиус действия на воздухе — всего полмили, а лучевое ружье и отдачи не имеет, и стреляет непрерывно, и радиус действия у него пять миль. На что нам эта штукавина?

Пентон ухмыльнулся:

— Часа через два мы приземлимся на Трансплутоне, далеко за орбитой Плутона. Мы с тобой будем там первыми людьми и обязаны хоть что-нибудь разузнать о его составе, породах и тому подобном. Какие диковинные минералы образуются при минус 265 градусах по Цельсию? Конечно, химики и геологи из нас никудышные, но, клянусь небом, уж спектр-то мы сумеем расшифровать! А с лучевым ружьем ты спектра не получишь, все спектральные линии безнадежно смазываются. И дезинтегратор для анализа применить нельзя, после него вообще уже нечего анализировать. Потому нам и нужна эта штука: парь, которые она создает, — роскошный материал для спектроскопа!

Теперь слушай: пока ты спал, я успел определить основные параметры. Диаметр планеты примерно пятнадцать тысяч миль, движемся мы сейчас в направлении экваториальной зоны, жаркого пояса — там температура должна быть, видимо, градусов на пять выше абсолютного нуля. Гелий при этих условиях еще газ, но все прочие элементы, какие есть во Вселенной, уже твердеют. У планеты есть спутник, он в миллионе миль от нее, и его диаметр около двух тысяч миль. А сейчас... что, если бы ты занялся завтраком, а я бы пока закончил расчет торможения? Перед нами — огромная равнина, это может облегчить посадку.

Блейк отправился в камбуз, а Пентон навел ослепительный блеск на свое творение и отложил инструменты. За то время, что Блейк пытался приготовить еду, Пентон трижды объявлял тормозное предупрежде-

ние, и всякий раз Блейку приходилось торопливо впахивать продукты и утварь в контейнеры-невыливайки. Однажды ему все-таки пришлось добрых полминуты гоняться по камбузу за яичницей со сковородкой в руках, пока наконец внезапное ускорение корабля не швырнуло яичницу обратно. Блейк молча, со злостью смахнул с груди ошметки желтка и выпустил на сковородку новое яйцо.

За дверью шлюза простиралась безнадежно унылая поверхность Трансплутона. Матовая обледеневшая равнина уходила вдаль к горизонту, затерявшемуся в гнетущем сумраке, который окутывал этот безмерно далекий, загадочный уголок Солнечной системы. Низкое утреннее Солнце на востоке напоминало звезду — нестерпимо слепящая точка, славшая чуть побольше света, чем Луна на Землю. Но свет этот был унылый, совершенно безрадостный. И холодный-холодный.

В стороне, едва заметное, лежало озеро, наполненное чистой, голубоватой, отсвечивающей жидкостью. На его поверхности поблескивали крохотные волны, поднятые слабым ледяным дыханием этого застывшего, неприкаянного мира.

Могильный холод пробрался в шлюз, и Блейка охватила судорожная дрожь. Он передвинул рукоятку обогрева на пояс.

— Боже милосердный, ну и стужа! — воскликнул он, стуча зубами.

В его наушниках металлическим звоном отозвался раскатистый смех Пентона:

— Выходи, дружище Блейк, тебя ждет ласковый ветерок, и теплое солнышко, и яркие звезды!

Блейк обошел корабль, покоившийся на ровной полосе крупного голубоватого песка, окаймленной угловатыми черными глыбами. Здесь равнина кончалась. Озеро прижалось почти к самому подножию

огромного известково-белого кряжа, который уходил вверх, в тускло освещенный звездами сумрак. Кряж тянулся к северу и исчезал вдаль, устремляясь — это они разглядели сверху — к большой реке, притоку еще большей, которая впадала в огромное внутреннее море.

С вершины известково-белого утеса дугой срывалась вниз струйка жидкости, разбрызгиваясь на мельчайшие капельки в разреженной атмосфере замерзшей планеты, атмосфере, состоящей только из гелия да паров водорода. Струйка пролетала почти тысячу футов, прежде чем разбиться на обломках породы у подножия утеса.

Жила темной скальной породы наискось прорезала кряж, уходя направо и резко обрываясь там. Под ней тянулась более тонкая жилка серого камня. Под обрывом на голубоватом песчаном берегу беспорядочно громоздились сорвавшиеся сверху обломки скал, глянцевиито чернея в свете Солнца, удаленного почти на шесть миллиардов миль.

Справа огромный кряж терялся в бескопечной дали, в сумраке, который вечно окутывал горизонты этого мертвого мира.

— Величественно, — вздохнул Пентон, — но очень-то красиво. Пойдем-ка дальше.

Они прошли две мили по берегу и еще с четверть мили вдоль извилистого ручья, который вытекал из озера. Маленький ручей дробился и дробился, разветвляясь на ручейки не более трех футов шириной, разделенные крохотными голубоватыми песчаными отмелями. Пентон осторожно поставил ногу на песчаный грунт, проверяя его прочность. Потом шагнул, еще и еще.

— Смело вперед, Блейк, идти нетрудно!

— Лови! — крикнул Блейк, бросив ему спектральную камеру. Он шел по следам осторожно ступавшего

Пентона. — Слушай, что это за песок такой? Он какой-то псевзаправдашний!

Благополучно перебравшись через ручей, Блейк нагнулся и зачерпнул в толстые рукавицы полную пригоршню песка. На его глазах песок в горсти медленно исчезал.

— Замерзший кислород, надо полагать, — сказал Пентон. — Насчет кряжа не уверен, но думаю, что это азот. Ледники замерзшего азота. Песок у его подножия — тоже, наверно, твердый кислород. А темные камни под ним — обычная скальная порода.

Темная порода поблескивала изломами в тусклом серебряном свете далекого холодного Солнца.

— Света хватает только на то, чтобы увидеть, до чего здесь голо. Даже снега нет, чтобы прикрыл всю эту наготу.

Пентон кивнул:

— Здесь, должно быть, довольно часто идут дожди. Потоки жидкого водорода. За столетия они смыли весь снег, и теперь он остался только в горах. Вроде этой. — Сквозь прозрачный шлем было видно, как он смешно качнул головой, показывая на азотный хребет. — Останемся здесь, я хочу исследовать эту черную жилу.

С помощью Блейка Пентон установил камеру, приладил протономет и выстрелил в каменную жилу, выступавшую на обрыве. Камень вспыхнул в адском пламени, бешено закрутился в протонных смерчах и превратился в сверкающий пар. Пентон нажал триггер спектральной камеры.

— Бледно-зеленая...

— Пентон, — дрогнувшим голосом спросил Блейк, — ты заметил эти круглые камни?

Тэд Пентон скосил глаза на друга.

— Угу, там их сотни, повсюду. Я хочу проверить...

— Они зашевелились, — заявил Блейк. — Я сам видел.

Пентон задумчиво посмотрел на него:

— Это тепи. Пар колышется и...

— Они и сейчас шевелятся, — многозначительно сказал Блейк.

Пентон внимательно взглянул на одну из этих грубо отесанных глыб. Она медленно, очень медленно меняла свои очертания, как и добрая дюжина соседних с ней глыб. И, меняясь на глазах, они медленно, беспорядочно переваливались, приближаясь к тускнеющему раскаленному пятну на поверхности каменистой стены.

— Клянусь протонами! — задохнулся от изумления Пентон. — Они... да они живые!

Блейк взвизгнул и неуклюже отпрыгнул в сторону. Пентон повернулся, сжимая в руках протонмет, потом медленно опустил его. Блейк устремился к узкой, глубокой расщелине в стене обрыва, ведущей в пролом между двумя огромными черными глыбами.

— Если тебе еще раз вздумается завизжать, Род, — резко сказал Пентон, — выключи сначала свой племофон. Они движутся очень медленно, так что можешь не прятаться.

Блейк перешитительно вышел из расщелины.

— Они меня напугали, черт возьми. Попробуй тут не испугаться, когда камень вдруг начинает шагать, а если еще эта сволочная штука прикоснется к тебе сзади...

Внезапно он замолчал, обернулся и сломя голову кинулся к цепочке островков, ведущей на ту сторону ручья и к озеру, где стоял корабль. Пентон с изумлением посмотрел в том направлении, куда обернулся Блейк.

Из сумрака, сгущавшегося к краю огромной равнины, надвигалось Что-то. Десятки существ. Это было уже не медленное перекачивание, а стремительное, хищное продвижение, неправдоподобный марш огром-

ных существ немыслимого мира. Они выкатывались из сумрака, который тянулся до самого горизонта. А Блейк тем временем был уже на полпути к островам.

— Стой, Род, ты не успеешь! — предостерегающе крикнул Пентон. — Вернись!

Блейк приостановил свой тяжелый бег, взглянул назад, оценил ситуацию и с той же скоростью повернул обратно.

— Судя по всему, нам надо пробираться к расщелине, — задыхаясь, произнес он, — и молить бога, чтобы они занялись нами, а не кораблем.

— Нам, я полагаю, ничего не грозит. Мы можем переждать на этой стороне озера. Но что это такое... я в жизни своей не видел ничего подобного!

Огромные существа слегка замедлили свое движение и теперь были видны лучше. Солнце едва освещало их — громадные создания в сотню футов длиной и тридцать в диаметре, быстро катившиеся по плоской равнине. Черная окраска делала их почти невидимыми на темном фоне. В их черноте было нечто от мрака самого космического пространства — полное, абсолютное поглощение любого света, который падал на них.

Первый цилиндр изогнулся и как-то странно сложился, чтобы повернуть в новом направлении.

— Корабль! — взволнованно произнес Пентон. — Они движутся к кораблю. А ну-ка...

Он поднял протономет и нажал кнопку. Тонкая нить раскаленного света пронеслась над озером и врезалась в громадную глыбу движущегося мрака. Цилиндр тотчас отпрянул. На его боку возникло раскаленное добела овальное пятно в двадцать футов величиной. По цилиндру пробежала дрожь, и он замер.

Он как-то странно расслабился, и его черный глянец стал исчезать, переходя в серо-голубоватый цвет. Цилиндр осел, словно надувной шар, проколотый

иглой, и стал распластываться, пока один его конец не коснулся водородного озера. Жидкость забурлила, яростно шипя. Над озером стали подниматься клубы пара, но их тут же уносило резким холодным ветром.

Второй цилиндр, третий, четвертый меняли направление и быстро катились, но уже не к кораблю, а к серо-голубой глыбе, которая тяжело распласталась на берегу. Черные туши извивались вокруг глыбы, заслоняя ее.

Появилось еще с полдюжины существ. Они тщетно корчились, пытаясь найти незанятое местечко возле мертвого тела, затем укатили в сторону корабля. Протономет Пентона ударил еще и еще — пять раз подряд. Пять громадных существ скрючились и рухнули за смертью, окруженные облачком испарений. Другие взгромоздились на них.

Пентон вздохнул и опустил ружье.

— Довольно, — сказал он. — Это бесполезно. Их тут сотни, они все идут и идут, а наш боезапас почти на исходе. Теперь я понял. Они собираются сюда со всей равнины. И все из-за тепла.

— Из-за тепла?

— Это живые существа, и они живут теплом. Слава богу, что корабль выдержит. Каркас у него мощный, а присосаться к нему одновременно может лишь определенное число этих тварей.

— Но почему?.. Они совсем не боятся...

— Им нечего бояться, а может, им вообще неведом страх. Смотри, около корабля их уже не меньше десятка.

Огромные туловища извивались и корчились, влезая друг на друга. А сзади новые, чуть слышно повизгивая и ворча, подталкивали приползших ранее, стараясь протиснуться к нагретой металлической поверхности обшивки.

— Тепло... — вздохнул Пентон. — Оно им необходимо. Они теплокровные, можно даже сказать — кипящекровные. Их черный покров каким-то образом удерживает тепло, пока они живы; он излучает его, как только они умирают. Смотри, они уже бросили того, первого. Он, видимо, совсем застыл.

Блейк задумчиво посмотрел на огромную бесформенную массу возле их маленького космолета.

— Знаешь, наш корабль, конечно, чертовски устойчив и может выдержать любую нагрузку, но я не уверен, что он ее выдержит, когда металл станет хрупким при этой температуре... А если корабль начнет крошиться...

— Не начнет, — уверенно сказал Пентон. — Атомного горючего хватит на двенадцать месяцев, а пока реактор работает, токи в стенках будут согревать металл. Но меня волнует не это. Я хотел бы знать, как нам проникнуть в шлюз? Просто подойти и похлопать по плечу одного из этих сухопутных китов: «Простите, сэр, не будете ли вы так любезны отодвинуться, чтобы мы могли попасть на корабль?»

— Мы с тобой теплые, — сказал Блейк, — и это очень плохо. Если мы подойдем к ним близко, они скорее всего попытаются заключить нас в объятия. Они...

— Уже, — сказал Пентон, глянув назад. — Они нас уже выследили.

С полдюжины цилиндров беспокойно зашевелились, неуклюже тычась в разные стороны. Потом, оторвавшись от борта корабля, они покатали к людям — напрямик через озеро жидкого водорода.

— Они утонут в нем, — заявил Блейк.

— Или замерзнут... — Пентон вдруг замолчал.

Первый цилиндр вкатился в водородные волны, подняв радужные ледяные фонтаны. Он плавно катился, погружаясь все глубже и глубже, пока не ушел на добрых двадцать футов. Лишь тогда он остановился, Блейк,

раскрыв от изумления рот, увидел, как широкий тупой срез огромного цилиндра внезапно расщепился. Словно наматываясь на ворот, толстый пласт черной, глянцевитой кожи стал сворачиваться и вместо морщинистого, бесформенного обрубка, которым раньше кончался цилиндр, появился целый набор всевозможных органов.

На первом плане показалась толстенная, добрых два фута в диаметре труба, которая развернулась, словно хобот слона, и ушла глубоко в это невыразимо холодное озеро. Жидкость заволновалась, покрылась пузырями, завертелась воронками. Потом с чудовищным чавканьем, слышным даже в этой разреженной ледяной атмосфере, труба оторвалась от поверхности.

— Пьет! — У Пентона что-то булькнуло в горле. — Пьет жидкий водород!! Клянусь девятью — нет, десятью планетами — оно пьет эту штуку!!

— Ты, кажется, пророчил, что оно замерзнет? — ехидно спросил Блейк.

Труба снова погрузилась в озеро; еще одна чудовищная тварь присоединилась к первой. Но вот первое чудовище свернуло свою огромную всасывающую трубу и весело покатило прочь от озера к людям.

Блейк неуклюже побежал, Пентон за ним. Огромный цилиндр мчался за ними со скоростью не меньше сорока миль в час, катясь, словно взбесившаяся бочка с горы. Люди первыми достигли узкой, глубокой расщелины между скал, нырнули в нее, и тотчас вся стена задрожала от удара.

Пентон оглянулся. Вход в расщелину перегородил угольно-черный бок гигантской туши, вздымавшейся футов на тридцать в высоту.

— Ну, сюда она наверняка не влезет, — задыхаясь от бега, сказал он.

Туша отодвинулась, дергаясь и тяжело вспучиваясь. Она стала изгибаться, поворачиваться и ударять о скалу. Еще один громадный цилиндр подкатился и глухо ударился о тушу первого. Тот старательно продолжал молотить по скале, повернувшись к ней боком. Громадный, притупленный срез цилиндра наглухо закупорил расщелину, укрывающую людей.

— По очереди, по очереди, джентльмены, — сказал Пентон. — Иначе ничего хорошего у вас... — Тут он подпрыгнул.

Черный морщинистый срез цилиндра расщепился, выдвинулся свернутый хоботовидный придаток, и дюжина двадцатифутовых щупалец метнулась к людям. Пентон вслед за Блейком отпрянул в узкий, сходящийся на нет конец расщелины. Слишком медленно — хлеставшее, как кнут, щупальце свернулось петлей, невероятно мощная живая веревка обвилась вокруг ног Пентона, опрокинула его и дернула назад.

Щупальце рывком вздернуло в воздух беспомощного, лежавшего навзничь Пентона и швырнуло его прямо на черную морщинистую кожу гигантского существа. Тотчас с полдюжины других щупалец захлестнули его со всех сторон, теснее прижимая к черной туше.

Космическая стужа стала высасывать тепло из тела Пентона. Страшное давление парализовало его, втискивало в упругую, податливую кожу огромного чудовища. Обогревательное устройство скафандра не могло противостоять жуткому, невыразимому холоду, исходящему от громадного туловища.

Внезапно где-то рядом с ним сверкнула вспышка ослепительного света, на секунду обдав его благодатным теплом. Гигантские живые канаты судорожно сжались, но Пентон и без того уже был настолько втиснут во вздувшуюся тушу, что почти не ощутил добавочного сжатия. Мощное сокращение мускулов где-то под

толстой кожей чудовища стремительно отшвырнуло Пентона прочь.

Ошеломленный, он поднялся на ноги. Перед ним смутно маячила серо-голубая масса. Земля задрожала под тяжестью полудюжины чудовищ, устремившихся к теплому труп. Пошатываясь, Пентон обошел распластанную, бесформенную тушу, перебрался через клубок все еще содрогавшихся щупалец и почти упал в расщелину.

— А ты крепче, чем мне казалось, — удивился Блейк. — Я уже подумал, не собираешься ли ты оборудовать там постоянную резиденцию?

Сумрачный свет в расщелине стал еще слабее. У входа на остывающем труп неуклюже ползали и шевелились тяжелые черные туши. Пентон с грустью взглянул на них.

— Ну, кто мог ожидать, что тут есть жизнь? Это же совершенно неправдоподобно! Проклятые, безмозглые, бессмысленные твари, которых даже испугать-то толком нельзя!

— Не безмозглые, — прозвучал в его наушниках какой-то необычный голос. — Мы просто потеряли контроль над ними, — добавил голос с отчетливой ноткой грусти.

Блейк медленно перевел взгляд на Пентона:

— Ты что-то...

Пентон взглянул на Блейка.

— Слушай, не надо так, — кротко произнес он. — Ты сказал...

— Нет, — произнес странный голос, — это я сказал. Я. Я лежу здесь на Гругзе — на том, которого вы только что прикончили.

Пентон отполз в глубину расщелины и посмотрел на горловину входа. Там, смутно вырисовываясь на темном небе, второе чудовище громоздилось на остывающей серо-голубой туше,

— Поверьте, я глубоко сожалею, — жалобно произнес голос, — но я ничего не могу поделать. Мы слишком эволюционировали, — добавил он.

— Надеюсь, ты тоже слышишь? — спросил Блейк.

— Еще бы! — Пентон с несчастным видом посмотрел на друга. — Я слышу, это уж точно. Голос звучит в шлемофоне и говорит по-английски, так что нечего сомневаться.

— Это не совсем так, — сказал голос. — Мы здесь не можем общаться с помощью звуков — атмосфера слишком разрежена. На Земле, я знаю, существа изобрели звуковую сигнализацию. Мы же пользуемся радиосвязью, как вы ее называете. Я сожалею, что напугал вас. Если угодно, я замолчу. Я только хотел бы вам объяснить, что мы ничего против вас не замыслиаем.

— Очень... — Блейк слегка дрожал, — очень буду вам благодарен, если вы замолчите. Лучше уж я умру в здравом рассудке.

— Нет, — сказал Пентон. — Вы посылаете радиосигналы. Это я еще могу понять. Но откуда вы знаете английский?

— Наверно, Блейку лучше выключить свой шлемофон, если его это беспокоит, — извиняющимся тоном произнес голос. — Видите ли, я слышу, как вы говорите между собой, и до некоторой степени читаю ваши мысли. Я не могу телепатически передавать, но способен воспринимать.

Черная туша напряглась и неуверенно зашевелилась.

— О простите. Боюсь, что я ухожу. Может, кто-нибудь другой...

Черная гора студенистого мяса вздулась, округлилась и быстро покатилась к озеру. Они услышали новый голос.

— Груз быстро остывает, — произнес он. — Видимо, я не смогу здесь долго оставаться. Конечно, я был бы рад, но...

Голос стал затихать по мере того, как еще одно создание лениво отползло прочь от расщелины.

— Слушай, кто из нас спятил — они или мы? — спросил Блейк. — Должно быть, все-таки мы.

— Не знаю, — безнадежно ответил Пентон. — Они все ушли. Может, попытаемся пробраться к кораблю?

Он осторожно переполз через застывшую мертвую тушу. Вокруг озера собралось около двух тысяч громадных существ. Большинство из них деловито возилось на голубоватом песке, окаймлявшем водоем. Их затупленные цилиндры открылись с одного конца, и знакомые двухфутовые трубы глубоко погрузились в озеро, с хлопаньем и чмоканьем втягивая ледяную жидкость.

С другого конца каждый цилиндр тоже раскрылся. Под внешней защитной оболочкой показалось большое темное углубление; дюжина клейких щупалец, заканчивающихся широкими лопатообразными утолщениями, деловито совала туда рассыпчатый твердый кислород.

— Может быть, мы вовсе и не сошли с ума, — задумчиво сказал Пентон. — Ведь я действительно все это вижу, и это столь же невероятно, как безмозглая туша, которая за пять минут способна выучить английский язык. Смотри, оно заталкивает в одно отверстие твердый кислород, в другое заливает жидкий водород. Они совершенно не умеют вести себя за столом. Если не считать тех, кто предается чревоугодию или устроил кучу малу возле нашего корабля, вся банда лежит себе и загорает на этом ультраразреженном солнышке. Впрочем, они держатся поближе к кораблю.

— Извините, — произнес мягкий голос с едва заметным акцентом. — Боюсь, что я приближаюсь к вам. Лучше бы вам спрятаться в расщелину.

Тед Пентон глянул и вздрогнул. Эти студенистые существа были способны двигаться абсолютно беззвучно, несмотря на свою огромную массу. Всего в ста футах от них катился вдоль стены громадный цилиндр, быстро приближаясь к расщелине. Пентон и Блейк снова нырнули в свое убежище. Чудовищная масса падала на скалу, и земля задрожала от удара. По инерции существо вкатилось на своего застывшего соплеменника.

— О, — удовлетворенно заметило оно, — кажется, я собираюсь здесь остаться... да, да, я остаюсь. Но безопасности ради вам лучше отойти подальше в глубь пещеры.

Существо грузно ворочалось и напрягалось, пытаясь развернуться.

— Наверно, я собираюсь повернуться так, чтобы достать вас своими щупальцами, — сказал голос. — Но если вы как следует отодвинетесь, то все будет в порядке. О, я уверен, что задержусь здесь надолго. Это замечательно.

Чудовище повернулось. Неуклюже, тяжело, но повернулось. Однако длинные клейкие щупальца пзвивались без толку, потому что Блейк и Пентон отступили, насколько позволяла сужающаяся расщелина.

— Замечательно... — проворчал Блейк. — Слушайте, мы хотим выйти отсюда.

— Я знаю, — вздохнуло в ответ существо. — Но я так же беспомощен, как и вы. Я бы мог предложить вам уничтожить меня, как вы поступили с Груззом, но это ничего не даст. Сразу же появятся другие.

— И все-таки, что вы такое? — раздраженно спросил Пентон. — Мы видим безмозглую, студенистую, неуклюжую тушу. Совершенное воплощение

неодухотворенной материи. Но вы за несколько минут изучили наш язык, читаете наши мысли, разумно рассуждаете...

— Ошеломляюще, не правда ли? Я очень хочу вам помочь, но просто не знаю как. Видите ли, сначала мы были разумными существами, хорошо приспособленными к этому несуетному миру...

— Неуютному — не то слово! — проворчал Блейк.

— Нет, мы и вправду были очень хорошо приспособлены. — Огромное туловище напряглось, пытаясь вползти в непроходимо узкую расщелину. — Кажется, я калечу себя, пытаюсь сюда втиснуться... Действительно, в этой глупой горе мяса нет ни малейшей искры разума... Но у нее замечательно организованное тело. Равнины, понимаете? Они тянутся на тысячи миль. Эти горы — практически единственные на планете, как вы, по-видимому, знаете, — да, я вижу, что вы знаете. И здесь так мало тепла. Поэтому для компактной массы, не рассеивающей тепла, например в форме цилиндра, тонкие щупальца удобнее, чем ноги. Ну и конечно, чем больше масса, тем больше объем тела в сравнении с его поверхностью. Вот почему мы так громадны. Громоздкие и ужасно неуклюжие существа. Но на равнинах мы чувствуем себя отлично... Нет, мне действительно лучше не протискиваться в эту расщелину. Я только что поранился.

— Так что же вам мешает, в конце-то концов! — взорвался Блейк.

— Видите ли, я не могу. Я слишком эволюционировал.

Пентон вытаращил глаза:

— Слишком эволюционировали?

— Увы. Вначале, как я уже сказал, мы были существами с высокоразвитым интеллектом. Эта черная кожа, как видите, пропускает тепло только в одном направлении, так что мы не замерзаем. Едим кислород

и пьем водород и кое-что другое. Иногда — друзегов. Это те округлые штуки, которые вы приняли за валуны. И мы греемся на солнце...

— Постойте, что такое — друзеги?

— Это... погодите, как же это будет... ага, это особый вид растений. Они очень медленно передвигаются и все время держатся у ручьев и озер. Большинство из них даже живут в ручьях. Они поедают твердую воду, и азот, и еще многое другое, и тоже греются на солнце, а потом выделяют водород и кислород. Практически на всей планете не осталось воды — друзеги всю ее разложили на водород и кислород. Вся вода, что здесь есть, содержится в наших телах; мы делаем ее из того, что поедаем.

— Но ведь вы так и не объяснили, почему продолжаете протискиваться сюда, когда сами утверждаете, что не хотите этого делать? — возмутился Блейк.

— Увы, мы начинали как существа, обладающие интеллектом, но нам приходилось почти все свое время посвящать поискам пищи. Поэтому постепенно мы выработали способность предаваться размышлениям, пока тело ищет себе пропитание. Вы — ну да, я читаю ваши мысли, — вы ведь тоже можете идти по улице, листая на ходу журнал или газету. Ваш ум как бы предоставляет телу какое-то время самому присматривать за собой. Мы усовершенствовали этот трюк. Мне, например, понадобилось практиковаться почти двести лет... двести наших лет...

— Двести ваших лет! Но это же больше восьмидесяти тысяч земных!

— Вот именно. Не правда ли, ваши внутренние планеты мчатся вокруг Солнца как сумасшедшие?! Да, так что я говорил... — ага, длительность жизни... О, в этом мире нам практически ничто не угрожает, ничто не тревожит и не может нас убить. Мы ведем здесь

очень спокойный образ жизни. По правде говоря, даже ужасно трудно отделаться от своей телесной оболочки. Обычно мы живем по три тысячи лет — это примерно миллион с четвертью ваших. Мне уже около миллиона.

Блейк уставился на странное существо. Черный, тупо срезанный цилиндр, извивающиеся щупальца пытаются схватить людей... Миллион лет!

— Ну вот, мы научились и так преуспели в этом, что провели бесчисленное множество лет, совершенно не обращая внимания на свои тела. Разумеется, за такой срок мы заметно усовершенствовали свой язык и мысли. Мы открыли основные законы космоса и начали понимать возможности механизмов. Мы даже начали конструировать космический корабль, чтобы посетить другие миры. — Голос печально вздохнул. — И тут мы обнаружили, что наши тела тоже выкинули аналогичную шутку — научились обходиться без нас. Как-никак довольно досадно — только заведешь с кем-нибудь интересный разговор, как вдруг твоё тело катится прочь в поисках пищи... Тогда мы решили снова взяться за дело. Но мы так давно забросили наши тела, что они вынуждены были развить у себя некое подобие нервной системы. Своего рода вторичный мозг. Теперь у них есть свой собственный нервный аппарат, и мы больше не можем ими управлять.

Блейк задохнулся от изумления:

— Не можете ими управлять?

— Увы. По-видимому, нервные пути, соединявшие наш мозг с исполнительными органами тела, полностью атрофировались. Ни один из нас ни в малейшей степени не способен управлять своим телом. Я, например, не смог бы здесь оставаться, если б мое тело не ощущало вашего тепла и не пыталось с глупым упорством добраться до вас.

— Слушайте, на чем основана ваша односторонняя теплопроводность? — спросил Пентон. — Я бы не прочь иметь такую же.

— Она действует в живых тканях только при низких температурах, — пояснил голос. — Но я не могу объяснить этого на вашем языке, а у вас нет времени изучать мой язык. Мы не способны контролировать свои тела, но я вижу, что и вы не способны контролировать свой собственный мозг.

— Как это? — изумленно спросил Блейк. — Что вы имеете в виду?

— Часть вашего мозга в данный момент лихорадочно старается найти выход из этой расщелины. Особое беспокойство охватило ее с минуты, как она уловила негромкое «Клик!», которое означает переключение на запасной кислородный баллон. Но ваше сознание, видимо, не обратило на это внимания.

Блейк скосил глаза. Небольшой циферблат внутри шлема подтверждал слова чудовища: содержимое запасного баллона медленно, но верно подходило к концу.

— Послушай, они были как следует наполнены? — насмешливо спросил Пентон.

Блейк тупо кивнул:

— Всего два часа...

— Их должно было хватить на три...

— Разрешите, я вам помогу, — вмешался голос. — Ваше подсознание уже нашло объяснение этому факту. На нашей планете тяжесть больше, вы непривычно много работали и всем вашим мышцам приходилось напрягаться. Поэтому они потребляли необычно большое количество кислорода. Вы ведь градуировали ваши баллоны на Луне, я полагаю? Там притяжение меньше и потребность в кислороде много ниже...

— Вы правы, но кислорода у нас от этого не прибавилось...

— А ведь вы уже вспомнили о твердом кислороде, который разбросан в пещере. Попробуйте использовать его...

Блейк взглянул под ноги. Голубые песчинки твердого кислорода, занесенные в расщелину ветром, лежали вперемежку с мельчайшими частицами настоящего песка и замерзшего азота.

— Можно попробовать.

Пентон отстегнул баллон на спине Блейка. Вдвоем они собрали немного кислородных обломков и опустили их в горловину баллона. Почти пять минут понадобилось, чтобы льдинки превратились в газ; потом клапан баллона щелкнул.

И тотчас рука Блейка дернулась к переключателю, возвращая его в прежнее положение.

— Фу — ну и запах! Жуткая дрянь, дышать невозможно!

— У кислорода был такой приятный и неповторимый запах, — печально произнес голос. — Он был разный в зависимости от типа друзегов... Теперь мы больше не способны его ощущать. Даже прелести тепла мы не ощущаем. А тепло — это было так приятно...

— М-г-м, — вздохнул Пентон. — То-то, я вижу, около корабля собралась целая банда...

— Они очень сожалеют, но ничего не могут подделать. Понимаете, они потеряли контроль... О, смотрите! Кажется, я наконец серьезно порезался!

Щупальца отдернулись, кожистая защитная мембрана захлопнулась, но не полностью. Огромное существо ухитрилось довольно глубоко втиснуться в расщелину и из-за резкого рывка на одном из щупалец образовалась глубокая рана.

Ударила струей густая, клейкая жидкость, которая сразу же затвердевала, едва лишь соприкасалась с холодными скалами,

— Кажется, я все-таки сумел убить себя, — обрадованно произнес голос.

— Сумели убить... Вы как будто радуетесь этому? — Пентон уставился на существо, которое теперь беспорядочно дергалось, пытаясь освободиться.

— Конечно... Сломалась кость и проткнула главный кровеносный сосуд. Минут через десять все кончится. Разве вы не рады будете избавиться от этой глупой горы неуклюжего мяса? Конечно же, я радуюсь. Гругз тоже был невероятно доволен, когда сумел, наконец, сформировать свое силовое поле... по истечении двадцати семи столетий...

— Что это значит? — спросил Блейк.

— Я не смогу вам объяснить, — торопливо сказал голос. — У меня мало времени. Я должен начать формировать свое поле. Да и язык у вас слишком бедный. Я ведь провел больше миллиона лет в размышлениях и исследованиях... Я мог бы разрешить все ваши трудности — научить вас, как сделать необходимое оружие, как создать чисто силовое поле, которое доставило бы вас на родную планету... Но я должен проститься с вами — моя плоть быстро твердеет... Прощайте... — голос прервался.

От раны на боку существа во все стороны пошла серо-голубая волна. Расслабились мощные мышцы, которые поддерживали мощное круглое туловище, и оно стало медленно уплощаться. Чуть заметные колебания поверхности возвещали торопливое приближение других обитателей Трансилутона. Они спешили насладиться теплом своего соплеменника.

— Кажется, я понимаю, — сказал Пентон. — Они совершенно инстинктивно тянутся к любому источнику тепла. Совершенно инстинктивно...

— Совершенно, могу вас заверить, — произнес новый голос. — Я ужасно сожалею, что ваши боеприпасы почти на исходе. Ничего уже не осталось?

— Примерно на три залпа, — с грустью признался Блейк. — Мы не собирались использовать эту штуку как оружие. Мы не думали, что найдем здесь жизнь.

— Жизнь есть на всех планетах Солнечной системы, — заверил голос. — Вам еще представится шанс встретить важнейшие ее формы.

— Может, вы нам подскажите, как сделать, чтобы протономет мог дать еще несколько залпов? — спросил Блейк. — Это увеличило бы наши шансы познакомиться с другими формами жизни, о которых вы говорите.

— Увы. Ваш язык не приспособлен для этого. Если б я мог контролировать ваши тела или хотя бы свое собственное, я бы, пожалуй, это сделал. Но если б я мог контролировать свое тело, вам не пришлось бы прибегать к протонометам, а я давным-давно сформировал бы свое силовое поле...

— Да что это такое в конце концов? — решительно спросил Пентон. — До вас тут один тоже упоминал о силовом поле...

— В момент физической смерти мысль, умственное начало освобождается. Мысль — это силовое поле; доказательство тому — хотя бы передача мысли от одного мозга к другому. Если сосредоточить усилия в одной точке, то можно сформировать в пространстве вихревое поле мысли, которое будет стабильным сколь угодно долго. Этот вихрь питается потоками энергии, рассеянными в пространстве. Но он может быть создан только цепой разрушения физического мозга. А я, — с горечью добавил голос, — не могу приказать своему глупому телу разрушиться. Любой из нас с радостью помог бы вам добраться до корабля, если б только вы сумели уничтожить эти громадные глыбы плоти и освободить нас.

— Единственные глыбы плоти, которым сейчас грозит уничтожение, это наши собственные тела, — за-

метил Пентон. — Но мы отнюдь не жаждем с ними расставаться.

— Да, я знаю, — сказал голос. — Увы. Боюсь, что я ухожу...

Почва слегка содрогнулась. Три громадных цилиндра неуклюже покатались по равнине, чтобы продолжить трапезу на берегу озера.

— Что же нам делать, гори они огнем! — воскликнул Блейк. — Они построены дружелюбно, все они, без сомнения, высокоразумные существа, и в то же время каждый из них — это тупой, безмозглый, разрушительный Молох.

— Огонь, — тихо сказал Пентон. — Гори они огнем. Огнем, ну конечно! — Он радостно засмеялся. — Ну и туп же я! Великолепная идея.

Блейк молча посмотрел на него, потом сказал:

— Я еще тупее. При чем тут огонь?

— Водород, — сказал Пентон, — река и озеро жидкого водорода. Озеро водорода и берег из твердого кислорода... Они хотят умереть? — отлично, клянусь космосом, мы им поможем! Они вынуждены стремиться к теплу, хотят они этого или нет! — отлично! Кислород и водород образуют воду — и чертову уйму тепла!!

— О! — тихо сказал Блейк. — Это точно.

Он выглянул из расщелины. В тридцати футах от них между кислородными островками весело струилась ручей жидкого водорода.

Пентон взобрался на туловище одного из замерзших существ, поднял протономет, прицелился в берег ручья и нажал кнопку. В ослепительной вспышке кислород и водород вернулись в первичное состояние, бешено закружившись газовым смерчем.

А потом пламя погасло. Два больших цилиндра начали было катиться к нему, но остановились, как только исчезло последнее дыхание тепла. Сверху полил

водородный дождь попеременно с мелким кислородным снежком.

Пентон вытаращил глаза:

— Блейк, оно не хочет гореть!

Блейк непонимающе взглянул на друга.

— Оно должно гореть. Законы химии не могут настолько отличаться. Это какая-то аномалия — наверное, здесь слишком холодно. Попробуй еще.

И Пентон снова метнул пылающую струю протонов в берег, где водородные волны плескались о кислородный песок. И снова взрыв превратил водород и кислород в газы — и снова все кончилось дождем и снегом.

Пентон посмотрел на друга и пожал плечами.

— Другие химические законы, что ли? Не хотят гореть, и все. Кончено.

Блейк вздохнул.

— Мой кислород на исходе. И клапаны в баллоне работают плохо. Я уже несколько раз с ним возился. Наверно, я что-нибудь там испортил, когда перекрывал эту вонючую смесь.

Он медленно повернул кислородный клапан, шепча проклятия.

— Опять заело, еще немного — и я бы отдал богу душу. Все-таки задохнуться — совсем не то, что замерзнуть, не правда ли?

— Не вижу особенной разницы, — сказал Пентон. — Оружия нет. Спрятаться некуда. Ждать, пока они уйдут, мы не можем. Невозможно раздобыть кислород. Невозможно пробраться на корабль.

Блейк только чертыхнулся и слегка увеличил приток кислорода в своем баллоне. Потом он медленно поднялся, подошел к застывшей громадине у входа в пещеру, взобрался наверх и посмотрел на равнину. Почти рядом, рукой подать, проклятый водородный ру-

чей извивался по новым протокам, возникшим среди выжженных участков.

Блейк слегка пошатывался.

— Шертовы... твари... — пробормотал он, — шортов в-в'дород... шортов к-к-к'слород... гореть не хотите... гады... Это вода... к-к-кретины... Шделайте... так-кую же... шволочи...

Он был явно пьян: его кислородный клапан спова заело, на этот раз в открытом положении, и Блейк основательно опьянел от избытка кислорода. Пентоп начал было торопливо карабкаться на туловище существа, но тут Блейк вывинтил из скафандра флягу с водой, размахнулся и швырнул ее в ручей:

— На... шертов в-в-в'дород... шделай такую... в-в-воду!

Трясущимися руками он поднял протономет и выстрелил.

Взрыв отшвырнул его назад, бросил на Пентона и свалил их обоих вниз. Немыслимый, в милю высотой, столб голубого пламени с ревом рванулся в черное небо, словно огненный палец, протянувшийся к звездам. В этом огненном водовороте исчез водородный ручей, кислород растаял, вскипел, зашипел языками пламени. Степа огня, рыча и грохоча, стремительно двинулась вдоль берега озера, пожирая кислородный песок и водородную жидкость. Спустя несколько секунд все озеро уже было обрамлено стеной пламени, а водородный водопадик, пизвергавшийся с утеса, превратился в облачко пылающего газа.

Две тысячи существ радостно устремились в этот гигантский погребальный костер, где их ждала мгновенная смерть. Шумно катясь по склону к источнику тепла, лишённые мозга существа повиновались одному лишь слепому инстинкту; они не знали, что тепло может убивать.

Пентон перекрыл кислородный клапан в баллоне Блейка, поднял друга на ноги и почти бегом потащил за собой. Пламя теперь было в полумиле от них — огромное кольцо огня, поднимавшееся к небу. Там уже не было ни кислородного песка, ни водородного ручья. В том месте, где раньше протекал ручей, теперь тянулась изгибающаяся стена горящего газа.

Шагов через сто Блейк выпрямился, тряхнул головой и слегка приоткрыл клапан баллона.

— Опьянел от кислорода... Господи, что тут произошло?

— Заткнись и пошевеливайся! — проворчал Пентон. — Приоткрой клапан пошире, но смотри, не упейся снова. Мы должны добраться до корабля, прежде чем огонь погаснет. Еще почти миля.

Наконец они достигли космолета. Пентон помог Блейку забраться в люк и захлопнул огромную крышку.

— Что случилось? — слабым, задыхающимся голосом произнес Блейк, едва открыл глаза.

— Вода, — ухмыльнулся Пентон. — Просто вода. Нужна была затравка. Водород и кислород не соединяются при полном отсутствии воды. Это старо как мир, но я абсолютно упустил это из виду. Здешные друзеги так усердно поработали, что тут и следа воды не осталось. Вот реакция и не могла начаться, пока не сработала твоя фляга с водой. Давай двигай в рубку! Поищем планету потеплее...

Карлос Раш

Влюбленные со станции „Лунные горы“

На межпланетной станции «Новая орбита», служившей пересадочным пунктом для перехода на околоземную орбиту, этот день как бы сплошь состоял из «часов пик». Почти одновременно с Земли и Луны прибыло сразу несколько ракет, которые доставили сюда главных руководителей космических полетов. Затем подошел и так называемый межпланетный паром.

«Новая орбита» на первый взгляд напоминала гигантское колесо, спицы которого служили причалами для межпланетных кораблей, а по этим спицам курсировали быстроходные лифты, доставлявшие тех, кто только что прибыл, в фойе жилого отсека, где сегодня царил необычное оживление.

Таркор и Ирена разговаривали в фойе близ одной из кабин видеопереговорного устройства. Когда они попали на «Новую орбиту», это фойе было обычным местом их встреч. Разумеется, будь молодые люди на Земле, они отправились бы просто бродить по городским улицам, но здесь, где от ближайшего земного города их отделяло более двухсот километров безвоздушного пространства, другого выхода не было.

— Ну и денечек выдался вчера, — проговорила Ирена. — Сначала меня вызвал начальник отдела...

— Минуточку, — прервал ее Таркор. — Сейчас ты мне все доскажешь... — И он вытянул шею, стараясь разглядеть кого-то в группе людей, столпившихся

у лифта, откуда выходила очередная партия космических путешественников. В толпе произошло движение — молодой, высокий космонавт, раскинув руки, бросился навстречу девушке, которая отделилась от группы вновь прибывших. Молодые люди на глазах у всей толпы крепко обнялись и поцеловались.

— Ведь это же Лоа и Леон! — прошептал пораженный Таркор. — Я помню их со времени практики на «Лунных горах».

— Какая чудесная пара, — прошептала Ирена. — Они словно излучают красоту. — Она с трудом отвела от них взор и взглянула на Таркора.

— Правда, — согласился тот. — Что-то необъяснимое, но это чувствуешь сразу.

— Расскажи мне о них, — попросила Ирена. — Ведь ты их знаешь.

Таркор взял ее под руку, и они пошли в комнату, смежную с фойе.

— Не знаю, смогу ли я тебе объяснить, что именно поразило нас тогда, во время практики, когда среди нас появилась эта пара. — Взгляд его стал отсутствующим. Казалось, Таркор видел сейчас перед собой не металлические и пластмассовые переборки станции «Новая орбита», а далекую Луну. Помолчав, он продолжал: — Это было на последнем семестре нашей космической учебы. Они были в нашей группе и проходили вместе с нами практику. Эта практика продолжалась несколько месяцев, как обычно — месяц на станции «Лунные горы», потом возвращение на учебный корабль «Конструктор Королев», а еще через месяц — опять Луна. Лоа родом из Швеции, сначала проходила практику на скандинавском космодроме в Лапландии на плато Скив-Мальмберг, а я — на пусковой площадке форта Уоомера в Австралии, ну а Леон прибыл к нам с Байконура. Ни за что на свете не согласился бы я променять мой пост в форте Уоомера на плато Скив-Мальмберг, на

мыс Кеннеди, на Гренландию, Сахару или еще на какой-нибудь космодром. Там, у берегов Северной Австралии, мне было хорошо — в свободные дни я часто садился на самолет и отправлялся ловить акул или кататься на водных лыжах вдоль Барьерного Рифа. Право, это было чудесное время! Там, в форте Уоомера, я познакомился и с полковником Пирсом, который нам, будущим космонавтам, читал лекции, а после занятий любил, как и я, побродить босиком по рифам, усыпанным острыми, как бритва, ракушками.

Впрочем, извини, я, кажется, отвлекся. Так вот, о Лоа и Леоне. Я не знаю, где и когда они познакомились. Во всяком случае, когда перед началом учебного года всех нас собрали в актовом зале имени Юрия Гагарина, они уже знали друг друга.

И вот началась наша учеба в Академии космонавтики на Луне. Мы занимались на ракетостроительных верфях в кратере Тихо, учились управлять космическим кораблем на «Конструкторе Королеве», сидели как прилежные ученики за партами станции «Лунные горы», торчали в испытательных камерах Порт-Селены. Прощайте, и Барьерный Риф, и прочие удовольствия! Честно говоря, мне так опостытели все эти стерилизованные и обеспыленные штольни и катакомбы лунных станций, что я был бы отнюдь не прочь вдохнуть разок-другой земной воздух с его пылью и микробами и, ей-богу, был бы рад оказаться, скажем, на плато Сквив-Мальмберг, рискуя даже подцепить там грипп.

Лоа и Леон только и делали, что смотрели друг на друга. Казалось, ничто другое их совершенно не интересует. И из-за этого вскоре у них начались нелады с учебой. Но их нежность и любовь так восхищали нас, что все мы невольно старались им помогать и, образно говоря, тайком убирали камни с их пути, когда наши преподаватели начинали уделять их работам чересчур много времени. Вся наша группа была буквально очаро-

вана их любовью. Когда они были среди нас, с наших губ не сходили добрые улыбки. Более того, мы по мере сил и возможностей пополняли свой словарный запас всеми мыслимыми и немыслимыми поэтическими и лирическими выражениями.

Сейчас я жалею, что не встретил тебя тогда. С каким трепещущим сердцем я ждал бы тебя каждое утро на ступенях нашего актового зала имени Юрия Гагарина! Но слушай дальше. Мне вспоминается маленький, совсем незначительный эпизод. Моя комната в студенческом интернате находилась в катакомбах Лунных гор над их комнатами. Однажды рано утром, когда я брлся, они прибежали ко мне. На их лицах было написано отчаяние. Оказывается, в тот день они были назначены ассистентами на вышку Службы контроля за полетами при Космопорте. Но они проспали. А в это утро была объявлена посадка межпланетного корабля новейшей конструкции, совершающего рейсы под флагом ООН и называвшегося «Наша планета Земля». Все студенты нашей группы умирали от зависти, что эти двое собственными глазами увидят прибытие флагмана космического флота, в то время как остальные под руководством доцента Кришнана Менелюка будут вычерчивать линии, изображающие трассы предполагаемых полетов через пояс астероидов. Видимо, мне следовало бы позлорадствовать, что они умудрились упустить такую возможность, имея лучшие места на «трибуне» — контрольной вышке да еще нажили порядочные неприятности: ведь они никак не смогут попасть на место в срок, потому что контрольная вышка и подземные службы не соединяются туннелем, а выход на посадочную площадку, расположенную в кратере, закрывается за тысячу секунд до момента посадки.

Наверное, шестое чувство подсказало Лоа и Леону, что я сумею им помочь. В их глазах было безграничное доверие ко мне, как если бы я был богом. Они умоляли

меня выручить их. И это мне льстило. — Ну ладно, — сказал я. — Если вы поторопитесь и помчитесь в герметических костюмах и с начищенными шлемами под мышкой к концу туннеля, то, может, еще и поспеете.

— Но как? — спросил Леон.

— А это уж моя забота, — небрежно отмахнулся я. — Моего дядю зовут Александр Пирс. — Соврав раз, я на этом не остановился. — Мы возьмем его служебную машину.

Дело в том, что Пирс был только что назначен руководителем управления Космического флота на станции «Лунные горы». А его служебная машина могла передвигаться по лунной поверхности за двести сорок секунд до момента посадки. Моему плану обеспечен успех — ведь мы с Пирсом там, на рифе, поймали вместе не одну акулу. И если моя проделка обнаружится, то уж его брань я как-нибудь вынесу. Лео и Леон были бледны как мел, но это был их единственный шанс, им ничего больше не оставалось.

Не успел я и глазом моргнуть, как они уже выпорхнули из моей комнаты. Швырнув электробритву на кровать, я выскочил вслед за ними. Лунный скафандр облегченного типа я застегивал уже на бегу.

Добежав до конца туннеля, я повернул за угол и остановился около шикарного лунного лимузина типа «просьон-электроник». Мне никогда не приходилось садиться в такую машину, и я не имел даже смутного представления о его системе программного управления и поэтому рассчитывал обойтись обычным ручным управлением. Собираясь стать инженером по обслуживанию реакторов космических кораблей, я храбро верил в то, что при моем объеме технических знаний я разберусь в пусковых рычагах и атомной батарее этой машины. По тестам на сообразительность я всегда был в числе первых и уже через каких-нибудь сорок секунд в общих

чертах понял систему управления луноходом. И вот я сижу в кресле водителя и запускаю генератор. «Просьон-электроник» с мелодичным жужжанием трогается с места. Для начала я объехал знаменитый обелиск «Год 2000-й», заложенный здесь на грани тысячелетий, когда направленные взрывы пробили тут штольни в лунной породе и положили начало станции «Лунные горы». Только я сделал круг, как прилетели и оба наших голубка.

Я притормозил и открыл дверцы. И тут обилие хромированных деталей и электроники так действовало на Лоа, что она почувствовала себя дамой, которой подали экипаж, и садиться в него она могла лишь не спеша, опираясь на руку своего галантного кавалера Леона. Мы теряли драгоценное время. Разумеется, при этом шлем скафандра выскользнул у нее из рук и покатылся по полу. Леону пришлось лечь на живот и вытаскивать его из-под колес лунохода. Наконец, он тоже забрался в машину, и я теперь мог герметически закрыть дверцы и дать полный ход.

И тут в зеркальце ветрового стекла я увидел адмирала Космического флота — он только что спустился по широким ступеням административного корпуса и вышел на площадь в конце туннеля. Когда он увидал удаляющийся «просьон-электроник», изумлению его не было предела. У меня от страха мороз пробежал по коже — значит, я «увел» не машину Пирса, а луноход самого адмирала! До меня сразу же дошло, что этот человек прибыл сюда только сегодня и специально ради встречи корабля «Наша планета Земля». И если он опоздает на эту встречу, то у нас не будет никакого выхода — разве что тут же залезть в почтовую ракету и ближайшим рейсом удрать на Марс.

Как я уже говорил, по тестам на сообразительность я всегда был в числе первых. Поэтому в туннеле я резко затормозил и стал разворачивать луноход. «Просьон-эле-

ктроник» немного занесло в сторону — он как бы перекосялся на своих широких, мягких как масло баллонах-покрышках, которыми его снабдили для сзды по лунной поверхности. Затем я мягко дал задний ход, снова обогнул обелиск «Год 2000-й» и подкатил к portalу административного корпуса, где стоял адмирал.

Затем я выскочил из машины и, вытянувшись в струнку (что само по себе было для меня необычным), отрапортовал: «Три студента последнего курса обучения с корабля «Конструктор Королев» явились для выполнения обязанности почетного эскорта при адмирале! Предстартовое испытание проведено. Ждем ваших приказаний!»

Лоа и Леон сориентировались мгновенно. Они также выскочили из машины, встали со мной в одну шеренгу и замерли по стойке «смирно». Вероятно, красота студентки так поразила нашего адмирала, что он не выказал никакого недоверия к нашей гусарской выходке. Да, это было так — Лоа в космической форме и со своей любовью к Леону производила совершенно фантастическое впечатление.

И вот мы снова заняли свои места в «просьон-электронике». Я — на сиденье водителя перед панелью управления, а адмирал — сзади, между двумя влюбленными.

Луноход рванулся вперед...

Лоа и Леон сидели, вытянувшись в струнку и глядя прямо перед собой, каждый на краешке своего кресла, колени вместе, шлем скафандра в полусогнутой руке. Адмирал бросил взгляд сначала направо, потом налево, наморщил лоб, словно что-то припоминая, наконец усмехнулся и, наклонившись немного вперед, прочитал на карманах комбинезонов имена обоих. Затем он откинулся в кресло и принялся бесцеремонно разглядывать своих соседей. Надо полагать, чувства, которые

в этот момент испытывала наша парочка, были далеко не из приятных.

Примерно на полпути мы получили сообщение с вышки контроля за полетами, что прибытие корабля «Наша планета Земля» задерживается на три часа.

Я остановил луноход и спросил:

— Прикажете возвращаться, адмирал?

Он покачал головой, а затем задумчиво проговорил:

— Нет, нет. Можете ехать дальше. Эскорт, почетный караул — все это, как известно, не принято в Космическом флоте. Все вы выдумали, вероятно потому, что проспали. А поскольку сейчас от меня зависит, успеете ли вы вовремя попасть на службу, я не хочу расстраивать ваши планы.

Да, он видел нас насквозь и сделал совершенно правильные выводы.

Лицо Лоа залилось краской, а Леон, заикаясь, начал:

— Позвольте, я вам все объясню. Я должен извиниться...

— Не надо ничего объяснять, — сказал адмирал.

И тут он вдруг ни с того, ни с сего стал сообщать интересные подробности о техническом оснащении межпланетного корабля ООН, ударившись в детальные объяснения, — он старался помочь Лоа и Леону выпутаться из щекотливой ситуации, в которую те попали. Между тем мы уже миновали городской шлюз, выбрались на лунную поверхность и выехали на посадочное поле. Он высадил всех нас у контрольной вышки, помаhal рукой и сказал:

— Всегда приветствую находчивых молодых людей, если, конечно, их отвага не переходит в безрассудство. У того, кто не находит правильного решения и из-за этого теряет самообладание, есть серьезный изъян, который с особенной силой проявится позднее — там, в космосе, и от этого может зависеть жизнь. Но, мне кажется, вам это не угрожает. Ну, успехов вам в будущем

и — до свидания! — С этими словами он пересел за панель управления, и через минуту луноход двинулся к станции «Лунные горы».

Таким вот образом я получил свое «место на трибуне» и три часа спустя имел возможность собственными глазами увидеть прилунение корабля «Наша планета Земля». Конечно, я не был назначен в тот день ассистентом на контрольную вышку, но хотел бы я посмотреть, как руководитель службы прилунения спустит меня с нее, когда он своими глазами видел, что я прибыл на машине самого шефа!

В тот день мы видели адмирала еще раза два издали, во время приветственной церемонии по случаю прибытия ракеты ООН. Он даже дружески подмигнул нам. А Александр Пирс, кажется, так никогда и не узнал о нашей самовольной поездке на «просьон-электронике». Во всяком случае, дело осталось без последствий. Адмирал никому не рассказал об этом маленьком происшествии, и мы высоко оценили его молчание.

Артур Кларк

Колыбель на орбите

Прежде чем мы начнем, хотелось бы подчеркнуть одно — то, что многие, похоже, забывают. Двадцать первый век наступит не завтра — он начнется годом позже, 1 января 2001 года. Хотя календари после полудня будут отсчитывать 2000 год, старый век продлится еще двенадцать месяцев. Каждые сто лет нам, астрономам, приходится снова и снова объяснять это, по все напрасно. Стоит в счете всков появиться двум нулям, как уже идет пир горой!

Что говорить, я оказался свидетелем великих событий в истории космонавтики, начиная с запуска первого спутника. В двадцать пять лет я был вычислителем в Капустинном Яру — недостаточно значительной личностью, чтобы присутствовать в контрольном центре, когда шел отсчет последних секунд. Но я слышал старт. Только однажды за всю жизнь я слышал звук, который поразил меня сильнее. (Что это было? — После скажу.) Как только стало известно, что спутник вышел на орбиту, один из ведущих ученых вызвал свой «зил», и мы покатали в Волгоград отмечать событие. Шестьдесят миль одолели за то же время, за какое спутник совершил первый оборот вокруг Земли — неплохая скорость! (Кто-то подсчитал, что выпитой на следующий день водки хватило бы для запуска крошки-спутника, который конструировали американцы, по я в этом не уверен.)

Большинство учебников истории утверждает, что именно тогда, 4 октября 1957 года, начался Космический Век. Я не собираюсь спорить с ними, но, по-моему, самое увлекательное было потом. Что может сравниться по драматизму с тем случаем, когда военные корабли США мчались на выручку Дмитрию Калининну и в последний миг выловили его капсулу из Южной Атлантики! А радиорепортаж Джерри Уингейта, его красочные эпитеты, на которые ни один цензор не посмел покуситься, когда он обогнул Луну и увидел воочию ее обратную сторону! А всего пять лет спустя — телевизионная передача из кабины «Германа Оберта», когда корабль прилунился на плато в Заливе Радуг. Он и сейчас там стоит вечным памятником людям, которых схоронили рядом с ним...

Все это были великие вехи на пути в космос, но вы ошибаетесь, если думаете, что я буду говорить о них. Больше всего меня поразило совсем другое. Я даже не уверен, сумею ли хорошо рассказать, а если и сумею — как вы это подадите? Ведь нового ничего не будет, газеты тогда только об этом и писали. Но большинство из них упустило самую суть, для прессы это была просто выигрышная «человечная» черточка, только и всего.

Было это через тридцать лет после запуска первого спутника, вместе с другими я находился тогда на Луне. Правда, к тому времени я стал уже слишком важной персоной, чтобы заниматься наукой. Прошло больше десятка лет с тех пор, как я составлял программы для электронной машины; теперь моя задача была несколько сложнее — «программировать» людей, ведь я отвечал за проект АРЕС, готовил первую экспедицию на Марс.

Стартовать, понятно, решили с Луны, там тяготение намного слабее и для запуска нужно в пятьдесят раз меньше горючего, чем на Земле. Хотели было соби-

рать корабли на орбите спутника — еще меньше горючего надо для вылета, — но когда продумали все как следует, эта идея отпала. Не так-то просто устраивать в космосе заводы и мастерские; невесомость скорее мешает, чем помогает, когда вам нужно, чтобы все предметы беспрекословно слушались вас. К тому времени, в конце восьмидесятых годов, Первая Лунная База работала полным ходом. Химические заводы и всякие мелкие предприятия производили все для поселка. И мы решили использовать их, вместо того чтобы ценой огромных усилий и затрат сооружать в космосе цовые.

«Альфу», «Бету» и «Гамму» — три корабля экспедиции — собирали на дне Платона. Здесь в кольце гор простерлась, пожалуй, самая гладкая равнина этой стороны Луны и настолько обширная, что наблюдателю, стоящему в ее центре, и не придет в голову, что он находится на дне кратера: горы скрыты далеко за горизонтом. Герметичные купола базы стояли в шести милях от стартовой площадки и были связаны с ней канатной дорогой; эти дороги очень нравятся туристам, но, на мой взгляд, сильно уродуют лунный пейзаж.

В первые дни освоения жизнь на Луне была далеко не сладкой, мы не могли и мечтать об удобствах, которые теперь стали обычными. Центральный Купол с его парками и озерами тогда существовал только на ватмане, впрочем, мы все равно не смогли бы им насладиться — проект АРЕС всецело поглощал нас. Человек готовился совершить первый прыжок в большой космос; уже в ту пору мы рассматривали Луну всего лишь как предместье Земли, камень в реке, на который можно опереться и прыгнуть, куда тебе надо. Наши мысли можно лучше всего выразить словами Циолковского — они висели у меня в кабинете на стене, чтобы каждый мог видеть:

ЗЕМЛЯ — КОЛЫБЕЛЬ РАЗУМА, НО НЕЛЬЗЯ ВЕЧНО ЖИТЬ В КОЛЫБЕЛИ.

(Что вы сказали? Нет-нет, я никогда не встречался с Циолковским. В 1935 году, когда он умер, мне было всего четыре года!)

После многих лет секретности было очень приятно работать рука об руку с людьми всех наций над проектом, осуществлять который помогал весь мир. Из моих четырех заместителей один был американец, другой — индеец, третий — китаец, четвертый — русский. И хотя ученые разных стран всячески старались перещеголять друг друга, это было полезное соперничество, оно только шло на благо нашему делу. Посетителям, не забывшим старые недобрые времена, я не раз с гордостью напоминал:

— На Луне нет секретов.

Ну так вот, я ошибался: секрет был, притом у меня под носом, в моем собственном управлении. Возможно, я бы и заподозрил что-нибудь, если бы бесчисленные детали проекта АРЕС не заслонили от меня все прочее. Теперь-то, оглядываясь назад, я вижу, что было вдоволь всевозможных намеков и признаков, но тогда я ничего не заметил.

Правда, от моего внимания не ускользнуло, что Джим Хатчинс, мой молодой заместитель-американец, становится все более рассеянным, словно его что-то заботило. Раз или два пришлось даже сделать ему выговор за небольшие упущения; он обижался и заверял, что это не повторится. Хатчинс был типичный, ярко выраженный колледж-бой, каких Соединенные Штаты поставляют в изрядном количестве, очень добросовестный, хотя звезд с неба не хватал. Он уже три года был на Луне и едва ли не первым, как только отменили ограничения, забрал с Земли свою жену. Я так и не выяснил, каким образом он оказался

замешанным в эту историю; видимо, сумел нажать тайные пружины, хотя уж его-то никак нельзя было представить себе главным действующим лицом международного заговора. Да что там международного — тут и Луна участвовала, десяток людей, вплоть до высшего начальства в Управлении Астронавтики.

Мне до сих пор кажется чудом, что они сумели все сохранить в тайне.

Восход солнца начался уже два дня назад по земному времени, но, хотя четкие тени заметно укоротились, до лунного полудня было еще пять дней. Мы готовились провести первое статическое испытание двигателей «Альфы»; силовая установка была вся смонтирована, корпус корабля собран. Стоя на равнине, «Альфа» напоминала скорее часть нефтеперегонного комбината, чем космический корабль, но нам она казалась прекрасной, символом будущих завоеваний.

Момент ответственный: еще ни разу не делали таких мощных термоядерных двигателей, и, несмотря на все старания, никогда нельзя быть уверенным... Если теперь что-нибудь не сработает, проект АРЕС может быть оттянут не на один год.

Отсчет времени уже начался, когда ко мне подбежал Хатчинс — бледный и озабоченный.

— Мне нужно немедленно доложить на Базу, — выпалил он. — Это очень важно!

— Важнее испытания? — язвительно осведомился я, сдерживая досаду.

Он помялся, словно хотел мне что-то объяснить, потом коротко ответил:

— Да, пожалуй...

— Хорошо, — сказал я. Он тотчас исчез.

Я мог бы потребовать у него объяснения, но подчиненным надо доверять. Возвращаясь к центральному пульту управления, я раздраженно говорил себе, что сыт по горло этим взбалмошным юнцом, надо будет

попросить, чтобы его забрали от меня. И ведь что всего удивительнее: он не меньше других волновался, как пройдет испытание, а сам вдруг умчался по канатной дороге на Базу. Пузатый цилиндр кабины уже был на полпути к следующей опоре, скользя по едва заметным тросам подобно невиданной птице.

Пять минут спустя я совсем разозлился. Целая группа приборов-самописцев вдруг забастовала, пришлось отложить испытания на три часа. Я метался в контрольном центре, твердя всем и каждому (поскольку бежать от меня им было некуда), что у нас в Капустном Яру такого не случалось. Наконец, после второй чашки кофе я слегка успокоился; и тут в динамиках прозвучал сигнал «Слушайте все». Только один сигнал считался еще важнее — вой аварийных сирен. За все мои годы в Лунном поселке я дважды слышал его — и надеюсь больше никогда не услышать.

Голос, который затем раздался в каждом помещении на Луне и в наушниках каждого рабочего на безмолвных равнинах, принадлежал генералу Стайну, председателю Управления Астронавтики. (Тогда еще существовали всякие почетные титулы, хотя уже никто не придавал им значения.)

— Я говорю из Женевы, — начал генерал Стайн, — на мою долю выпало сделать важное сообщение. Последние девять месяцев проходил ответственный эксперимент. Мы держали его в секрете, считаясь с непосредственными участниками опыта и не желая пробуждать ненужных надежд или опасений. Вы помните, еще недавно многие специалисты не верили, что человек сможет жить в космосе. И на сей раз нашлись пессимисты, они сомневались, удастся ли сделать следующий шаг в покорении Вселенной. Теперь доказано, что они ошибались: разрешите представить вам Джорджа Джонатана Хатчинса, первого Уроженца Космоса.

Последовал щелчок — какое-то переключение, — затем пауза, непонятные шорохи и шепот. И вдруг всю Луну и половину Земли облетел звук, о котором я обещал вам рассказать, — самый поразительный звук, какой мне довелось слышать за всю свою жизнь.

Это был слабый плач новорожденного младенца, первого в истории человечества, который родился вне Земли! В полной тишине, воцарившейся в контрольном центре, мы поглядели сначала друг на друга, потом на корабли на сияющей равнине. Всего несколько минут назад нам казалось, что на свете нет ничего важнее их. И вот им пришлось отступить перед тем, что произошло в Медицинском Центре — и что будет в грядущих веках происходить миллиарды раз в бесчисленных мирах.

Вот тогда-то, уважаемые друзья, я почувствовал, что человек действительно утвердился в космосе,

Источники

- A. Nourse. "Brightside Crossing" из сб. A. Nourse. "Beyond Infinity".
- Chr. Anvil. "The Sandrat Hoax" из сб. "The Eleventh Galaxy Reader" ed. by Fr. Pohl.
- St. Lem. "Ananke", рукопись.
- J. Wyndham. "Adaptation" из сб. "Microcosmic God" ed. by S. Moskowitcz.
- I. Asimov. "Marooned off Vesta" из сб. "Asimov's mysteries".
- Cl. Simak. "Desertion" из сб. "The Big Book of Science Fiction" ed. by Gr. Conklin.
- I. Asimov. "The Unintentional Victory" из сб. I. Asimov. "The Rest of the Robots".
- H. Harrison. "The Pressure" из сб. "Tomorrow's worlds" ed. by R. Silverberg.
- W. Zegalski. "Przygody w pierścieniach Saturna" из сб. "Wyspa Petersena" W, 1968.
- St. Weinbaum. "The Planet of Doubt" из сб. "Tomorrow's Worlds" ed. by R. Silverberg.
- L. Niven. "Wait it out" из сб. "Tomorrow's Worlds" ed. by R. Silverberg.
- J. Campbell. "The Tenth Planet" из сб. J. W. Campbell. "The Planetes.".
- C. Rasch. «Die Verliebten von "Luna Gor"».
- A. Clarke. "Out of the Cradle, Endlessly Orbiting" из сб. "Great Science Fiction about Doctors" ed. by Gr. Conklin and N. D. Fabricant.

Содержание

Г. Гуревич.	Владельцы Солнечной системы .	5
А. Нурс.	Через Солнечную сторону. <i>Перевод с английского Я. Берлина</i>	19
К. Эвилл.	История с песчанкой. <i>Перевод с английского И. Гуровой</i>	51
Ст. Лем.	Ананке. (Пиркс на Марсе) <i>Перевод с польского А. Громовой</i>	87
Дж. Уиндем.	Адаптация. <i>Перевод с английского Н. Кенскевич</i>	161
А. Азимов.	В плену у Весты. <i>Перевод с английского И. Почита- лина</i>	185
К. Саймак.	На Юпитере. <i>Перевод с английского И. Гуровой</i>	207
А. Азимов.	Непреднамеренная победа. <i>Перевод с английского Н. Колпа- кова</i>	224
Г. Гаррисон.	Давление. <i>Перевод с английского Р. Нудель- мана</i>	254
В. Зегальский.	Приключения в кольцах Сатурна. <i>Перевод с польского Е. Вайсброта</i>	280
С. Вейнбаум.	Планета сомнений. <i>Перевод с английского И. Гуровой</i>	295
Л. Найвеп.	Дождусь. <i>Перевод с английского Р. Нудель- мана</i>	330
Дж. Кемпбелл.	Трансплутон. <i>Перевод с английского Р. Нудель- мана</i>	341
К. Раш.	Влюбленные со станции «Луные горы». <i>Перевод с немецкого А. Федорова</i>	367
А. Кларк.	Колыбель на орбите. <i>Перевод с английского Н. Елисеева</i>	376
Источники		383

81 коп.

